This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG
3337
I85
1890
v. 1

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

А. Е. Измайловъ.

:ква, 14 сент. 1890 г.

Izmaïlov, A. E.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

А. Е. ИЗМАЙЛОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНІЕ
„РУССКАГО КНИЖНАГО МАГАЗИНА Б.
на Тверской (близъ Охотнаго ряда), въ д. Комиссарова.
Въ Москвѣ.

МОСКВА.
Типографія Ф. Іогансонъ, Покровка, д. Егорова.
1890.

PG3337
I85
1890
v.1

Александръ Ефимовичъ Измайловъ.

А. Е. Измайловъ извѣстенъ въ исторіи отечественной литературы, какъ одинъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ баснописцевъ: его перу принадлежатъ до 126 басенъ, изъ которыхъ многія перешли въ учебники словесности и хрестоматіи; но, кромѣ басенъ, Измайловъ пробовалъ свои силы во всѣхъ родахъ литературы: онъ писалъ оды, посланія, пѣсни, элегіи, сказки, мадригалы, эпиграммы, и хотя ни по предметамъ своихъ сочиненій, ни тѣмъ болѣе по образамъ и выраженіямъ, имъ зачастую употребляемымъ, онъ никакъ не могъ назваться писателемъ «для дамъ», но таковымъ, не шутя, признавалъ и таковымъ любилъ себя именовать.

Александръ Ефимовичъ Измайловъ, сынъ помѣщика Владимірской губерніи, родился 14-го апрѣля 1779 года. Согласно обычаю того времени, онъ былъ, по достиженіи семилѣтняго возраста, записанъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ рядовымъ; но, благодаря содѣйствію добрыхъ людей, получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе продолжать свое образованіе въ Горномъ училищѣ, куда онъ былъ отданъ не задолго передъ тѣмъ. По окончаніи курса наукъ и по наступленіи срока дѣйствительной службы, Измайловъ, не чувствуя въ себѣ ни малѣйшей наклонности къ военнымъ занятіямъ, просилъ объ увольненіи, вслѣдствіе чего, 3-го января 1799 года, и былъ выписанъ изъ полка, для опредѣленія въ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ губернскаго секретаря, и въ мартѣ мѣсяцѣ того же года началъ свою службу по министерству Финансовъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 33-хъ лѣтъ, Измайловъ не перемѣнялъ рода своей службы и во все это время всего только а раза оставлялъ Петербургъ, и то на

короткое время. Произведенный въ 1824 г. въ статскіе совѣтники, онъ былъ назначенъ въ 1826 г. вице-губернаторомъ въ Тверь, гдѣ оставался около двухъ лѣтъ, послѣ чего, въ 1828 г., былъ переведенъ на то же мѣсто въ Архангельскъ, гдѣ пробылъ около году, и, по возвращеніи въ Петербургъ, былъ сдѣланъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ Финансовъ. Затѣмъ, 3-го октября 1830 г., Измайловъ, согласно прошенію, уволенъ былъ отъ службы по болѣзни и черезъ два мѣсяца послѣ отставки, 16 января 1831 г., скончался въ Петербургѣ.

Не многосложная служебная дѣятельность Александра Ефимовича нисколько не мѣшала его занятіямъ литературою, которую онъ любилъ искренно и горячо. Первое его стихотвореніе, «Смерть», переводъ изъ Малерба, напечатано въ мартовской книжкѣ «Санктпетербургскаго Журнала» на 1798 годъ, а первое прозаическое сочиненіе: «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества», вышло отдѣль-

ною книжкой въ 1799 году, а написано и того ранѣе, какъ это видно изъ собственныхъ словъ автора:

Осьмнадцати небольше лѣтъ
Урода этого я произвелъ на свѣтъ.

Въ 1801 году, подъ его руководствомъ и при его горячемъ содѣйствіи, образовалось «Общество Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ», труды членовъ котораго, подъ названіемъ «Свитокъ Музъ», печатались въ теченіе двухъ лѣтъ (1802—3); кромѣ того, оно выпустило въ 1804 году 1-ю часть «Періодическаго Изданія», а въ 1812—издавало «Санктпетербургскій Вѣстникъ»; наконецъ, желая дать своему обществу самостоятельный органъ, Измайловъ, какъ его президентъ, основалъ журналъ «Благонамѣренный», просуществовавшій съ 1818 г. по 1827 г. Первое изданіе его басенъ и сказокъ (26 пьесъ) явилось въ 1814 году и возбудило общее любопытство, которое стало увеличиваться съ каждымъ новымъ изданіемъ его стихотво-

реній, въ которыхъ басни играли видную роль. Изданія быстро слѣдовали одно за другимъ: въ 1819—второе (по счету автора—третье), въ 1821—четвертое, въ 1826—пятое, въ 1839—шестое, въ 1862—седьмое. Уже одно это количество изданій можетъ служить наглядным доказательствомъ успѣха басенъ Измайлова. И дѣйствительно, его можно смѣло назвать остроумнымъ и оригинальнымъ баснописцемъ, совершенно справедливо заслужившимъ названіе *русскаго Теньера* и *дружки Крылова,* хотя, конечно, въ его баснях нѣтъ ни глубины, ни мудрой простоты послѣдняго. Штрихи его рисунковъ почти всегда вѣрны и широки, лица естественны и живы. Онъ умѣлъ очень ловко схватывать оригинальные оттѣнки народнаго характера и представлять ихъ образно въ своихъ басняхъ. Кто не знаетъ его *отставнаго квартальнаго Пьянюшкина, Павлушку мѣдный лобъ, Яшку-повара* и другихъ дѣйствующихъ лицъ его басенъ? Изъ 126 басенъ, помѣщенныхъ въ послѣднемъ, самомъ пол-

номъ, изданіи его сочиненій, только 39—переводныхъ и подражательныхъ.

Во всѣхъ біографическихъ очеркахъ, замѣткахъ и воспоминаніяхъ о покойномъ баснописцѣ, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ, а также и въ его собственныхъ письмахъ—вездѣ ярко проглядываетъ личность нашего поэта—личность, по преимуществу, добрая, откровенная, простодушная и правдивая. Измайловъ былъ честный человѣкъ и благонамѣренный литераторъ. Онъ ни къ кому не относился враждебно, и каждый, кто узнавалъ его короче, невольно привязывался къ нему. Простодушіе его не имѣло границъ. Съ подписчиками на свой журналъ онъ обходился самымъ безцеремоннымъ образомъ, и никто не сердился на него, потому-что онъ умѣлъ говорить съ ними просто, по дружески. «Благонамѣренный» началъ съ того, что выходилъ ежемѣсячно, потомъ сталъ появляться въ свѣтъ по два раза въ мѣсяцъ, и кончилъ тѣмъ, что превратился въ еженедѣльный журналъ, причемъ самъ Измай-

ловъ въ шутку называлъ его *не дѣльнымъ*. Кромѣ того, книжки выходили неаккуратно и тѣмъ побуждали издателя къ комическимъ оправданіямъ, которыя очень нравились подписчикамъ и заставляли ихъ забывать всѣ претрѣшенія почтеннаго баснописца. Особенно наивно его оправданіе (по случаю несвоевременнаго выхода книжки, во время масляницы 1820 года) въ которомъ прямо говоритъ, что онъ—

Какъ русскій человѣкъ, на праздникахъ гулялъ,
Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ.

Полное собраніе сочиненій Измайлова было издано Смирдинымъ въ 1849 году, въ двухъ частяхъ. Это самое полное изъ всѣхъ вышедшихъ до сихъ поръ изданій.

Наше изданіе добавлено нѣсколько эпиграммами, шутками, пѣснями и сказками, которыя были помѣщены въ «Русской Старинѣ», въ декабрѣ 1875 года.

БАСНИ.

БАСНИ.

I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ и ПОЛЬЗА БАСНИ.

Однажды—кто-бъ повѣрить могъ?
Къ Царю, въ его чертогъ,
Вошла вдругъ Истина нагая.
Царь въ гнѣвѣ закричалъ: „Безстыдница какая!
Какъ смѣла ты войти, и кто ты такова?“
— Я Истина.—„Зачѣмъ!“—Сказать лишь слова два:
Льстецы престолъ твой окружаютъ;
Народъ вельможи угнетаютъ;
Ты нарушаешь самъ нерѣдко свой законъ...—
„Вонъ, дерзкая! вонъ! вонъ!
Гей! стражи! гей! войдите,
Возьмите, отведите
Ее въ смирительный, иль въ съумасшедшій домъ!“

Хорошъ былъ Истинѣ пріемъ!
Вздохнула бѣдная и въ мигъ изъ глазъ пропала
Охота послѣ ей припала
Идти опять къ Царю. Подумала, пошла,
Но ужъ не голая, какъ прежде:
Въ блестящей, дорогой одеждѣ,
Которую на часъ у Вымысла взяла.
Смягчивши грубый тонъ, къ Царю она съ почтеньемъ
Приблизилась, и съ нимъ вступила въ разговоръ.
Царь выслушалъ ее съ великимъ снисхожденьемъ;
Перемѣнился скоро дворъ,
Временщики упали;
Пришелъ на знатныхъ черный годъ;
Вельможи новые не спали;
Царь славу пріобрѣлъ, и счастливъ сталъ народъ.

=

II.

УМИРАЮЩАЯ СОБАКА.

Султанка старый занемогъ,
Султанка слегъ въ постелю.
Лежитъ онъ день, лежитъ недѣлю,
Никто изъ медиковъ Султанкѣ не помогъ;

Часъ-отъ-часу лишь только хуже:
Всѣ ребра у него наружѣ;
Какъ въ лихорадкѣ онъ дрожитъ,
И ужъ едва-едва визжитъ.
Въ канурѣ, у одра больнова,
Соколка, внукъ его, стоялъ;
Не могъ онъ вымолвить отъ жалости ни слова,
И съ нѣжностью его лизалъ.
Султанка на него взглянулъ и такъ сказалъ:
„Ну, видно мой конецъ приходитъ!
Нельзя ни встать, ни сѣсть;
Душа изъ тѣла вонъ выходитъ...
А передъ смертью какъ хотѣлось бы поѣсть!
Послушай, милый внукъ, что́ я тебѣ открою:
Двѣ кости спряталъ я, какъ былъ еще здоровъ,—
Умру, вѣдь не возьму съ собою.
Онѣ вонъ тамъ лежатъ, у дровъ;
Поди же, принеси ихъ обѣ,
И старика утѣшь,
Который скоро будетъ въ гробѣ...
Да только самъ, смотри, дорогою не ѣшь.“
Какъ изъ лука стрѣла, Соколка мой пустился,
Въ минуту воротился,
И кости въ цѣлости принесъ.
Султанка тронутъ былъ до слезъ,
Ну нюхать кости онъ — глодать уже не можетъ,—

Понюхалъ и примолвилъ такъ:
„Когда умру, пускай мой внучекъ это
сгложетъ...
Однако же теперь не тронь ты ихъ никакъ.
Кто знаетъ? можетъ быть, опять здоровъ я буду,
Коль вѣку Богъ продлитъ, тебя не позабуду:
Вотъ эту кость отдамъ тебѣ,
Большую же возьму себѣ.
Постой, что мнѣ на умъ приходитъ?
Есть славный у меня кусокъ еще одинъ;
Я спрятадъ тамъ его, куда никто не ходитъ.
Сказать ли! нѣтъ, боюсь: ты съѣшь, собачій
сынъ!
Охъ, жаль!...“ и съ словомъ симъ Султанша
умираетъ.
На что сокровища скупой весь вѣкъ сбираетъ?
Ни для себя, ни для другихъ!
Несносна жизнь и смерть скупыхъ.

=

III.

КОШКА, ПРЕВРАЩЕННАЯ ВЪ ЖЕНЩИНУ.

Былъ въ старину такой дуракъ,
Что въ Кошку по-уши влюбился;
Не могъ онъ жить безъ ней никакъ:

Съ ней вмѣстѣ ночью спать ложился,
Съ одной тарелки съ нею ѣлъ,
И наконецъ на ней жениться захотѣлъ.
Онъ сталъ Юпитеру молиться съ теплой вѣрой,
Чтобъ Кошку для него въ дѣвицу превратилъ.
Юпитеръ внялъ мольбѣ и чудо сотворилъ:
Дѣвицу красную изъ Машки-Кошки сѣрой!
Чудакъ отъ радости чуть не сошелъ съ ума,
Ласкаетъ милую, цѣлуетъ, обнимаетъ,
Какъ куклу наряжаетъ.
Безъ памяти невѣста и сама,
Охотно руку дать и сердце обѣщаетъ:
Женихъ не старъ, пригожъ, богатъ еще притомъ:
Какая разница съ Котомъ!
Скорѣй къ вѣнцу; и вотъ они ужъ обвѣнчались;
Всѣ гости разошлись, они одни остались.
Супругъ супругу раздѣвалъ,
То пальчики у ней, то шейку цѣловалъ;
Она сама его, краснѣя, цѣловала,
Вдругъ вырвалась и побѣжала...
Куда же?—Подъ кровать: увидѣла тамъ мышь.
Природной склонности ни чѣмъ не истребишь.

IV.

ДВА ПѢТУХА.

Два Пѣтуха согласно, дружно жили;
Явилась Курица—и въ бой друзья вступили.
Чего не дѣлаетъ Амуръ?
Ахъ! кто исторіи не знаетъ бѣдной Трои?
Ужъ тамъ не пѣтухи за куръ,
За женщину дрались и боги и герои.
У Пѣтуховъ бой страшный былъ:
Летѣли перья вверхъ клочками,
Лилась изъ гребней кровь ручьями,
И, наконецъ, одинъ другого побѣдилъ.
Несчастный со стыдомъ въ густой крапивѣ скрылся,
А тотъ побѣдою своею возгордился,
Стрѣлою на заборъ взлетѣлъ,
Взмахнувши крыльями, запѣлъ,
И громкій крикъ его лишь въ воздухѣ раздался,
Какъ въ когти онъ къ Орлу голодному попался;
Лишился съ жизнею и славы и утѣхъ.

Безъ осторожности опасенъ и успѣхъ.

V.

ОСЕЛЪ и КОНЬ.

Одинъ шалунъ Осла имѣлъ,
Который годенъ былъ лишь ѣздить за водою;
Онъ на него чепракъ надѣлъ,
Весь шитый золотомъ, съ богатой бахромою.
Оселъ нашъ важничать въ такомъ нарядѣ стадъ,
И, ушивверхъ поднявъ, прегордо выступалъ;
На встрѣчу Конь ему попался;
А на Конѣ чепракъ обыкновенный былъ;
Тутъ длинноухій разсмѣялся
И рыло отъ него свое отворотилъ.
Такихъословъ довольно и межъ нами,
Безъ чепраковъ, а съ чѣмъ?—ну, догадайтесь сами!

=

VI.

СОВѢТЪ МЫШЕЙ.

Въ мучномъ амбарѣ Котъ такой удалой былъ,
Что менѣе недѣли
Мышей до сотни задавилъ;
Десятокъ, или два, кой-какъ ужъ уцѣлѣли
И спрятались въ норахъ.
Что дѣлать? выйдти—страхъ;

Не выходить—такъ смерти ждать голодной.
На лаврахъ отдыхалъ Котъ сытый и дородный.
Однажды вечеромъ на кровлю онъ ушелъ,
Гдѣ милая ему назначила свиданье.
Слухъ до Мышей о томъ дошелъ:
Повыбрались изъ норъ, открыли засѣданье,
И стали разсуждать,
Какія мѣры имъ противъ Кота принять.
Одна Мышь умная, которая живала
Съ учеными, на чердакахъ,
И много книгъ переглодала,
Совѣтъ дала въ такихъ словахъ:
„Сестрицы! отвратить грозящее намъ бѣдство
Я нахожу одно лишь средство,
Простое самое. Оно въ томъ состоитъ,
Чтобъ нашему злодѣю,
Когда онъ спитъ,
Гремушку привязать на шею:
Далеко-ль, близко-ль Котъ, всегда мы будемъ знать,
И не удастся насъ врасплохъ ему поймать.“
—Прекрасно! ахъ, прекрасно!
Вскричали всѣ единогласно.
Зачѣмъ откладывать? какъ можно поскорѣй
Коту гремушку мы привяжемъ,—
Ужъ то-то мы себя докажемъ?
Ай, славно! не видать ему теперь Мышей

Такъ точно, какъ своихъ ушей!—
„Все очень хорошо; привязываться кто-жъ
станетъ?“
—Ну, ты.— „Благодарю!“
—Такъ ты.—„Я посмотрю,
Какъ духа у тебя достанетъ!“—
—Однакожъ, надобно.—„Что долго толковать?
Кто сдѣлалъ предложенье,
Тому и исполнять.
Ну, умница, свое намъ покажи умѣнье.“
И умница равно за это не взялась,
А для чего-жъ бы такъ?... дѣлашка запрялась!
Куда какъ право чудно!
Мы мастера учить другихъ;
А если дѣло вдругъ дойдетъ до насъ самихъ,
То исполнять намъ очень трудно.

XII.

ДРЯХЛЫЙ ЛЕВЪ.

Когда Левъ силенъ былъ и царствовалъ въ
лѣсахъ,
Какъ всѣ его боялись!
А сдѣлался Левъ старъ, всѣ звѣри взбунто-
вались.
На злыхъ одна узда—лишь страхъ.

Клятвопреступники присягу позабыли,
И своего Царя ко смерти осудили—
Царя, который былъ для нихъ всегда отцомъ.
Въ пещерѣ дряхлый Левъ лежалъ передъ концомъ,
Одинъ, всѣхъ силъ лишенный,
Болѣзнью, голодомъ и жаждой изнуренный;
Отъ слабости едва-едва ужъ онъ стоналъ,
И прежнее свое величье вспоминалъ.
Вдругъ съ бѣшенствомъ къ нему убійцы прибѣжали,
На полумертваго напали:
Огромный, страшный Быкъ
Кололъ его рогами,
Конь билъ копытами, а Волкъ кусалъ зубами.
Скрѣпился бѣдный Левъ-старикъ:
Молчалъ, хотя страдалъ чрезъ мѣру;
Но видя, что Оселъ бѣжитъ къ нему въ пещеру,
Затрясся и взревѣлъ:
„О, боги! умереть я съ твердостью хотѣлъ,
И терпѣливо всѣ переносилъ мученья;
А отъ Осла снести невъ силахъ посрамленья!“

=

VIII.

КОЗЕЛЪ и ЛИСИЦА.

Козелъ большой, рогатый,
Преважный съ виду, бородатый,
Но по уму едва-ль не брать ослу родной,
Съ плутовкою Лисой дорогой шелъ одной.
День самый жаркій былъ; листокъ не колыхался;
Ихъ жажда мучила, а солнце ихъ пекло.
Шли, шли они, и вдругъ колодезь имъ попался.
„Смотри-ка, куманекъ, вода здѣсь какъ стекло!
Не хочешь ли испить?“ Лиса Козла спросила.
Безмозглый бородачъ въ колодезь мигомъ скокъ:
Колодезь этотъ былъ, по счастью, не глубокъ.
Лисица, видя то, туда же соскочила,
И взапуски, ну двое пить.
Лиса, напившися сказала: „Какъ намъ быть,
Голубчикъ куманекъ? Идти еще далеко;
А вылѣзть вонъ нельзя—высоко!“
—Не приложу ума:
Подумай, кумушка, сама.—
„А вотъ я вздумала: пожалуй потрудися,
На задни ноги встань, передними уприся
Покрѣпче ты въ обрубъ, да чуръ не шевелися;

Отсюда выѣзду я по твоимъ рогамъ,
А тамъ
И кума вытащить на верхъ я постараюсь."
—И вправь такъ! удивляюсь!
Ужъ что за кумушка! какая голова!
Да мнѣ бы этого не выдумать дня въ два.
Изволь...—и съ словомъ симъ Лисѣ подставилъ роги.
Лисица выглѣдала.—„Сиди же здѣсь, глупецъ!"
Сказала, и давай Богъ ноги!

Предвидѣть надобно во всѣхъ дѣлахъ конецъ.

=

IX.

КУКУШКА.

„Послушайте меня, я не совру!"
Кукушка говорила птицамъ,
Чижамъ, щеглятамъ и синицамъ:
„Была я далеко, въ большомъ густомъ бору;
Тамъ слышала, чего доселѣ не слыхала,
Какъ Соловей поетъ.
Ужъ не понашему! Я хорошо пѣвала,
Да все не то—такъ сердце и замретъ
Отъ радости, когда во весь онъ голосъ свиснетъ,
А тамъ защелкаетъ, или тихо пуститъ трель;

Забудешься совсѣмъ, и голова повиснетъ.
Ну что́ противъ него свирѣль?
Дивилась, право, я, дивилась...
Однако же не потаю:
По соловьиному и я пѣть научилась.
Для васъ, извольте, пропою
Точнёхонько, какъ онъ—хотите?"
—Пропой, послушаемъ.—„Чуръ не шумѣть,
молчите!
Вотъ выше сяду на суку.
Ну, слушайте-жъ теперь: куку, куку, куку!"
Кукушка хвастуна на память мнѣ приводитъ,
Который классиковъ-поэтовъ переводитъ.

=

X.

ФИЛИНЪ и ЧИЖЪ.

Въ лѣсу Соловушко зарей вечерней пѣлъ,
А Филинъ на соснѣ, нахмурясь, сидѣлъ,
И укалъ, что́ въ немъ было мочи,
Какъ часовой средь ночи.
„Пожалуй, дядюшка-голубчикъ, перестань,
Сказалъ Чижъ Филину: ты соловью мѣшаешь."
—Молчи, дуракъ, молчи; ты ничего не знаешь.
Что Соловей твой?—дрянь!

Ну такъ ли встарину пѣвали?
И такъ ли молодцы изъ насъ теперь поютъ?
—„Да кто же? Соловья мы лучше не слыхали;
Ему здѣсь первенство всѣ птицы отдаютъ.“
—Неправда! онъ поетъ негодно, вяло, грубо,
А хвалитъ кто его, несетъ тотъ сущій бредъ.
Вотъ Воронъ, мой сосѣдъ,
Когда закаркаетъ, то, право, сердцу любо!
Изряденъ также черный Грачъ:
Хоть малъ, а свилъ гнѣздо подъ крышкой храма славы.
Кукушкинъ на кладбищѣ плачъ
Намъ тоже дѣлаетъ забавы.
Но Сычъ—вотъ изъ пѣвцовъ пѣвецъ!
Его брать должно въ образецъ,—
Кричитъ безъ умолку, прекрасно!
Скажу предъ всѣми безпристрастно,
Что нѣтъ здѣсь равнаго Сычу...
Зато я самъ его учу.

=

XI.

ЛЕБЕДЬ, ГУСЬ, УТКА и ЖУРАВЛЬ.

Двѣ птицы плавали въ прудѣ:
Красивый Лебедь, чистый, бѣлый,
Да сѣрый Гусь, дрянной.—Глядѣлся мѣсяцъ свѣтлый

Въ прозрачной зеркальной водѣ;
Лучи его въ струяхъ играли серебристыхъ;
Зефиръ чуть колебалъ листы деревъ вѣтвистыхъ.
И Лебедь началъ гимнъ вечерній Богу пѣть.
Гусь этого не могъ стерпѣть,
Вскричалъ *га! га!* и, вытянувши шею,
Шипѣлъ подобно змѣю.
Гдѣ Утка ни возьмися тутъ,
И говоритъ: „Куда какъ хорошо поютъ!
Однако, Гусь поётъ пріятнѣе, нѣжнѣе,
Да онъ же и плыветъ важнѣе.“
— Что́ ты, прожора, врёшь?
Прервалъ ее Журавль: молчи пока не бита!
Не даромъ первенство ты Гусю отдаешь:
Онъ ѣсть тебѣ даетъ изъ своего корыта. —
Кто Утка?—Подлый журналистъ.
А Гусь? — Ремачъ-капиталистъ.

=

XII.

ВОЛКЪ и ЖУРАВЛЬ.

Волкъ костью какъ-то подавился,
Не мудрено: всегда ѣсть торопился;
Кость стала въ горлѣ у него.
Прожора захрипѣлъ, стѣснилось въ немъ дыханье,

Ну, словомъ, смерть пришла его,
И онъ хотѣлъ въ грѣхахъ принесть ужъ покаянье.
По счастію, Журавль тутъ мимо проходилъ.
Страдалецъ передъ нимъ пасть жалебно разинулъ;
Журавль въ нее свой носъ предлинный опустилъ—
И кость удачно вынулъ.
Волкъ вспрыгнулъ съ радости, избавясь отъ бѣды.
„А что жъ мнѣ за труды?“
Спросилъ носатый врачъ.—Ахъ, ты, неблагодарный!
Волкъ съ сердцемъ отвѣчалъ: да какъ просить ты смѣлъ?
Смотри, какой нахальный!
Благодари за то, что носъ остался цѣлъ!—

XIII.

БЕЗХВОСТАЯ ЛИСИЦА.

Престорожная, прехитрая Лисица,
Цыплятъ и куръ ловить большая мастерица,
На старости своей такъ одѣлась проста,
Что въ западню попалась;
Вертѣлася всячески, туда-сюда металась,

И вырвалась кой-какъ, но только безъ хвоста.
Какъ въ лѣсъ безхвостой показаться?
Плутовка вздумала на хитрости подняться.
Взявъ важный и степенный видъ,
Идетъ въ пещеру, гдѣ сбиралися лисицы.
„Подруги и сестрицы!
Такъ говоритъ она: какой намъ, право, стыдъ,
Что по сіе мы время
Всѣ носимъ гнусное и тягостное бремя,—
Сей хвостъ, который по земли
За нами тащится въ грязи, или въ пыли,
Какая польза въ немъ, скажите?
А вредъ весь отъ него я доказать могу.
Вы, вѣрно, сами подтвердите,
Что безъ хвоста быть легче на бѣгу,
Что часто за хвосты собаки насъ ловили;
Но если бы теперь хвосты мы обрубили,..“
— Остановись, остановись!
Одна ей изъ сестеръ сказала.
„А что?“ — Пожалуйста къ намъ задомъ
обернись.—
Кургузая тутъ замолчала,
Попятилась назадъ и тотчасъ убѣжала.
„Какъ страшно замужъ выходить!“
Невѣстамъ всѣмъ твердитъ увядшая дѣвица.
Конечно, что-жъ ей говорить?
Такая-жъ и она безхвостая Лисица.

XIV.

ГОРЛИЦА и МАЛИНОВКА.

„Позволь сказать себѣ, сестрица, ты чудна:
(Такъ Горлица одна
Малиновкѣ-пѣвицѣ говорила).
Ты никого еще въ лѣсу не полюбила.
Что ты монахиней живешь,
И только отъ утра до вечера поешь?
Хоть пѣть и весело, а, право, веселѣе
Весною жить самъ-другъ.
Ахъ, поцѣлуй одинъ всѣхъ пѣсенъ мнѣ милѣе!
Послушайся меня, мой другъ:
Жить надобно для наслажденья;
Возьми любовника.“ — Спасибо за совѣтъ,
Сказала скромно ей Малиновка въ отвѣтъ:
Мнѣ скучно быть безъ упражненья,
Я быть свободною хочу,
И счастлива сама собою. —
„Прощай же, Богъ съ тобою!
Пой на просторѣ ты, я къ Голубку лечу.“
При сихъ словахъ онѣ разстались,
И долго, долго не встрѣчались;
Но, наконецъ, лѣтъ черезъ пять,
Увидѣлись опять.
Кокетка-Горлица ужъ очень устарѣла,
Потухъ въ глазахъ огонь, чуть ноги волокла.

Малиновка съ трудомъ узнать ее могла.
— А, здравствуй, милая! Что такъ ты похудѣла?—
Спросила у нее она.
Съ дружкомъ ты здѣсь, или одна?
„Одна, ей Горлица со вздохомъ отвѣчала:
Ты видишь, какова я стала!
Кому теперь меня любить?
Мнѣ платятъ за любовь лишь смѣхомъ, да презрѣньемъ.
Куда несносно старой быть!“
— А мнѣ такъ пѣсни утѣшеньемъ
На старости моей,—
Малиновка сказала ей.
„Неужь ли и теперь ты пѣть не перестала?“
— Я спала съ голоса давно,
Но слуха я не потеряла;
Такъ слушаю другихъ, а это все равно.

О, какъ полезны намъ искусства и науки!
Счастливъ, кто въ юности къ занятіямъ привыкъ:
И въ самой старости не чувствуетъ онъ скуки.
Пусть, силъ лишась, старикъ
Не можетъ болѣе съ успѣхомъ самъ трудиться
Но дарованіемъ чужимъ онъ веселится.

XV.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ и ДВѢ ЛАСТОЧКИ.

Жестокую войну
Съ Мышами Ласточки имѣли:
Кого ни брали въ плѣнъ, всѣхъ ѣли.
Случилось какъ-то, Мышь летучую одну
Въ ночную пору
Занесъ лукавый въ нору
Къ голодной ласточкѣ. „Прошу покорно сѣсть,
Съ насмѣшкой Ласточка сказала:
Ты Мышь? Тебя мнѣ можно съѣсть?“
— Помилуй, та ей отвѣчала,
Не ѣшь, а лучше разсуди,
Да хорошенько погляди:
Въ своемъ ли ты умѣ, сестрица?
Вотъ крылья у меня,—я птица!—
Окончилась война
У Ласточекъ съ мышинымъ родомъ,
Но съ птичьимъ уже брань онѣ вели народомъ,
И Мышь летучая опять
Въ плѣнъ къ Ласточкѣ другой попала
„Ты птица? Ты теперь летала?“
— За что меня такъ обижать?
Я Мышь и изъ Мышей природныхъ
Былъ смѣлой плѣнницы отвѣтъ;

Похожа-ль я на птицъ негодныхъ?
На мнѣ и перьевъ вовсе нѣтъ!“
Въ другой разъ хитростью такой она спаслася,
И ложь и истина равно ей удалася.

=

XVI.

ПАВЛИНЪ, ДВА ГУСЯ и НЫРОКЪ.

Павлинъ дугою хвостъ блестящій распустилъ;
Всѣ птицы любовались,
Какъ въ перьяхъ у него цвѣты переливались;
Но въ лужѣ сѣрый Гусь другому говорилъ:
„Кто ждалъ такой тревоги?
Скажи, чего смотрѣть? что́ у него за ноги?“
— Да, подхватилъ другой: Павлинъ съ ногъ молодецъ.
Онъ, вѣрно, танцовать здѣсь учитъ.
Чу, слышишь, какъ кричитъ?... Ну, братъ, какой пѣвецъ!
И кошка такъ не промяучитъ.
„Постойте, молвилъ имъ Нырокъ:
Я съ вами, господа, согласенъ:
Въ ногахъ и въ голосѣ одинъ у васъ порокъ;
Но у Павлина хвостъ прекрасенъ.“

Ахъ, сколько и у насъ есть критиковъ
такихъ,
Которые талантъ отличный ненавидятъ
За то, что нѣтъ его у нихъ,
И съ радостью въ другомъ свой недостатокъ видятъ!

=

XVII.

КОТЪ и КРЫСЫ.

У одного купца Котъ очень разжирѣлъ.
И какъ не разжирѣть! Лишь только спалъ, да ѣлъ,
А на мышей и крысъ совсѣмъ и не глядѣлъ.
Зато онѣ его нисколько не боялись:
По милости его, владѣя чердакомъ,
Неблагодарныя надъ нимъ еще смѣялись,
И Ваську смирнаго считали дуракомъ.
Однажды этотъ Котъ, покушавши плотненько,
Пошелъ къ нимъ на чердакъ, чтобъ отдохнуть маленько;
Свернулся на полу клубкомъ,
И что-жъ? проклятыя вѣдь не дали покою!
Такую подняли возню между собою,
Что полъ отъ нихъ дрожалъ;
Но Котъ смирнёхонько лежалъ.

Подумали они, что Васька ихъ боится;
Стучатъ, шумятъ, бранятъ и кошекъ и котовъ,—
А онъ не шевелится,
Не слышитъ, кажется, ихъ словъ.
Вдругъ Крыса бойкая, съ престрашными усами,
Съ предлиннымъ, въ пять вершковъ, хвостомъ,
Кричитъ: „Да сдѣлаемъ одинъ конецъ съ Котомъ!
Съѣдимъ-ка мы его; увидите вы сами,
Что очень вкусенъ онъ:
Смотрите, какъ жирёнъ!
Вотъ и обѣдъ готовъ. Чего же дожидаться?
Ну! ну! за дѣло приниматься!
Которая изъ насъ храбрѣй,
Та носъ ему откуситъ;
За мной, за мной скорѣй,
Ступайте кто не труситъ!“
Сказала, и летитъ впередъ къ Коту стрѣлой.
За ней всѣ кинулись въ аттаку.
Что-жъ сдѣлалъ бѣдный Васька мой?
Вступить рѣшился въ драку:
Вскочивши на ноги, согнулся весь дугой;
Шерсть поднялась на немъ, онъ засверкалъ глазами,
И началъ работать когтями и зубами—

Колонну цѣлую единымъ мигомъ смялъ.
Смѣшались Крысы, побѣжали,
Иныя же просить себѣ пощады стали;
Но Котъ въ-сердцахъ никакъ пардона не давалъ,
И въ кучу всѣхъ поклалъ.

Шути, да только осторожно;
Не то, въ бѣду попасться можно.
Иной дѣйствительно смиренъ,
И сноситъ долго оскорбленья;
Но если выведутъ его ужъ изъ терпѣнья;
То наглецовъ проучитъ онъ.

=

XVIII.

ПОПУГАЙ.

Изъ клѣтки вылетѣлъ зеленый Попугай
И въ ближней рощѣ поселился;
А роща истинно была эдемскій рай:
Ручей кристальный тамъ, журча по камнямъ, лился;
По берегамъ росла шелкóвая трава,
Кусты шиповника, сѣнетны дерева;
Кругомъ же множество большихъ деревъ, вѣтвистыхъ:

Кленовъ, дубовъ и липъ душистыхъ.
Тутъ жили сотни птицъ: Малиновокъ, Дроздовъ,
Синичекъ, Пѣночекъ, Варакушъ, Соловьёвъ.
Лишь утромъ горизонтъ отъ солнца озлатится,
Огромный хоръ пѣвцовъ пернатыхъ ужъ гремитъ...
Все въ рощѣ веселится,—
Одинъ мой Попугай, нахохлившись, сидитъ.
Съ презрѣньемъ головой качаетъ,
Пѣвцовъ, пѣвицъ пересмѣхаетъ,
И, что̀ въ немъ мочи есть, свиститъ.
Дроздъ, по его словамъ, поетъ совсѣмъ безъ чувства,
А у Малиновки недостаетъ искусства;
Не знаетъ музыки Скворецъ;
У соловья органъ годится,
Но много надобно ему еще учиться.
Вотъ, наконецъ,
Всѣ птицы вышли изъ терпѣнья,
И говорятъ ему: „Ты пѣть намъ не даешь,
Свистишь, какъ мы поемъ; но какъ ты самъ поешь?
Дай своего послушать пѣнья:
Примѣръ понятнѣе бываетъ наставленья;
Мы постараемся манеръ твой перенять.“

Головку почесавъ и шею,
Свистунъ имъ отвѣчалъ: я *мастеръ лишь свистать*,
А пѣть такъ не умѣю.

=

XIX.

НАСѢДКА.

„Куда какъ я ужасно похудѣла!
Насѣдка хвастала передъ сестрой своей:
Подумай, двадцать дней
На яицахъ сидѣла,
Все время не пила, не ѣла:
Скажу, что много было дѣла!...“
— А много-ль у тебя, скажи, цыплятокъ всѣхъ?
Подруга у нея спросила.
„Да нѣтъ ни одного, попуталъ какъ-то грѣхъ —
Всѣ яица передавила.“

Какъ эта курица, точь-въ-точь,
Иной твердитъ: *сижу за дѣломъ день и ночь!*
И подлинно сидитъ, отъ мѣста не отходитъ,
Да перья по́-пусту съ бумагой переводитъ.

=

XX.

ЯГНЕНОКЪ и ПОРОСЕНОКЪ.

Мужикъ въ телѣгѣ везъ Ягненка
И Поросенка.
Куда же?... въ рядъ мясной.
Вотъ поросенокъ развизжался,
Какъ-будто бы мясникъ съ ножемъ за нимъ
ужъ гнался,
Кричитъ: *увы! увы!* „Проклятый сынъ свиной!
Сказалъ Мужикъ ему: когда ты перестанешь?
Ну, что Ягненокъ не кричитъ?
Смотри, какъ онъ уменъ — молчитъ.“
— Нѣтъ, глупъ! прервалъ визгунъ: меня-
то не обманешь!
Онъ думаетъ: что шерсть съ него лишь
состригутъ;
А я могу ли быть въ покоѣ?
Я знаю, съ поросятъ щетины не берутъ,
Такъ вѣрно ужъ меня убьютъ,
И на холодное пойду, иль на жаркое.
Ахъ, не сносить мнѣ головы!
Увы! увы!

Полезно иногда для насъ и заблуждаться,
Когда несчастіе не можно отвратить.

Къ чему и дальновиднымъ быть?
Что́ прежде времени намъ сѣтовать и рваться?

=

XXI.

ЛЬВИЦА и СВИНЬЯ.

Расхвасталась Свинья однажды передъ Львицей,
Что принесла она вдругъ дюжину дѣтей,
И вотъ какъ говорила ей:
„Ты, кажется, еще слывешь у насъ царицей,
А однаго родишь, и то не каждый годъ.
Ну, что вашъ передъ нашимъ родъ?
И можно-ль съ нашею сестрой тебѣ сравниться?
Взгляни-ка на моихъ ребятъ.
Двѣнадцать, видишь ли? двѣнадцать?..“
—Поросятъ;
А у меня одинъ, но Левъ за то родится.

Георгики писалъ Виргилій девять лѣтъ;
А право въ девять дней у нашего Вралёва
Поэма можетъ быть готова.
За то Вралёвъ риѳмачъ, Виргилій же поэтъ.

=

XXII.

ДВА ОСЛА.

Шли два Осла дорогою одной,
И разсуждали межъ собой
О политическихъ и о другихъ предметахъ.
(Они ужъ оба были въ лѣтахъ.)
„Что, братецъ, говоритъ одинъ:
Какъ можетъ мнимый нашъ, безхвостый господинъ—
Ну, знаешь, Человѣкъ—ругаться такъ надъ нами?
Въ насмѣшку онъ зоветъ Ослами.
Кого же? самыхъ ужъ безмозглыхъ дураковъ,
А право, у людей немного есть головъ,
Какія у Ословъ.“
— И вѣдомо! да вотъ, безъ лести,
Каковъ ты, напримѣръ, у нихъ такого нѣтъ.
Гордился бы тобой парламентъ, иль совѣтъ.
„Помилуй, много чести!“
— Нѣтъ, нѣтъ, что чувствую, то я и говорю.
Конечно... отъ тебя не скрою,
И я иного члена стою;
Но что же я передъ тобою?
Совѣтовалъ бы я Льву, нашему царю,
Чтобъ воспитать тебѣ наслѣдника для трона:
Ты безъ пристрастія, умнѣе Фенелона.

Не полѣнись, любезный братъ,
О воспитаніи намъ сочинить трактатъ.
„То правда, я имѣю знанья,
Пригодныя для воспитанья,
Но не имѣю остроты
И краснорѣчія, какъ ты.
— Э, шутишь! а твое похвальное-то слово
Ослицамъ!... Лучше бы я самъ не написалъ.
„Другое у меня еще теперь готово;
Изволь, прочту тебѣ.“ О, чортъ бы ихъ побралъ!
Другъ дружку до того хвалили,
Что послѣ и у всѣхъ Ословъ въ почтеньи были.
Нѣтъ легче ничего, какъ нравиться глупцамъ:
Хвали ихъ, и они равно тебя похвалятъ;
Притомъ и въ нуждѣ не оставятъ.
Гдѣ много дураковъ, житье тамъ подлецамъ.

=

XXIII.

ГОРА ВЪ РОДАХЪ.

Родами мучилась Гора;
Земля вокругъ дрожала.
Бѣдняжка простонала
Съ полудни до утра;

Разсѣлась наконецъ, и родила... мышенка.

Но это старая, всѣ знаютъ, побасёнка;
А вотъ я быль скажу: Одинъ поэтъ писалъ
Не день, не два, а цѣлый мѣсяцъ сряду,
Чернилъ себя, крестилъ, маралъ;
Потомъ друзей созвавъ, предъ ними прочиталъ...
Шараду.

=

XXIV.

ВОРОБЬИ и ОВСЯНКА.

Накрывши сѣтью Воробьевъ,
Мужикъ имъ говорилъ: „Вотъ я васъ всѣхъ, воровъ!
Вы на поле мое летали,
Горохъ клевали!
Не долго дамъ теперь сидѣть вамъ въ полону:
Всѣмъ головы сверну,
И въ кашицу.... Да ты, Овсянка, какъ попала?
Овсянка такъ ему подъ сѣтью отвѣчала:
— Послушай, мужичекъ, всю истину скажу:
Я съ ними только лишь летала,
А, право, твоего гороха не клевала,
Пусти меня; ничѣмъ тебѣ я не врежу.

Ужли поступишь такъ со мной, какъ съ
Воробьями?
„Да не помилую, конечно и тебя!
Пѣняй сама ты на себя;
Зачѣмъ была съ плутами?“

=

XXV.

ЛѢСТНИЦА.

Стояла лѣстница однажды у стѣны.
Хотя ступени всѣ между собой равны,
Но верхняя ступень предъ нижними гордилась.
Шелъ мимо человѣкъ, на лѣстницу взглянулъ,
Схватилъ ее, перевернулъ,
И верхняя ступень внизу ужъ очутилась.

Такъ человѣкъ иной на вышинѣ стоитъ,
Гордится—и глядишь: какъ-разъ на низъ слетитъ.
Возьмемъ въ примѣръ Наполеона:
Какъ сатана съ небесъ, такъ онъ слетѣлъ со трона.

=

XXVI.

ДВА КОТА.

Котъ Ванька съ Ваською родные братья были.
Въ одномъ дому они родилися и жили.
Котъ Ванька тощій былъ такой,
Что страшно и взглянуть,—доска совсѣмъ доской,
А Васька толщиной дворецкому равнялся,
Отъ жира онъ едва-едва передвигался:
Шерсть лоснилась на немъ, какъ будто бы атласъ.
„Намъ счастье не одно, хоть мать одна у насъ,
Сказалъ ему скелетъ: вотъ ты заботъ не знаешь,
Безъ мяса никогда и въ будни не бываешь:
Тебѣ все мясоѣдъ, а мнѣ великій постъ;
Ты только спишь, а я и сна почти не знаю,
Домъ цѣлый отъ мышей и крысъ оберегаю,
При всемъ усердіи я голоденъ...“—И простъ!
Прервалъ его жирякъ: Будь, братецъ, поумнѣе;
Возьми меня въ примѣръ, коль хочешь быть жирнѣе.
„Что-жъ дѣлать мнѣ? скажи.“ — Хозяина смѣши,

На заднихъ лапахъ передъ нимъ ходи, пляши,
Подставитъ руки онъ—ты прыгай черезъ руки,
И перейми мои забавныя всѣ шутки.
Повѣрь, что будешь ты любимъ, не только сытъ.
Знай, глупенькій, что тотъ, кто людямъ угождаетъ,
Въ бездѣлкахъ, пустякахъ,—у нихъ не потеряетъ;
А кто для пользы ихъ трудится и не спитъ,
Тотъ часто голоденъ бываетъ.

=

XXVII.

МАРТЫШКА и КОТЪ.

Каштаны жарились въ печи на уголькахъ;
Мартышка на полу передъ огнёмъ сидѣла,
И пристально на нихъ глядѣла,
А Котъ лежалъ у ней въ ногахъ.
„Что, Васька, говоритъ Мартышка:
Достань каштана два, такъ будешь молодецъ!“
—Да, лапу обожги! нѣтъ я вѣдь не глупецъ!
„Э! нѣженка какой! трусишка!

Трусъ! трусъ!“ Вскочилъ мой Котъ, въ дугу себя согнулъ,
На лапки заднія у печки приподнялся,
Переднюю къ каштанамъ протянулъ,
Ожегся, и назадъ подался;
За дѣло принялся опять:
То лапку къ угольямъ протянетъ,
То прочь ее, а тамъ другою трогать станетъ,
И вытащилъ онъ такъ уже каштановъ пять.
Каштаны Васька вынимаетъ,
Мартышка же ихъ подбираетъ,
Облупитъ, да и прямо въ ротъ.
Вдругъ, на бѣду, слуга идётъ.
Плутовка на утекъ; а Котъ не догадался;
Работою все занимался.
Слуга на цыпочкахъ къ мошеннику подкрался,
Да за уши схватилъ, и ну его таскать.
Котъ бѣдный отъ побой, какъ мертвый, протянулся,
Насилу черезъ часъ очнулся,
И полно съ той поры безъ пользы воровать.
Мартышка вотъ умна: не обожглась, не бита,
Сыта;
А Васька глупъ, такъ съ нимъ случилася напасть,
То-ль дѣло для себя украсть! ..

=

XXVIII.

ПОЕДИНОКЪ.

Осла нечаянно толкнулъ Лошакъ.
„Смотри же ты, дуракъ!
Оселъ мой закричалъ: какъ смѣешь ты толкаться?“
— Ахъ, скотъ! какъ смѣешь ты ругаться?
Я живъ быть не хочу,
Когда тебя не проучу:
Раздѣлайся со мной! – „Изволь... На чемъ угодно?“
— Ну, на копытахъ!—„О, охотно!“
— Мой секундантъ Баранъ.—„А у меня Козелъ.“
Вотъ черезъ часъ, не болѣ,
Съ Козломъ Оселъ,
Съ Бараномъ же Лошакъ, явились въ чистомъ полѣ.
У обоихъ блистаетъ гнѣвъ въ глазахъ;
Дрожатъ отъ ярости, другъ къ дружкѣ задомъ стали
И очень близко: въ двухъ шагахъ.
Ужъ кинутъ жеребій—знакъ секунданты дали.
Сперва Лошакъ лягнулъ, Оселъ лягнулъ потомъ.
Откуда ни возьмись хозяинъ тутъ съ кнутомъ,

Нѣтъ, съ плетью, виноватъ. Не говоря ни слова,
Давай стегать того онъ и другова;
По очереди имъ всю спину изстегалъ.
— Проклятые! изъ силъ онъ выбившись, вскричалъ:
Да что вамъ вздумалось лягаться?
Сквозь слезъ Оселъ на это говоритъ:
„Когда point d'honneur велитъ,
Не радъ, а долженъ драться.
Самъ посуди, онъ сталъ толкаться...“
— А онъ такъ сталъ ругаться...
— „А если станете вы у меня лягаться,
Хозяинъ подхватилъ:
Хоть и не радъ, за плеть я долженъ буду взяться.
Смотрите же!“ Тутъ онъ имъ плетью погрозилъ.
При взглядѣ на него, герои онѣмѣли;
Жестъ болѣе подѣйствовалъ, чѣмъ рѣчь,
И послѣ не было уже у нихъ дуэли.

Что если бы велѣли,
Мальчишекъ розгами за поединки сѣчь!...

XXIX.

ВОЛЧЬЯ ХИТРОСТЬ.

По нуждѣ Волкъ постился:
Собаки стерегли и день и ночь овецъ;
Однако же и Волкъ былъ не глупецъ:
Вотъ думалъ, думалъ онъ, и ухитрился.
Да какъ же? Пастухомъ, проклятый, нарядился.
Надѣлъ пастушій балахонъ,
Накрылъ себя пастушей шляпой,
И, опершись о посохъ лапой,
Подкрался въ полденъ къ стаду онъ.
Пастухъ подъ тѣнью спалъ; собаки тоже спали,
И овцы всѣ почти, закрывъ глаза, лежали,
Любую выбрать могъ.
„А что? Волкъ думаетъ: когда теперь примуся
Душить овецъ, то врядъ отсюда уберуся:
Начнутъ блѣять, а я не унесу и ногъ.
Дай, лучше отгоню подалѣе все стадо.
Постой, да вѣдь сказать хоть слово дурамъ надо:
Я слышалъ, какъ пастухъ съ овцами говорилъ.“

И вотъ онъ пастуха какъ-разъ передразнилъ:
Завылъ.
Поднялся вдругъ Барбосъ; за нимъ Мурза вскочилъ;
Залаяли, бѣгутъ. Мой Волкъ ужъ прочь отъ стада,
Но въ аммуниціи плохая ретирада:
Запутался онъ въ платьѣ и упалъ.
Барбоска вмигъ его нагналъ,
Зубами острыми за шею ухватился,
Мурза тутъ подоспѣлъ, за горло уцѣпился;
Пастухъ же балахонъ и шкуру съ Волка снялъ.
О святкахъ былъ я въ маскарадѣ:
Гляжу, стоитъ въ кружку какой-то генералъ,
Въ крестахъ весь, вытянутъ, какъ-будто на парадѣ—
И какъ о Тактикѣ онъ вралъ!
Что́-жъ вышло? это былъ... капралъ.

=

XXX.

ВИШНЯ и ПТИЦЫ.

На Вишнѣ ягоды лишь только покраснѣли,
Откуда птицы налетѣли,
По вѣткамъ, по сучкамъ посѣли;

Чирикаютъ, поютъ
И вишни спѣлыя наперерывъ клюютъ.
Когда же всѣ ихъ ощипали,
Вспорхнули и пропали.

Давно-ль Пахомъ нашъ жилъ, какъ знатный господинъ?
Ахъ, сколько у него тогда гостей бывало!
И все пріятели. Теперь, какъ перстъ, одинъ:
Ни денегъ, ни друзей не стало.

=

XXXI.

ДВА РАКА.

„Все пятится назадъ! Куда какой дуракъ!
Журилъ такъ сына старый Ракъ:
Впередъ ступай, впередъ! Нето, я драться стану!“
— Да покажите мнѣ вы, батюшка, хоть разъ,
Какъ надобно ходить: я перейму у васъ;
Извольте вы впередъ, а я ужъ не отстану.

Слугу за пьянство баринъ бьетъ,
Но не уйметъ, —
А отчего?—Самъ баринъ пьетъ.

=

XXXII.

ВОЛКЪ и ЛИСИЦА.

„Конечно, я не безъ грѣховъ,
Лисѣ Волкъ говорилъ: а право, изъ Волковъ
Едва-ли гдѣ найдешь другова,
Который бы, какъ я, великодушенъ былъ.
Представь: Ягненокъ разъ въ глаза меня
бранилъ,—
Не тронулъ я его, не молвилъ даже слова.
Объ этомъ вотъ никто не скажетъ никогда.
А еслибъ слышала, кума, какъ онъ бранил-
ся...“
— Да, помню: это вѣдь случилося тогда,
Какъ, костью, кумъ, ты подавился.

=

XXXIII.

ВОРОНА и КУВШИНЪ.

Во всѣхъ почти дѣлахъ догадка намъ нужна.

Ворона бѣдная отъ жажды умирала,
И гдѣ-то на полѣ она
Кувшинъ съ водой сыскала;
Но вотъ бѣда:
Низка была для ней въ колодцѣ томъ вода,

Какъ станешь пить? не можно влѣзть туда:
Кувшинъ великъ, нельзя его Воронѣ сдвинуть,
Не только опрокинуть;
А надобно воды достать.
Вотъ стала камешки она въ него бросать;
Съ краями наровнѣ вода приподнялася,
И тутъ уже моя Ворона напилася.

=

XXXIV.

ЛЕВЪ и ЛИСИЦА.

И умному всего предвидѣть не возможно;
Но ежели придетъ бѣда,
То въ случаѣ такомъ ума терять не должно:
Съ умомъ и отъ бѣды спасешься иногда.

Лисица отъ собакъ въ пещеру забѣжала,
И Льва увидѣвъ тамъ, присѣла, задрожала.
Потрясши гривою, разинувъ страшный зѣвъ,
„Добро пожаловать! сказалъ съ насмѣшкой Левъ:
Пора ужъ, право, и обѣдать.
Хочу я твоего мясца теперь отвѣдать“.
— О, правосудіе небесъ!
Вверхъ голову поднявъ, Лисица возопила:
Такъ точно, правду ты, Зайчиха, говорила:

За грѣхъ родителей и дѣтямъ мститъ Зевесъ.
И я...за мать свою... казнь люту принимаю.—
„Что́ бредишь ты? совсѣмъ тебя не понимаю.“
— О, государь! прости мой справедливый страхъ:
Все въ краткихъ объясню словахъ.
Въ осеннюю однажды пору,
Къ покойной матушкѣ моей
Зайчиха отъ дождя зашла погрѣться въ нору.
Грѣхъ дурно говорить о матери своей;
Но отъ тебя, монархъ, я ничего не скрою,
И какъ предъ Богомъ, предъ тобою,
Должна всю истину сказать.
Прожорлива была моя покойна мать:
Пришелицу она мгновенно растерзала.
Та, умираючи, сказала —
Не позабыть мнѣ ввѣкъ ея послѣднихъ словъ —
Сказала: *будетъ тотъ наказанъ отъ боговъ,*
Гостепріимства кто законы нарушаетъ
И странниковъ въ своемъ жилищѣ умерщвляетъ:
Погибнетъ онъ и весь его погибнетъ родъ!
И подлинно, чрезъ годъ,
Въ норѣ, гдѣ мать моя Зайчиху умертвила,
Земля, обрушившись, убійцу задавила.—
Левъ призадумался. „Пошла,“ сказалъ: пошла!

Дарю тебѣ животъ.“ Лисица поклонилась
Его величеству, и отъ него пустилась,
Какъ изъ лука стрѣла.

=

XXXV.

ДѢВУШКА и ЧИЖЪ.

„Что̀ это за житье? терпѣнья, право, нѣтъ!“
Такъ Лиза, дѣвушка четырнадцати лѣтъ,
Сама съ собою говорила:
Все хочетъ маменька, чтобъ я училась, шила;
Не дастъ почти и погулять;
Едва-ль три раза въ годъ бываю я на балѣ,
А то вертись-себѣ безъ кавалера въ залѣ.
Куда какъ весело одной вальсировать!“
Тутъ Лиза тяжело вздохнула,
Отерла слезку и взглянула
Нечаянно на верхъ окна,
И что̀-жъ увидѣла она?
Любимый Чижъ ея въ рѣшетчатой темницѣ,
Конечно, вспомнивъ про лѣсокъ,
Сидѣлъ на жердочкѣ, повѣсившиносокъ.
„Ахъ, вольность дорога и птицѣ!
Сказала Лизанька: я по себѣ сужу.
О, бѣдный Пишинька! ужъ болѣ
Тебя не удержу;

Ступай, лети, мой другъ, и веселись на волѣ."
Съ симъ словомъ отперла она у клѣтки дверь:
Встряхнулся Пипинька, летитъ въ окно, кружится,
На крышку ближнюю садится,—
Запѣлъ... „Какъ счастливъ онъ теперь!"
Мечтаетъ Лизанька, и видитъ изъ окошка,
Что къ Пипинькѣ подкралась кошка.
Прыгнула на него, и при ея глазахъ
Бѣдняжку растерзала.

Въ раскаяньи, въ слезахъ,
Вотъ Лиза что сказала:
„Какъ смѣла я на маменьку роптать!
Теперь я вижу очень ясно,
Что волю тѣмъ имѣть опасно,
Кто слабъ и самъ себя не можетъ сохранять."

=

XXXVI.

ПАВЛИНЪ, ЩЕГЛЕНОКЪ и ВОРОБЬИ.

Щегленокъ дикій залетѣлъ
На дачу знатнаго, большаго господина;
Въ саду, средь цвѣтника, на кустъ сирени сѣлъ,

На все съ вниманіемъ вокругъ себя смотрѣлъ,
И въ первый разъ еще увидѣлъ тутъ Павлина.
Поднявъ вверхъ голову, тотъ важно выступалъ,
Не шелъ, а, такъ сказать, едва передвигался,
И лишь съ сиренью поравнялся.
Какъ бы нарочно сталъ
И хвостъ свой распустилъ дугою.
Блеснуло золото съ лазурью, бирюзою;
При солнечныхъ лучахъ—то яхонты горятъ,
То изумруды отливаютъ;
Всѣ радужны цвѣты мелькаютъ и блестятъ
И яркостью своей Щегленка взоръ прельщаютъ.
Отъ удивленья бѣлъ Щегленокъ внѣ себя.
„Позволь спросить тебя,
Сказалъ Синицѣ онъ: голубушка-сестрица!
Какая это птица?“
— Павлинъ.—„Не царь ли это птицъ?
Царь. Точно царь. Вотъ у него корона.
Красивѣй во сто разъ щеглятъ онъ и синицъ.
Какъ гордо онъ идетъ! Ну, право, всталъ лишь съ трона!
Какая шея, грудь, осанка у него!
А хвостъ?... не видывалъ я лучше ничего.
Но это что? о, боги!
Смотри-ка: у него не хороши вѣдь ноги!“
—Невѣжа! вскрикнули тутъ хоромъ Воробьи

Чьи ноги, чьи
Дурными называть ты смѣешь?
Павлина? да всѣхъ птицъ прекраснѣе Павлинъ!—
„Такъ точно; ноги лишь...“ Да что ты разумѣешь?
Увѣрить хочетъ всѣхъ одинъ!
Нѣтъ, братцы, этого снести никакъ не можно!
Павлина нашего ругать Щеглёнокъ смѣлъ.
Клевать его, клевать!—Щеглёнокъ улетѣлъ,
И опытомъ узналъ, что никогда не должно
О недостаткахъ птицъ почетныхъ говорить,
А позволяется лишь только ихъ хвалить.

=

XXXVII.

УСТРИЦА и ДВОЕ ПРОХОЖИХЪ.

Шли два прохожіе по берегу морскому
И видятъ устрица большая на пескѣ
Лежитъ отъ нихъ невдалекѣ.
„Смотри, вонъ устрица!“ сказалъ одинъ другому;
А тотъ нагнулся ужъ и руку протянулъ.
Товарищъ тутъ его толкнулъ,
И говоритъ: „Пожалуй не трудися,
Я подыму и самъ, вѣдь устрица моя.“
— Да, какъ бы не твоя! —

„Я указалъ тебѣ...“ — Что ты! перекрестися.
„Конечно, первый я увидѣлъ...“ — Вотъ-те разъ!
И у меня остеръ, братъ, глазъ.
„Пусть видѣлъ ты, а я такъ даже слышалъ носомъ.“
Еще у нихъ продлился-бъ споръ,
Когда-бъ не подоспѣлъ Судья къ нимъ *Миротворъ*!
Онъ началъ съ важностью по формѣ судъ допросомъ,
Взялъ устрицу, открылъ—
И проглотилъ.
„Ну, слушайте, сказалъ, теперь опредѣленье:
По раковинѣ вамъ дается во владѣнье;
Ступайте съ миромъ по домамъ.“

Всѣ тяжбы выгодны лишь стряпчимъ, да судьямъ.

=

XXXVIII.

ДИТЯ и СЕМЬ НЯНЕКЪ.

Жена богатаго, степнаго дворянина
Рожала каждый годъ, но только дочерей.
А ей хотѣлось имѣть сына —
Желанье общее отцовъ и матерей.

Всѣ средства къ этому она употребляла:
Платила щедрою рукой ворожеямъ,
Молилась, ѣздила по всѣмъ монастырямъ...
Ея молитва не пропала—
Она беременна вновь стала,
И чуть-что не въ аршинъ
У ней родился сынъ.
Отъ радости такой сосѣдніе дворяне
Легли въ крестины на-повалъ:
Перепился и старъ и малъ,
И не работали тотъ цѣлый день крестьяне.
Заботливая мать
Семь штатныхъ нянюшекъ къ сынку опредѣлила:
Смотрѣть за нимъ, шить, мыть, носить его, качать,—
И должно ужъ сказать,
Что каждая изъ нихъ съ усердіемъ служила;
Старались угождать одна передъ другой.
Дитя забавный былъ такой,
Что, глядя на него, всѣ въ домѣ веселились.
Но вотъ однажды что́ случилось:
Наслѣдникъ маленькій ходить ужъ начиналъ;
Сосѣдъ отца и мать на имянины звалъ.
Ну, какъ не отлучиться?
Не первый это было разъ,
И на четырнадцать же глазъ,
Казалось, можно положиться.

Уѣхали они—и нянюшка одна,
Хвативъ небережно вина,
Ушла на печку спать; другая заболѣла;
У третьей своего скопилось много дѣла;
Къ четвертой кумъ пришелъ.... Ребенка одного
Покинули они, надѣясь другъ на дружку,
Да какъ на грѣхъ, въ рукахъ его
Оставили гремушку;
Онъ, съ нею идучи по комнатѣ, упалъ
И въ правый глазъ себѣ концемъ ея попалъ.
Насилу нянекъ отыскали,
Перепугавшися, пришли;
Бранились, плакали, кричали,
А виноватой не нашли.
Что дѣлать? Господамъ всѣ въ ноги повалились,
Лишь только изъ гостей тѣ въѣхали на дворъ.
Они ужасно разсердились.
Пошелъ тутъ нянькамъ переборъ;
Ихъ безъ пощады наказали;
Но, чтобы глазъ сберечь у сына остальной,
Бояринъ съ барыней, подумавъ, приказали
Ходить съ тѣхъ поръ за нимъ одной.

=

XXXIX.

УЧИТЕЛЬ и УЧЕНИКЪ.

Шалунъ великій, Ученикъ,
На берегу пруда рѣзвяся, оступился,
И въ воду опустясь, ужасный поднялъ крикъ.
По счастію, за сукъ онъ ивы ухватился,
Которая шатромъ
Нагнула вѣтви надъ прудомъ.
На крикъ Ученика пришелъ его Учитель,
Престрогій человѣкъ и славный сочинитель.
„Ахъ, долго ли тебѣ во зло употреблять
Мое примѣрное терпѣнье?
Воскликнулъ педагогъ: не должно-ль наказать
Тебя за шалости, дурное поведенье?
Несчастные отецъ и мать! жалѣю васъ!
Ну какъ пойдешь ты мокрый въ классъ?
Не станутъ ли тебѣ товарищи смѣяться?...
Чѣмъ здѣсь въ пруду купаться,
Училъ бы лучше ты урокъ.
Забылъ ты, негодяй, мои всѣ приказанья;
Забылъ, что рѣзвость есть порокъ!
Достоинъ ты, весьма достоинъ наказанья;
И, ergo, надобно теперь тебя посѣчь.“
Однако же педантъ не кончилъ этимъ рѣчь,
Онъ въ ней употребилъ всѣ тропы и фигуры
И декламировалъ, забывшись до того,

Обыкновенно цѣлый часъ,
Въ минуту у него поспѣетъ.
Вотъ этотъ парень-хватъ, наукѣ поварской
Къ Французу отданъ былъ учиться,
И въ мѣсяцъ Яшка самъ кухмистеръ сталъ такой,
Что никакому съ нимъ Французу не сравниться:
По крайней мѣрѣ такъ онъ барину сказалъ;
А баринъ столъ ему готовить приказалъ,
Да и гостей къ себѣ назвалъ,
Чтобъ поваромъ своимъ предъ ними похвалиться.
Ну Яшка въ кухнѣ суетиться,
И жаритъ и варитъ;
Въ рукахъ все у него кипитъ, —
Вѣдь дѣло мастера боится.
Но вотъ ужъ кушанье поставили на столъ;
Хозяинъ за столомъ и гости всѣ сидѣли,
Какъ Яшка съ фартукомъ въ столовую вошелъ.
Тутъ баринъ закричалъ: „Мы ничего не ѣли
По милости твоей: ты супъ пересолилъ,
Жаркое изсушилъ,
Всѣ кушанья хоть брось! Вотъ такъ-то ты учился!
И, негодяй, еще хвалился!“
—Да я, сударь, поторопился;

А ужъ проворнѣе меня нѣтъ никого. —
Тарелкой господинъ пустилъ състола въ него,
Мигнулъ дворецкому; тотъ въ сѣни вывелъ
Яшку,
И тамъ, оставя лишь на немъ одну рубашку,
Полсотни лозановъ въ хребетъ ему влѣпилъ,
А самъ твердилъ:
„Не торопись, не торопися;
Чего не смыслишь, такъ за то и не берися.“
Иной писатель поспѣшитъ,
Да всѣхъ и насмѣшитъ.

=

XLII.

СОЛОВЕЙ и ВОРОНЪ.

У одного купца былъ тульскій Соловей.
При мнѣ охотникъ сто рублей
Давалъ ему, но тотъ взять денегъ не рѣшился.
Я и за двѣсти бы продать не согласился.
Бывало, лѣтомъ запоетъ,
Начнетъ свистать, щелкать, такъ всякой,
кто идётъ
По улицѣ, глядишъ, стоитъ, разиня ротъ.
Ужъ подлинно сказать, не Соловей былъ,—
чудо!
Любили въ домѣ всѣ его.
Богъ знаетъ только отчего
За нимъ ходили худо.

У этого-жъ купца былъ Воронъ: онъ не пѣлъ,
А очень много ѣлъ.
Никто прожору не терпѣлъ;
Не иначе его какъ чернымъ чортомъ звали,
Однако, пить и ѣсть всегда ему давали.
Не дай-ка, черный чортъ всѣмъ уши прокричить.
„Да что, Михеичъ, нашъ Соловушко молчитъ?“
Хозяйка какъ-то разъ сожителя спросила.
— Онъ и вчера не пѣлъ, служанка подхватила:
Ужъ нѣтъ ли типуна?
„А можетъ быть, линяетъ,
Хозяинъ говоритъ, беретъ стулъ и съ окна
Самъ клѣтку бережно снимаетъ;
Глядитъ—
Анъ въ клѣткѣ Соловей вверхъ ножками лежитъ.
—Вѣдь умеръ Соловей! Михеичъ восклицаетъ.
„Какъ такъ? да отчего?“
—Ахти! да корму нѣтъ ни крошки у него!
„И водопойка вонъ пустая!
Ахъ, бѣдный Соловей! смотри бѣда какая!“
Что́жъ Воронъ?—И теперь живетъ.
Безстыдный съ голоду, повѣрьте, не умретъ.

=

КОШКИ ВЪ ПОГРЕБѢ.

„Ну, Власьичъ, что тебѣ скажу,
Купчиха толстая такъ мужу говорила:
Сегодня въ погребъ я лишь двери отворила,
Анъ, погляжу —
Двѣ крысы у меня большія подъ ногами,
Съ предлинными хвостами.
Я такъ и обмерла!...
Горшокъ со сливками ужъ на боку нашла.
Житья отъ крысъ не стало!
Что-бъ мышеловку намъ купить?“
—Вотъ! деньги по-пусту платить!
Да развѣ въ домѣ кошекъ мало?
Возьми, Кузминишна, всѣхъ кошекъ и котятъ;
Запри на погребгъ ихъ: пускай тамъ крысъ ѣдятъ. —
Исполнила жена сожителя велѣнье,
И кошки посланы на погребъ въ заточенье.
На утро къ узникамъ Кузминишна идетъ,
И что же въ погребѣ ея взоръ поражаетъ?
Изъ кринки Машка сливки пьетъ,
А Васька мяса часть сыраго убираетъ;
Котята полотки, дичину тормошатъ;
Горшки и кадочки всѣ на боку лежатъ.
„Ахъ, вы проклятые! хозяйка закричала:
Постойте! вотъ я васъ!“

Рука со связкою ключей у ней дрожала,
Взмахнула ею—вмигъ исчезли всѣ изъ глазъ,
А бѣдная на ледъ всей тушею упала,
Да такъ, что съ полчаса не встала.
Вотъ жалобу она хозяину творитъ,
На кошекъ требуетъ управы.
Подумавъ, Власьичъ ей на это говоритъ:
„И кошки, да и мы не правы.
Оставимъ въ погребѣ ужъ Ваську одного:
Одинъ онъ столько не наблудитъ;
А если станешь ты всегда кормить его,
Тогда и воровать, авось, совсѣмъ не будетъ.“

=

XLIV.

ВОДОПАДЪ и РѢКА.

Съ ужаснымъ шумомъ низвергался
Ручей кристальною стѣной
Съ горы высокой и крутой,
О камни съ пѣной раздроблялся,
Кипѣлъ, крутилъ песокъ, ревѣлъ,
И въ берегахъ стрѣлой летѣлъ;
Ни птица, ниже звѣрь, къ нему не приближались,
И ноги смертнаго въ него не опускались.
Нашелся наконецъ,
Одинъ отважный молодецъ,

Который на конѣ черезъ него пустился:
Онъ отъ разбойниковъ бѣжалъ,
И смѣлымъ отъ боязни сталъ.
До бедръ конь только замочился,
И вынесъ на берегъ противный сѣдока.
Разбойники за нимъ. Онъ лошадь погоняетъ;
Скакалъ, скакалъ, и видитъ, что рѣка
Ему дорогу пресѣкаетъ. —
Рѣка была не широка;
Притомъ весьма тиха, какъ зеркало гладка:
И такъ онъ смѣло въѣхалъ въ воду.
Но что-жъ? въ мгновеніе одно
Пошелъ съ конемъ на дно,
И на съѣденіе нѣмыхъ достался роду.
Иной угрюмъ, суровъ, сердитъ,
Шумитъ, но только не вредитъ;
Другой такъ смиренъ, тихъ и на рѣчахъ прекрасенъ;
Но онъ-то и опасенъ.

=

XLV.

КРЕСТЬЯНИНЪ и КЛЯЧА.

„Ну, матушка!... о, дьяволъ! стала!
(Филатъ такъ Клячѣ говорилъ
Въ лѣсу, гдѣ дровъ онъ пропасть нарубилъ
И возъ престрашный навалилъ),—

И съ мѣста не сошла еще, уже устала,
Дворянка!... я тебѣ вотъ дамъ!“
При словѣ семъ схватилъ Филатъ мой хворостину
И ею ну возить онъ бѣдную скотину,
И по спинѣ и по бокамъ
Упала кляча на колѣни,
Какъ-будто милости хотѣла симъ просить;
Филатъ неумолимъ, терпѣть не можетъ лѣни,
И продолжаетъ битъ.
Приподнялась она тутъ нехотя на ноги,
И кой-какъ потащила возъ.
„Пошла! пошла! легко: смотри какой морозъ!“
Но Кляча стала вдругъ опять среди дороги,
И далѣе нейдетъ.
Опять Филатъ ее съ плеча дубиной бьетъ.
Упала, бѣдная, и уже не встаетъ,
Не тронется, не шевелится.
Филатъ, примѣтя то, дивится —
Посмотритъ: Кляча умерла!
Какъ взвоетъ мой мужикъ: „Одна лишь и была
Лошадушка — и та вотъ пала!
Пропала голова моя теперь, пропала!
Чѣмъ прогнѣвилъ тебя, о, Господи! Филатъ?“
А самъ, бездѣльникъ, виноватъ.
Ужъ нечего сказать, крестьяне
Какъ мучатъ бѣдныхъ лошадей!

Не хуже, право, чѣмъ людей
Въ какой-нибудь глуши Дворяне.

=

XLVI.

РОЗА и РѢПЕЙНИКЪ.

Рѣпейникъ возгордился.
Да чѣмъ же? — Съ Розою въ одномъ саду
онъ росъ!
Иной молокососъ,
Который цѣлый курсъ проспалъ и пролѣнился,
А послѣ и въ писцы на дѣлѣ не годился,
Твердитъ, поднявши носъ:
„Съ такимъ-то вмѣстѣ я учился!“
— Хорошъ тотъ, слова нѣтъ; ему хвала и честь,
Да что́, скажи, въ тебѣ-то есть?

=

XLVII.

МАЧИХА и ПАСЫНОКЪ.

У Мачихи былъ Пасынокъ, ребенокъ
Лѣтъ двухъ, иль трехъ, не болѣе того.
Удобрилась она однажды до него
И молочка дала. „Ну, трескай, пострелёнокъ!
И ложки-то держать не можешь ты, уродъ!
Подай... разинь же ротъ.

Вотъ за грѣхи корми изъ рукъ своихъ чертёнка,
Какъ будто бы цыпленка,
И няньчись съ этакимъ большимъ!
Смотри: весь облился!“ — Тутъ ложку обернула,
И ею въ глазъ такъ ткнула,
Что сдѣлала на вѣкъ кривымъ.
Не оттого-ль у насъ пословица взялась:
Хотъ кормятъ ложкою, а стеблемъ колятъ глазъ?
Есть благодѣтели, которые надъ нами
Хотятъ всегда быть господами,
И точно какъ слугу трактуютъ бѣдняка.
Ахъ, лучше не хлебать вѣкъ цѣлый молока,
Но быть съ обоими глазами!

XLVIII.

МАКАРЬЕВНИНА УХА.

Макарьевна уху сварила:
Десятка три ершей,
Налимовъ двухъ и двухъ лещей,
Со стерлядью большой, въ кострюлю положила,
Да лучку, корешковъ—и соли не забыла.
Кондрата Козьмича съ хозяйкой пригласила,
И дорогимъ гостямъ ушицу подаетъ.

Отвѣдали — но въ душу имъ нейдетъ.
Что-жъ такъ? Проклятая, уху. пересолила.
Иной острякъ, иль *биловень*-піитъ
Ужъ такъ стихи свои пересолитъ,
Или, какъ говорятъ поэты-обезьяны:
Положитъ густо такъ *румяны*,
Что смысла не видать.
Охота же кому безсмыслицу читать!

==

XLIX.

БЛИНЫ.

На масляницѣ здѣсь одинъ
Пріѣзжій дворянинъ
Просилъ пріятеля къ себѣ блиновъ покушать.
Не лучше-ль ѣсть блины, чѣмъ оды, притчи слушать?)
Пришелъ тотъ и принесъ съ собою аппетитъ.
И водка и икра ужъ на столѣ стоитъ.
Хозяинъ на людей кричитъ,
И подавать блины велитъ.
„Скорѣе-жъ подавайте!..
Угодно водочки?... полнѣе наливайте!“
Вотъ подали блины:
Чернёхоньки, всѣ сожжены.
„Назадъ, назадъ! Я этихъ ѣсть не стану!
Скажите Куприяну,

Чтобы прислалъ другихъ,
Да не такихъ.
Получше... слышишь ли? съ яичками, съ
припёкой!
Скорѣ-жъ!“ — Слушаю-съ — сказалъ лакей
высокой,
Ушелъ и черезъ пять минутъ
Блины другіе подаютъ.
Блины ужъ были не такіе,
Съ припекою — зато прекислые, сырые.
„И этихъ ѣсть нельзя! Вотъ, право, грѣхъ
каковъ!
Но дѣлать нечего, быть, видно, безъ бли-
новъ!
Хоть хлѣбца намъ къ икрѣ подайте!
Селедку, масла, сыру дайте...
Скажу вамъ, у меня вѣдь поваръ золотой!
И предводитель нашъ такого не имѣетъ;
Готовить кушанья онъ только не умѣетъ-
Ну, каши не сварить простой.
Но, впрочемъ, я имъ страхъ доволенъ.“
— Да чѣмъ? желалъ бы знать —„Опрятенъ
и проворенъ.“

=

I.

КУЛИКЪ-АСТРОНОМЪ.

„Куликъ великъ! Куликъ
Великъ! Куликъ великъ!“
Такъ хрюкала въ лѣсу Свинья, ил[illegible]
Большая мастерица
И врать
И жрать.
— Да полно же тебѣ! сказала ей Лисица.
Что́ клеплешь ты на Кулика?
Чѣмъ эта птица велика?
Лишь только носъ большой, какъ у кострюли ручка;
А самъ онъ что́ за штучка!
Ты, видно, спятила, Хавроньюшка, съ ума.
„Ахъ, ты, безбожница-кума!
Да знаешь ли, Куликъ мой *геній-самоучка!*
Великій астрономъ!
Что́ передъ нимъ мясникъ коломенскій Пахомъ!
Куликъ мой, по своей охотѣ,
Весь день и ночь все на болотѣ...“
— А что же дѣлаетъ онъ тамъ?
„На кочку съ кочки онъ, мой миленькій, летаетъ
И звѣзды носикомъ считаетъ:

А астрономіи вѣдь выучился самъ;
Не зная грамотѣ, и по однѣмъ звѣздамъ
Все, все тебѣ разскажетъ,
И что гдѣ есть покажетъ.
Однажды указалъ мнѣ кучу жолудей...
Есть свиньи изъ людей,
Которыя невѣждъ такъ превозносятъ,
Да за это у нихъ чего-нибудь и просятъ.

=

LI.

ЧЕРНЫЙ КОТЪ.

(Посв. А. Я. Н.)

Вы любите кота?
Любите: онъ вѣдь сирота;
Малюткой вамъ еще достался;
Кто подарилъ его, тотъ съ жизнію разстался.
Отличенъ всѣмъ вашъ котъ: умомъ и красотой,
Плѣняетъ взоры онъ своею пестротой.
Какая бѣлизна съ блестящей чернотой!
Гордяся быть у васъ слугою,
Какъ важно спину онъ сгибаетъ вверхъ дугою
И, ластяся вкругъ васъ, мурлычитъ и ворчитъ
Какъ милъ, когда противъ дивана,

Свернувшися клубкомъ, онъ на шкафу лежитъ,
И, шейку приподнявъ, по временамъ глядитъ
Какъ госпожа его сидитъ
За нотами у фортепіана;
Огонь блеститъ въ его глазахъ,
Игрою вашей очарованъ,
Лежитъ, какъ-будто бы прикованъ,
Не думаетъ и о мышахъ.
Да ѣстъ ли онъ мышей?... Онъ вами избалованъ;
Шерсть лоснится—такъ онъ жиренъ.
А, нечего сказать, прекрасенъ и уменъ!
Коты и всѣ умны, но только лицемѣры.
Я знаю многіе примѣры.

Сказать ли сказку вамъ про чернаго кота,
Который ужъ въ преклонныя лѣта
Въ молоденькую мышь влюбился
И чуть-чуть жизни не лишился?...
Котъ этотъ былъ злодей:
Въ амбарахъ, въ погребахъ его всѣ трепетали;
И усачемъ его, Арабомъ, называли;
Жестокосердіемъ превосходилъ судей
Въ республикахъ, во время бунта —
Хотя говядины ѣлъ каждый день полфунта,
Но все мышей и крысъ и воробьевъ ловилъ,
Ловилъ — да и давилъ.

Однажды Мышку онъ увидѣлъ молодую,
Такую
Прелестную, какой ни разу не видалъ, —
Увидѣлъ,—изумился,
Глазами засверкалъ
И по уши въ нее влюбился
На старости мой черный Котъ.
Подвластны всѣ любви—и человѣкъ и скотъ.
Хотѣлъ Котъ броситься предъ Мышкой на колѣни;
Но та бѣгомъ, бѣгомъ изъ комнаты да въ сѣни,
И въ норку юркъ,
Простерся Котъ передъ норою,
Лежитъ гора горою.
„Виновница моихъ смертельныхъ мукъ!
Онъ мышкѣ говоритъ, вздыхая
И лапу въ нору запуская:
Люблю, люблю тебя—дай на себя взглянуть.
Я честный котъ, всѣ кошки это скажутъ,
И боги пусть меня накажутъ,
Коль я хочу..."—Я не хочу!
Изъ норки Мышь кричитъ Арабу-усачу!"
Ну, не хочу и не хочу!—
Поджавши хвостъ, повѣся внизъ головку,
Пошелъ Котъ бѣдный прочь;
Опять пришелъ назадъ, провелъ у норки ночь,

Не только говорилъ, и плакалъ; но плутовку
Никакъ не могъ онъ убѣдить,
Чтобъ вышла, показала глазки;
Напрасно было все, какъ слезы такъ и ласки.
Рѣшился наконецъ ее онъ подарить,
И говоритъ: „Послушай,
Вотъ, милая, тебѣ ветчинный свѣжій жиръ,
Голландскій, лучшій сыръ,
Конфекты... Я уйду, ты безъ меня покушай.
Сказалъ, дары свои у норки положилъ,
Вздохнулъ и скрылся.
На завтра Котъ опять съ гостинцами явился,
И съ мѣсяцъ каждый день къ жестокой онъ ходилъ.
Чего онъ ей не говорилъ?
Чего, чего не приносилъ?
Но тщетно все—любить его мышь не хотѣла,
Или хотѣла, да не смѣла.
А Котъ
Совсѣмъ ужъ сталъ не тотъ:
Разбоемъ онъ не занимался,
По крышамъ, чердакамъ, амбарамъ не таскался,
Мышей и крысъ не ѣлъ,
Ужасно похудѣлъ,

Чуть ноги волочилъ и такъ какъ тѣнь шатался.
Къ возлюбленной его о томъ дошла молва,
Неопытная удивилась;
Отъ жалости едва-едва
Она не прослезилась;
Но на свиданіе съ зубастымъ не рѣшилась,
Хотя и слышала, что скоро онъ умретъ.
Вотъ наконецъ приходитъ къ норкѣ Котъ.
Чуть дышетъ! Въ чемъ душа! Совсѣмъ доска доскою!
„Въ послѣдній разъ тебя, мой свѣтъ, я безпокою,
Такъ говоритъ губителъ прежній крысъ;
Ты на меня не осердись —
Грѣшно и на враговъ предъ смертью ихъ сердиться, —
Пришелъ съ тобою я проститься.
Что дѣлать, если я любимымъ быть не могъ,
По крайней мѣрѣ я умру теперь у ногъ
Твоихъ... Прости!..“ — Съ симъ словомъ протянулся...
Лежитъ часъ, два—не смѣетъ и дохнуть.
Вотъ Мышкѣ вздумалось на мертвеца взглянуть,
Изъ норки выползла, поближе; Котъ очнулся,
Какъ тигръ на бѣдную прыгнулъ,
Когтями такъ ее давнулъ,

Что только пикнула—и поминай какъ звали!
Съ отчаянья, съ печали,
Не зналъ что дѣлать Котъ.
Вотъ Мышку въ зубы онъ беретъ,
Потомъ передъ себя кладетъ...
Глядитъ, какъ сибаритъ на статую Венеры;
Глядѣлъ, глядѣлъ,
Да всю и съѣлъ —
Опять сталъ ѣсть мышей, опять онъ растолстѣлъ!
Всего противней мнѣ Тартюфы-лицемѣры!
О, какъ бы я былъ радъ,
Когда бы поскорѣй они попали въ адъ!

=

LII.

СОБАКА и СЕКРЕТАРЬ.

Быль и Сказка.

Вотъ Софьи Дмитревны не стало —
И Гекторъ сталъ совсѣмъ другой,
Ужъ не такой,
Что былъ при ней. Бывало
Ни на кого онъ не глядѣлъ,
И, кромѣ барыни, другихъ знать не хотѣлъ;
Хлѣбъ бѣлый нюхалъ, а не ѣлъ;
Къ одной лишь госпожѣ ласкался;
На слугъ и на гостей рычалъ;

Поэтовъ-баловней,—и тѣхъ не отличалъ!
Все по диванамъ онъ, какъ графъ какой, валялся.
Но послѣ *масляной* всегда приходитъ *постъ*.
Теперь Гекторъ, поджавши хвостъ,
Лежитъ, но только не въ диванной.
А гдѣ же? — Въ кухнѣ, на полу,
Въ углу,
И безъ подушечки сафьянной.
Повѣрятъ ли тому? Хлѣбъ черный началъ ѣсть.
Гекторка! скажетъ кто—ему и это въ честь
Уже *Гекторинькой* его не называютъ,
Ужъ на диванъ его, на кресла не сажаютъ,
И *кушаньки* ему не во-время даютъ.
Кому его кормить?—Слегла въ постель Варвара,
Залай лишь только онъ—того и жди удара.
О, варвары! Гектора бьютъ
Не розгой тоненькой, какъ барыня бивала,
А чѣмъ попало...
Не возвратить ему счастливыхъ прежнихъ дней!
О госпожѣ своей и день и ночь онъ тужитъ,
Что болѣе ее не видитъ, ей не служитъ.
О, Гекторъ! не одинъ жалѣешь ты объ ней!
Имѣлъ я честь знать барина большова,
Который былъ не такъ уменъ,

Какъ Софья Дмитревна Пономарева,
Но гордъ — какъ Фараонъ.
На старости онъ былъ влюбленъ
Въ Секретаря; а тотъ былъ Гектора умнѣе,
Однако не честнѣе:
Не только что съ чужихъ, и съ родственниковъ бралъ.
Поклонится ему, бывало, генералъ —
Онъ на него почти не взглянетъ;
А милость,—говоритъ коль станетъ
И за руку возьметъ; ходилъ, поднявши носъ,
И — Господи прости — какъ песъ
На бѣдныхъ всѣхъ просителей кидался:
Облаетъ всякаго; лишь только не кусался.
Такъ велъ себя онъ до того,
Пока начальника его,
Вельможу гордаго извѣстнѣйшей породы,
Уволили на теплы воды;
Секретаря же подлеца
Изо дворца
Препроводили въ караулню.
Тутъ вспомнилъ фаворитъ цирюльню,
Въ которой нѣкогда учился кровь бросать,
Пока онъ не умѣлъ еще ее сосать.
Въ уединеньи, въ заточеньи,
И въ сильномъ огорченьи
Что дѣлать? какъ не пить?
И такъ онъ пилъ, для подкрѣпленья духу,

Сперва шампанское, тамъ ромъ, а тамъ
сивуху.—
И той не всякій день, къ несчастью, могъ
купить!
И трезвый онъ и пьяный все сердился.
На гауптвахтѣ тутъ съ полгода просидѣлъ,
Потомъ освободился,
И *находился*
До самой смерти *не удѣлъ;*
Никто объ немъ не пожалѣлъ.

Временщики! временщики!
Не забывайтесь, не гордитесь—
И если вы не дураки,
Учтиво, ласково со всѣми обходитесь.
Повѣрьте: гордые, хоть поздно, но падутъ;
А добрые нигдѣ не пропадутъ.

=

LIII.

БѢГУНЪ и КЛЯЧА.

Однажды — право вамъ не лгу—
Я видѣлъ—гдѣ же?— на бѣгу,
Зимою, экипажъ чудесный,
Мой кумъ, чудакъ извѣстный,
Въ большія обшивни нарочно заложилъ
Залета, рысака лихаго,
Красиваго и молодаго;

А *Сивку*, стараго, храмаго,
Который и воду лѣтъ пять ужъ не возилъ
И ростомъ съ козу былъ,
Припрягъ онъ тутъ же на пристяжку.
„Смотрите, говорилъ: свернется какъ кольцомъ!“
Самъ, на бекрень надѣвъ фуражку
И въ руки возжи взявъ, сѣлъ въ сани молодцомъ.
Народъ вокругъ него толпится;
Кто лишь ни взглянетъ, удивиться.
Одинъ плечами жметъ,
Тотъ улыбается—*Залетъ* копытомъ бьетъ.
Вотъ наконецъ мой кумъ пошевелилъ возжами—
Залетъ летитъ, какъ вихрь; а *Сивка* — вверхъ ногами!
Вмигъ на бокъ обшивни, оглобли обѣ вонъ.
Что-жъ Кумъ?—упалъ, бѣдняжка, онъ;
Но всталъ, встряхнулся,
И усмѣхнулся,
„*Залетъ*, сказалъ — домой, я знаю, прибѣжитъ.“
— Да ты совсѣмъ ума рехнулся!
Ему Титъ Карпычъ говоритъ:
Какъ можно *бѣгуна* запрячь и *клячу* вмѣстѣ?—
На это Кумъ ему въ отвѣтъ:

„Ступай-ка, дѣдушка, ступай къ своей невѣстѣ!
На головѣ волосъ, во рту зубовъ ужъ нѣтъ;
А хочешь, старый хрычъ, жену взять въ двадцать лѣтъ!“

LIV.

СОБАКА НА СѢНѢ.

Собака на сѣнѣ лежитъ
И къ сѣну не пускаетъ,
Отъ злости вся дрожитъ,
И лаетъ:
Не дамъ, не дамъ,
Не дамъ я вамъ, ворамъ!
Не дамъ, не дамъ!
Къ Собакѣ злой, проклятой,
Ни добрый Конь, ни Волъ рогатой,
Не только что смиренная Овца,
Не смѣютъ подойти, рвануть клочекъ сѣнца.
А между-тѣмъ Козелъ смердящій, бородатый,
Съ надменной важностью стоитъ
Съ двумя козами
Передъ ея глазами;
Блѣютъ, кряхтятъ,
И сѣно въ запуски ѣдятъ.

—Да что́-жъ Собака-то? Ужель она не видитъ?
— Нѣтъ, видитъ; но Козла съ Козами не обидитъ;
Они хоть сѣно и ѣдятъ,
Да говорятъ:
„Вотъ песъ, какого не бывало:
Какъ много лаетъ! Какъ спитъ мало!
Собакамъ всѣмъ честь и краса!
Ахъ, надобно ему дать золотой ошейникъ!“
— Нѣтъ, этотъ песъ-мошенникъ!
Дубиной бы такого пса
Или каменьемъ, для примѣра,
Какъ шельму-лицемѣра.
А объ Козла, объ Козъ,
Не худо бъ изломать пука три добрыхъ лозъ.

=

LV.

ДВѢ КОЗЫ.

Подражаніе Лафонтену.

По жордочкѣ чрезъ ровъ шла чопорно Коза,
На встрѣчу ей другая,
„Ахъ, дерзская какая!
Гдѣ у тебя глаза?
Не видишь развѣ ты, что предъ тобою дама?
Посторонись!“

— Направо кругомъ обернись
Сама, а я упряма....
Да почему ты дама?
Такая же коза, какъ я.—
„Какъ ты? Ты чья?
Ты шустера Абрама,
А я Исправница! Исправникъ баринъ мой!
Майоръ!“—Такъ чтожъ? И мой осьмаго также класса,
Честнѣе твоего драбанта Брамербасса,
Да поумнѣй, чѣмъ твой.
Абрамъ Самойлычъ Блутъ штабъ-лѣкарь
Всѣмъ лѣкарямъ у насъ въ губерніи примѣръ:
Онъ операторъ, акушеръ;
Имъ не нахвалится аптекарь.
А твой Исправникъ-то головкой очень слабъ,
Въ дѣлахъ онъ знаетъ меньше бабъ,
Лишь мастеръ драться съ мужиками,
Деретъ съ нихъ кожу онъ обѣими руками.
Не правду что́ ли говорю?
Пойдемъ къ секретарю,
Иль къ стряпчему; спроси.—„Вотъ я-жъ тебя рогами.“
— Есть роги и у насъ; бодаемся мы сами.—
Сошлись, нагнувшися, и стукнулися лбами.
Летитъ исправница, штабъ лекарша летитъ,
Летятъ внизъ обѣ вверхъ ногами.

Ровъ преглубокій былъ; на днѣ лежалъ гранитъ,
Бухъ Ковы объ него, и поминай какъ звали!
Вороны съ галками тутъ долго пировали.

Пустая, право, честь
Впередъ идти, иль выше сѣсть,
Что до меня, такъ я, ей Богу,
Дамъ всякому скоту дорогу.
Признаться, я вѣдь трусъ:
Скотовъ и женщинъ злыхъ особенно боюсь.

=

LVI.

ДВА ПОПУГАЯ.

Быль.

(*Въ альбомѣ Е. Г. и К. Г. Сар....ыхъ*).

Что́ напишу въ альбомъ двумъ умницамъ дѣвицамъ.
Роднымъ между собой сестрицамъ?
По мадригальчику? — Нѣтъ, нѣтъ!
Нѣтъ, молоды еще! И старшей много-ль лѣтъ? —
Что въ мадригалахъ? — Лесть пустая!
И, право, мудрено талантъ въ нихъ показать.
Не лучше-ль сказочку сказать?...
Послушайте-жъ: два были Попугая:

Одинъ Жоко,
Другой—Коко.
Двумъ милымъ барышнямъ они принадлежали.
И барышни ихъ баловали:
Нерѣдко у сестрицъ
На ручкахъ видѣли обоихъ птицъ;
Онѣ легохонько чесали имъ головку
И знали всю сноровку,
Какъ ихъ заставить закричать,
А послѣ замолчать.
Разъ двадцать въ день иной къ ихъ клѣткамъ подходили,
Бисквиты, сахаръ приносили....
Но вдругъ онѣ свои визиты прекратили.—
„Коко! Коко!
(Вскричалъ, нахохлившись, Жоко)
Вотъ барышни-то насъ совсѣмъ и позабыли!
Непостоянницы!....“—Дуракъ!
(Коко сказалъ на это такъ)
Какъ благодѣтельницъ ты нашихъ обвиняешь!
Да развѣ ты не знаешь,
Что барыня больна?
Почти ужъ двѣ недѣли
Лежитъ безъ памяти, не говоритъ она;
Такъ барышни сидятъ все у ея постели.
Нашъ баринъ вице-адмиралъ,
И тотъ въ коллегію ужъ ѣздить пересталъ.

Вотъ онъ смерть на моряхъ видалъ,
Да такъ, какъ нынѣ, не боялся.
Ужъ Арндъ не мастеръ ли лѣчить,
И тотъ едва не испугался.
Дай Богъ, чтобъ онъ ея болѣзнь могъ облегчить,
Чтобы она была попрежнему здорова,
И счастіе, покой появятся здѣсь снова.
Авось услышитъ Богъ мольбы ея дѣтей
И нѣжнаго супруга,
И сохранитъ для нихъ супругу, мать и друга?....
А ты на барышень роптать никакъ не смѣй.

Нравоученіе въ прибавку:

Чтобы оправдывать, или чтобъ обвинять,
Потребно выслушать всю справку,
И хорошо ее понять.

Эпилогъ.

Конечно, барышни, усердно вы молились,
И Богъ услышалъ васъ,
Что маменьку вамъ спасъ.

О, еслибъ вы ее лишились—
Тогда-бъ, тогда....

Неизъяснимая была для васъ бѣда!
Что въ вашемъ возрастѣ всего, всего нужнѣе,
Дѣвицамъ?—Умная, чадолюбива мать.

А вашей маменьки быть можно ли нѣжнѣе,
Добрѣе и умнѣе?
Старайтесь же во всемъ ее вы утѣшать.

=

LVII.

ЗМѢЯ и СВИНЬЯ.

„Премудрая Змѣя!
Сказала ей Свинья:
Боятся всѣ тебя за то, что ядовита.
И я сердита,
Да не сильна.
О! еслибъ я была величиной съ Слона,
Тогда бы не дала я надъ собой ругаться.
Должно быть, весело тому, кого боятся!
Не столько хочется мнѣ свѣжихъ жолудей,
Какъ славы, чтобъ и я могла пугать людей;
Чтобы передо мной дрожали
И отъ меня безъ памяти бѣжали.“
Змѣя въ отвѣтъ:
—Хавронья! у тебя догадки вовсе нѣтъ.
Вѣдь ты валяешься въ грязи?—„Ну чтожъ? валяюсь.
Случится иногда, какъ чортъ перемараюсь.“
—Марай же и враговъ своихъ,
Коль хочешь быть страшна для нихъ.—
Какъ за это Змѣю Свинья благодарила!

Боялись всѣ ея замараннаго рыла.
Кто самъ замаранъ, тотъ маретъ и другихъ.

=

LVIII.

ФОРТУНА и ДОСТОИНСТВО.

(Съ французскаго).

Фортуна хоть слѣпа, одна безъ палки шла,
И на достоинство вдругъ какъ-то набрела:
„Ахъ, милой мой! сказала:
Искала я тебя, искала!
Измучила себя.
Что скажешь?“—Ждалъ тебя.

=

LIX.

СЛОНЪ и СОБАКИ.

Брыланъ, задорный песъ,
Съ большой Свиньей схватился,
Возился съ ней въ грязи, возился,
Свиною кровью обагрился,
Всю Свинью искусалъ, прогналъ и... поднялъ носъ.
„Знай, наши каковы кусаки!
Сказалъ онъ ей: и вѣкъ Брылана поминай.“
Возрадовались всѣ его друзья, собаки,

— Ай! ай!
Визжитъ,* вертя хвостомъ, Брехъ, пудель сухощавой:
Покрылъ себя, Брыланъ, ты славой!
Ай, ученикъ! Ай, другъ!
Прославилъ ты нашъ кругъ!—
— Ай! ай! Брыланъ! ай! ай!—визжать тутъ и щенята:
Хвала, свиной герой!—„Послушайте, ребята!“
Брыланъ преважно возгласилъ:
„Чуть, чуть я у Свиньи хвоста не откусилъ.
Когда же сладилъ со Свиньею,
Примусь и за Слона: ну что? *въ родню хоть толстъ*,
Да не въ родню, быть-можетъ, *простъ*.
Друзья! за мной!
Я знаю, Слонъ идетъ теперь на водопой;
Маршъ на Волынскій Дворъ!“—За нимъ всѣ побѣжали....
Увидѣли Слона..... смѣшались, задрожали,
Попятились.—„Стой, толстый, стой!“
Кричить Брыланъ: „какъ смѣлъ обидѣть ты дворняшку?“
— Какую? — „Завирашку.
Проси прощенія; не то, братъ, на дуэль!
Заставлю пролежать въ сараѣ шесть недѣль.“
— Да отвяжись! Чего ты хочешь?

Не прыгай высоко, вѣдь на клыки наскочишь.—
„Что предъ дворняшкою ты виноватъ, скажи,
И всею правдою въ неправдахъ намъ служи;
Велимъ ли проучить кого, такъ разможжи;
Лизать — лижи.“
— Лизать?— Вотъ Слонъ тутъ осердился,
Брылана хоботомъ схватилъ,
Черезъ рѣшотку вмигъ его въ каналъ спустилъ;
И идѣ же? Въ помнѣ, каналья, очутился;
А Пудель?... на языкъ хотя онъ и остеръ,
Но Нѣмецъ такъ хитеръ,
И совѣстнѣй притомъ: нѣтъ, онъ не горячился
И впереди щенятъ бѣжать назадъ пустился.

Хоть какъ сабака не сильна,
Но гдѣ ей одолѣть Слона!
Бѣда, когда дойдетъ до драки.
Не трогайте-жъ Слоновъ, Собаки!

LX.

СОБАЧЬЯ ЗАВИСТЬ.

Барбоска у крыльца избы людской лежалъ.
Къ нему безъ памяти вдругъ Жучко прибѣжалъ,
И говоритъ: „Барбоска!
Вѣдь господа
Пріѣхали изъ Питера сюда,
А съ ними Моська,
Хрипунья старая, Полканъ...“
Щенчишка?—„Погляди какой сталъ великанъ!
Да какъ присталъ къ нему ошейникъ...“
—Ошейникъ? Ахъ, мошенникъ!
Давно ли я таскалъ за шиворотъ его!
Намъ, старикамъ, такъ ничего?
Ну, право, господа не знаютъ,
За что такъ награждаютъ!
Да попадись онъ мнѣ, то я ужъ проучу:
Какъ за уши схвачу,
И тряску
Такую дамъ. . . .—
„А вотъ онъ самъ;
Ну, дай-ка, братъ, ему острастку.“
Взглянулъ Барбосъ—
По жиламъ пробѣжалъ морозъ:

Собаку страшную онъ видитъ предъ собою;
Полканка былъ не то, что за годъ передъ
симъ,
Нѣтъ, не Барбоскѣ ладить съ нимъ.
Ретироваться онъ хотѣлъ бы прежде бою.
Вскочилъ подлецъ. Не знаетъ что́ сказать,
Хвостомъ вертитъ—и ну щенка лизать.

Вотъ такъ-то Гуръ Пафнутьичь разсердился
На Разумова, что тотъ орденъ получилъ—
„Да какъ онъ къ намъ опредѣлился,
Я ужъ тогда.... въ архивѣ былъ
Помощникомъ! А онъ былъ что?—
мальчишка,
Такъ, школьникъ, писаришка!
Теперь ассессоръ, кавалеръ!
А я ужъ тридцать лѣтъ, какъ оберъ-офицеръ,
Но нѣту у меня и бронзовой медали;
Писцу же такъ крестъ дали!“
– Послушай, Гуръ: былъ Разумовъ писцомъ,
И мы съ тобой писцами были;
Онъ послѣ сдѣлался дѣльцомъ,
Служилъ съ отличіемъ; за то и наградили.
Что сдѣлаетъ онъ въ день,
Того, хоть пять очковъ надѣнь,

Не сдѣлаешь и въ годъ, какъ ты ни хороб-
рися..
Молчать, архивна крыса!

LXI.

ОРЕЛЪ и СОРОКА.

„Что ты себя не бережешь?“
Спросила разъ Орла Сорока,
Болтунья бѣлобока:
„И змѣй безъ милости клюешь?
За что, скажи, ихъ ненавидишь?
Летаешь ты близъ солнца въ облакахъ,
И лишь змѣю увидишь,
Ужъ глядь и на землѣ — змѣя въ твоихъ
когтяхъ;
Кольцомъ такъ бѣдная и вьется;
Смотри: когда-нибудь и въ тебя вопьется
Ужалитъ, такъ пеняй самъ на себя.
Не трогай змѣй.“—Не слушаю тебя,
Трещотка и оракулъ лѣса,
А слушаю Зевеса.
Онъ зрѣнье острое, полетъ мнѣ мощный далъ
И силу не на то, чтобъ ихъ употреблялъ
Для дѣлъ ничтожныхъ и напрасныхъ
Но чтобы гадовъ сихъ опасныхъ
Съ лица земли я истреблялъ.

Пускай глупцы зовутъ меня излишне строгимъ,
Неосторожнымъ, дерзкимъ, злымъ.
Всѣмъ пагуба отъ змѣй. Природный врагъ я имъ,
И, истребляя ихъ, я спасъ чрезъ то жизнь многимъ.

=

LXII.

СКОТСКОЕ ПРАВОСУДІЕ.

Не бойся, говорятъ, *суда*,
А бойся вотъ *судьи*. И то бѣда:
Какъ секретарь доложитъ,
Такъ и судья плохой положитъ.
Напорютъ цѣлую тетрадь,
Пропишутъ, спутаютъ, завяжутъ,
И грамотному не понять,
А настоящаго и главнаго не скажутъ.
Левъ сдѣлалъ приставомъ Собаку при овцахъ.
Волкамъ Собака страхъ.
Одинъ изъ нихъ хотѣлъ ягненкомъ поживиться.
Схватилъ его и въ лѣсъ понесъ;
Но нагналъ вора вѣрный пёсъ,
И долженъ былъ Волкъ ужина лишиться
Да клокомъ шерсти поплатиться.
Волкъ съ жалобою въ судъ идетъ,

(Оселъ тамъ былъ судья, а секретарь Лисица,
Докладывать большая мастерица).
Гусенка на поклонъ секретарю несетъ—
Докладъ Лисица подаетъ:
Отъ слова до слова прошенье прописала,
Законы подвела,
Но объ ягненкѣ не сказала.
И какъ сказать? она при дѣлѣ не была.
И вотъ, безъ всякихъ справокъ,
И безъ очныхъ, какъ должно, ставокъ,
Послѣдовалъ журналъ, что „въ силу скотскихъ правъ,“
За оскорбленье волчьей чисти
И вырваньемъ *съ озартомъ* шерсти,
Взыскать съ Собаки должно штрафъ,
Безпечье и увѣчьѣ;
А стадо все овечье
Просителю *на время* поручить.
Собаку же отъ мѣста удалить,
Для соблюденья пользы львиной.“
Что дѣлаетъ докладъ Лисы и судъ ослиной.
Особенно въ дали, въ глуши!
По дудкѣ ихъ тамъ и пляши.

=

LXIII.

КАНАРЕЙКА и СОЛОВЕЙ.

Въ красивой клѣткѣ у окна
Въ саду висѣла Канарейка,
И пѣла цѣлый день она;
Вдали-жъ, гдѣ изъ березъ однѣхъ была аллейка,
Къ смородиннымъ, малиновымъ кустамъ,
Въ уединеньи, тамъ
Пѣлъ соловей всю ночь и рано по утрамъ.
И человѣкъ, и звѣрь, и птица,
И все, что ни имѣетъ кровь,
Весною чувствуетъ всесильную любовь.
Вотъ познакомилась съ пѣвцомъ пѣвица.
Для Соловья забытъ бездѣльникъ попугай
Въ зеленомъ щегольскомъ мундирѣ;
Всѣхъ птицъ милѣе, лучше въ мірѣ
Пѣвицѣ Соловей,—какъ запоетъ, такъ рай.
И Соловей, любимецъ розы,
Нерѣдко ночью покидалъ
Свои душистыя березы,
У дома подъ окномъ по цвѣтнику порхалъ,
И въ чаяньи награды
Въ сиреневыхъ кустахъ давалъ ей серенады.
Онъ Канареечку всѣмъ сердцемъ полюбилъ.

Сначала, какъ артистъ, неловокъ, робокъ былъ,
Но наконецъ рѣшился
И въ страсти пламенной, вздыхая, объяснился.
Чувствительная дщерь Канарскихъ острововъ,
Желтѣй соломы и лимона,
Зажмуряся, въ полтона
Пропѣла, что и ей милъ лучшій изъ пѣвцовъ.
Любовники уговорились
Въ лѣсъ дальній улетѣть;
Забыли клѣтку запереть?
Женихъ съ невѣстою пустились,
При покровительствѣ небесъ,
– Въ желанный лѣсъ.
Летѣли долго—прилетѣли,
Ужъ къ вечеру, въ густой кустъ сѣли,
Поцѣловались и запѣли...
А съ самаго утра не ѣли.
Вотъ новобрачная супругу говоритъ:
„Какъ весело тебя мнѣ слушать!...
Однакоже нельзя-ль чего-нибудь покушать?“
– Сейчасъ, о ангелъ мой! – И соловей летитъ,
Какъ бы отъ ястреба пустился,
Черезъ минуту воротился.
— О, другъ моей души!
Вотъ мураши,
И очень хороши!

Вотъ муравьиныя яички.—
„Не для воспитанной, сударь, въ столицѣ птички.
Бисквитовъ принеси, конфетъ!“
— Увы, въ лѣсу ихъ нѣтъ!—
„Нѣтъ? Что же, съ голоду мнѣ умереть здѣсь должно?“
—Пожалуй, сѣмячекъ найдти на полѣ можно.—
„Да! стану сѣмя я клевать!“
И ну тутъ милаго ругать,
Ужасно разсердилась,
И къ попугаю въ садъ опять переселилась.
Неопытные женихи!
Когда плѣнитеся *воспитанной* дѣвицей,
Неразлучавшейся съ роскошною столицей:
Прочтите вмѣстѣ съ ней мои стихи:
Коль кушать согласится
Изъ *незабудокъ супъ*—совѣтую жениться.

LXIV.

ЧИЖЪ и СТРИЖЪ.

Гулялъ съ женою мужъ въ саду,
И на бѣду
Предъ ними птичка пролетѣла
И на рябину сѣла.

„Смотри, смотри, жена! вонъ чижъ!“
— Не чижъ, Иванычъ, стрижъ,—
„О вздоръ ты, дура, говоришь,
Ужъ я сказалъ, что чижъ, такъ ты должна
мнѣ вѣрить.“
— Вотъ хорошо! не вѣрь своимъ очамъ,
А вѣрь твоимъ рѣчамъ.—
„Я знаю, чѣмъ тебя увѣрить:
За палкой не заставь сходить.“
— Стрижъ! стану все я говорить.
Чижи заленоваты,
Стрижи же черноваты
И длинноваты.
Слѣпой увидитъ, это стрижъ.—
„Молчи-жъ!“
И хлопъ жену по уху.
— Разбойникъ! только пить сивуху
И бить жену. Пей, варваръ, кровь мою,
А я за правду постою.
Стрижъ, а не чижъ!—Иванычъ за сивуху
Еще далъ плюху.
„Молчи.“—Не замолчу,
Не покорюся палачу.
Стрижъ, а не чижъ!—И битва закипѣла,
Михевна уступить тирану не хотѣла,
Язвить его, чѣмъ въ силахъ, языкомъ,
А онъ такъ кулакомъ.
Кокошникъ на гряду свалился,

Иванычъ мой остервенился,
Михевну за косу схватилъ
И сильною рукой въ крапиву потащилъ.
На крикъ несчастной прибѣжали,
Но безъ десятскихъ двухъ никакъ бы не отняли.
Калганиху-лѣкарку взяли!
Но знаніе ея, увы, не помогло!
Просили знахаря Вавилу—
Ничто Михевну не спасло:
Отъ сквернаго стрижа пошла она въ могилу.
Не спорь изъ пустяковъ
И не бѣси злыхъ дураковъ;
Какъ язвы ссоры удаляйся;
Но гдѣ потребуетъ долгъ, совѣсть—не молчи
И говори, а не кричи,
Безъ сердца убѣдить старайся.

=

LXV.

ВОЛКЪ и ОВЦА.

Попала на Волка Овца:
Отъ стада бѣдная отстала.
„Ахъ, какъ умна ты стала!“
Воскликнулъ Волкъ: „но мнѣ давно пора обѣдать;

Не худо твоего мясца
Теперь отвѣдать!
Прошу покорно въ лѣсъ!“
— Иль ты забылъ, что есть Зевесъ,
И что объявленъ всенародно
Льва самаго указъ,
Чтобы Волкамъ не трогать больше насъ?
Такъ батюшкѣ-царю угодно.
Хвала ему и честь
И здравіе на многи лѣта!—
„Не знаешь, дура, свѣта,
Вѣдь надобно-жъ и намъ что̀ ѣсть,
Медвѣдю, тигру надо кушать;
Ихъ также должно слушать;
У нихъ богатые столы, большой расходъ.
Велика нужда имъ, что терпитъ вашъ народъ!
Левъ добръ, проститъ, — отъ нихъ не жди
прощенья,
Ни даже послѣ объяденья;
Какъ имъ не сдѣлать угожденья?
Жди, что спасетъ тебя иль левъ, или Зевесъ:
До льва-то, знаешь ли, далеко,
До Зевса же высоко.“
Сказалъ и потащилъ бѣдняжку въ ближній
лѣсъ.
Но вдругъ, какъ-бы съ небесъ,
Защитникъ къ ней явился:
Не левъ и не Зевесъ,

А преогромный песъ.
Волкъ, хвостъ поджавъ, бѣжать пустился,
Но песъ его догналъ
И разорвалъ,
А передъ тѣмъ ему сказалъ:
„То правда, Зевсъ высоко,
А левъ далеко,
Но уши и глаза у льва повсюду есть,—
Есть слуги вѣрные,—хвала имъ слава, честь!
О всемъ они льва извѣщаютъ,
Лѣса дремучи очищаютъ.
Какъ отъ Волковъ-убійцъ
Такъ отъ наставницъ ихъ, лисицъ,
Главнѣйшихъ кровопійцъ.—

=

LXVI.

СКОТИНИНЪ и СВИНЬЯ.

Скотинину одинъ знакомый говорилъ,
Что онъ напрасно
Такъ страстно
Свиней любилъ;
Что даже и опасно
Бываетъ отъ свиней.
„Ну такъ, вѣдь ты, братъ, всѣхъ умнѣй!
Чего Свиней мнѣ опасаться!
Онѣ меня и любятъ и боятся.

А безъ Свиней, ей-ей, тебѣ не лгу
И жить я не могу:
Я выросъ со Свиньями,
Какъ ты межъ умными людями,
И знаю, сказано тебѣ будь не во гнѣвъ,
Получше, нежели вы всѣ, свиной мой хлѣвъ.
Не думай, чтобъ меня хавронья укусила:
Велико слово, говорю,
Расчетверю, распятерю,
Повѣшу на чердакъ окорока безъ рыла.
Безграмотный Тарасъ,
Вѣрь, право, не глупѣй всѣхъ грамотѣевъ
васъ."
Въ тезоименитство свое, иль именины
Скотининъ вздумалъ сдѣлать пиръ,
Сказать такъ, на весь міръ.
Сосѣдей пригласилъ, родныхъ всѣхъ Простаковыхъ,
Надѣлъ съ голунчикомъ капральскій свой мундиръ,
И вотъ въ сапожкахъ новыхъ
Идетъ онъ съ важностью на задній скотный дворъ;
Свиней, Свиней въ грязи его тамъ ищетъ взоръ.
„Аксютушки! Гдѣ вы? На смотръ передо мною!"
дна бѣжитъ къ нему *Свинья свиньею*,

Обрадовалась такъ, что мигомъ сшибла съ ногъ;
Скотининъ, хоть капралъ, но устоять не могъ:
Въ обновкѣ поскользнулся
И замертво упалъ, — кой-какъ чрезъ часъ очнулся,
И видитъ, что мундиръ, который такъ берегъ,
Испачканъ, изорванъ! — и дядя Митрофана
Остался безъ кафтана,
Да, съ мѣсяцъ охая, на лавкѣ пролежалъ,
Другой потомъ хромалъ.—
И все Аксютку проклиналъ.

Чѣмъ при свиньяхъ всегда остерегаться,
Не лучше ли отъ нихъ, коль можно, удаляться!

=

LXVII.

ЗОЛОТАЯ СТРУНА.

На Лирѣ порвалась струна:
Обыкновенная была она.
Вотъ навязали вмигъ другую,
Однако не простую,
А золотую!
И Лира начала блистать.
Но стали какъ на ней играть,
Не та уже была гармонія, что́ прежде.

СКАЗКИ.

I.

НѢЖНАЯ ЖЕНА.

У Лизы болѣнъ былъ отчаянно супругъ.
Ужъ за попомъ послать хотѣли—
Отходную прочесть.—И Лиза у постели
Такъ вопила въ слезахъ: „о другъ мой,
милый другъ!
Могу-ль разстаться я съ тобою?
Могу ли безъ тебя я жить?
Съ охотой жертвовать готова я собою,
Чтобы твою жизнь продолжить.
Услышь, о Смерть, мое моленье!
Супруга пощади, возьми меня одну!
Приди скорѣй ко мнѣ, прерви мое мученье,
А Смерть—какъ тутъ была, ужасное явленье!
„Кто звалъ меня сюда?“ спросила Смерть
жену.
Чтожъ Лиза отвѣчала?
Ни слова... пальцемъ лишь на мужа указала.

II.

МЕДВѢДЬ и ДВА ОХОТНИКА.

Лихіе два у насъ охотника здѣсь были;
Случилось запродать медвѣжью кожу имъ:
Медвѣдя хоть они еще и не убили,
Но думали убить, и долго ли вдвоемъ?
Принесть покупщикумѣхъ славный обѣщали,
Въ задатокъ денегъ взяли,
Пошли, выпили, пустились смѣло въ лѣсъ,
И вдругъ на встрѣчу пырь Медвѣдь къ
нимъ изъ берлоги.
У нихъ тутъ подкосились ноги.
Одинъ на сосну взлѣзъ,
И, сидя на суку, крестился;
Другой же мертвымъ притворился,
Ничкомъ на землю палъ,
Не шевелился, не дышалъ.—
Звѣрь страшный и мохнатый
Приблизился къ нему, и такъ его проклятый
Перевернулъ, обнюхавъ раза два,
Что тотъ едва, едва
Не закричалъ, и кой ужъ какъ скрѣпился;
Но, къ счастію, Медвѣдь великій былъ глу-
пецъ;
А можетъ-быть и трусъ, что тотчасъ удалился;
Смѣльчакъ тутъ съ дерева спустился;

Открылъ глаза мертвецъ.
Ощупалъ самъ себя, вздохнулъ и приподнялся.
„Съ тобою, братъ, Медвѣдь шепталсяя?“
Товарищъ у него спросилъ:
„Скажи, что на ухо тебѣ онъ говорилъ?“
Что по порядку должно
Медвѣдя напередъ убить,
А послѣ этого ужъ можно
И мѣхъ продать и пить.

=

III.

УТОПЛЕННИЦА.

Не дай Богъ никому капризную жену!
Одна изъ женъ такихъ на мужа разсердилась.
За что? Да онъ молчалъ, такъ за это взбѣсилась,
Кричала, плакала, бранилась,
И кинулась въ рѣку—пошла, какъ ключъ ко дну.
Мужъ бѣдный съ радости, иль съ горя прослезился,
Какъ скоро до него достигла эта вѣсть;
Но онъ философъ былъ и все могъ перенесть:
Подумалъ и пустился,
Чтобъ долгъ послѣдній ей отдать.
И такъ въ тоскѣ, въ печали,

По берегу рѣки тихохонько идетъ,
Глядитъ на все что́ ни плыветъ;
Но волны только щепки мчали,
А нѣтъ-какъ-нѣтъ жены!
Знать надобно, что шелъ онъ противъ быстрины.
Встрѣчается съ нимъ Кумъ, дивится заблужденію,
И говоритъ ему: „пойдемъ въ низъ по теченію:
Кума должна вонъ тамъ, гораздо ниже, всплыть.“
— Не можетъ, братецъ, это быть;
Покойница во всемъ напротивъ поступала
И никому не уступала;
Противъ воды она, повѣрь мнѣ, поплыветъ;
Поставить на своемъ, хоть три раза умретъ.

=

IV.

СТИХОТВОРЕЦЪ и ЧОРТЪ.

„Ну, если кто на свѣтѣ
Несчастнѣе меня? И не было и нѣтъ!“
Такъ говорилъ Дамонъ, поэтъ,
Сидя одинъ въ полночь со свѣчкой въ кабинетѣ,
Вздыхая тяжело и нюхая табакъ,
Которымъ вымаралъ лицо, халатъ, колпакъ,

И, съ позволенія сказать, свои творенья.
„Кляну день своего рожденья:
Такое горе я терплю!
Ужъ сорокъ лѣтъ пишу, хвалю себя, хвалю;
Не вѣритъ мнѣ никто, какъ я ни увѣряю;
Ужъ я ли не поэтъ? не знаю!
По смерти памятникъ мнѣ, вѣрно, сорудятъ,
А нынче—посидѣть со мною не хотятъ.
Начну читать стихи — смѣются;
Печатаю — не продаются;
Пришлось съ Парнаса въ петлю лѣзть
Чтобъ уваженіе и славу пріобрѣсть,
Какихъ я не искалъ каналовъ!
Платилъ газетчикамъ, издателямъ журналовъ;
Свои самъ книги раскупалъ;
Всѣ раздарилъ—а ихъ никто и не читалъ.
Врагамъ своимъ писалъ въ честь оды и посланья,
И въ книжныхъ лавкахъ сталъ предметомъ посмѣянья.
Радъ душу чорту я отдать,
Съ тѣмъ только, чтобъ онъ сталъ стихи мои читать!“
Едва слова сіи Дамонъ успѣлъ сказать,
Чортъ страшный вылѣзъ изъ камина.
—Я здѣсь, условимся со мной.
Что надобно тебѣ?—„Ахъ, мой отецъ родной!
Садитесь... Перевелъ я сцену изъ Расина.

Послушайте..." О, нѣтъ! —„Да почему-жъ?"
—Спѣшу.—
„Послушайте, какъ я пишу;
Не читывали вы такого переводу.
Я вамъ прочту еще посланье, притчу, оду;
Стишки, ей Богу, хороши!"
— Мнѣ дѣло до твоей души;
Дай кровью мнѣ сперва свое рукописанье,—
„Въ стихахъ? съ охотою, чуръ слушать напередъ!"
Исполнилъ Чортъ его желанье:
Садится, а Дамонъ беретъ
Претолстую тетрадь, потѣетъ и читаетъ.
Чортъ бѣдный морщится, зѣваетъ
И ничего не понимаетъ.
Бьетъ часъ, бьетъ два, бьетъ три, четыре, пять, —
Дамонъ не устаетъ читать.
Прочелъ трагедію, лирически творенья,
За притчи принялся... Чортъ потерялъ терпѣнье,
Ушелъ и никогда назадъ ужъ не придетъ.
Пускай же кто другой такъ Чорта проведетъ!

V.

МОЛОДАЯ ВДОВА.

По мертвомъ какъ ни плачь, а онъ уже не встанетъ,
И всякая вдова
Поплачетъ мѣсяцъ — много два,
А тамъ и плакать перестанетъ:
Жаль мужа и себя вѣдь жаль!
На крыльяхъ времени летитъ отъ насъ печаль,
И нечувствительно спокойствіе приходитъ.
Большое Лафонтенъ различіе находитъ
Во всѣхъ вдовахъ чрезъ день и черезъ годъ.
И подлинно: теперь вдова горюетъ, плачетъ,
А черезъ годъ, смотри, мазурку пляшетъ, скачетъ.
Таковъ ужъ видно женскій родъ!
Одна красавица лишь только овдовѣла,
Кричала, билася, рыдала и рвалась;
Ни пить, ни ѣсть, ни жить на свѣтѣ не хотѣла:
Рѣка горчайшихъ слезъ изъ глазъ ея лилась.
Отецъ печалиться далъ полную ей волю;
Но, видя, что уже проходитъ шесть недѣль
И что она слегла въ постель,
Свою оплакивая долю,
Сказалъ ей: „Полно плакать, дочь!
Слезами вѣдь нельзя помочь.

Не ты одна вдова на свѣтѣ;
Еще ты очень молода.
Мужъ умеръ — экая бѣда!
Есть у меня женихъ прекрасной на примѣтѣ,
Ужъ не покойному чета!
Красавецъ, молодецъ, почти въ твои лѣта..."
— Ахъ, батюшка! вдова прервала:
Мнѣ замужъ? Мнѣ другой вѣнецъ?
Нѣтъ, нѣтъ, я въ монастырь пойду — и зарыдала.
Смолчалъ и прочь пошелъ отецъ,
Источникъ слезъ помалу изсыхаетъ.
Проходитъ мѣсяцъ и другой,
Вдова ужъ менѣе вздыхаетъ;
Почти забытъ мужъ дорогой:
И слезка на глазахъ ея не навернется;
Невольно иногда она и улыбнется,
Увидя въ зеркалѣ, что трауръ ей къ лицу.
Прошло ужъ полгода, глядитъ въ глаза отцу;
Но тотъ не говоритъ ни слова.
Рѣшилась наконецъ она спросить его.
— Чтожъ, батюшка, увижу я... — „Кого?"
—Кого хвалили вы.—„Кого же?" —Молодова...
Ну сами знаете... ха! ха!...
Красавца-жениха?

=

VI.

ОБМАНЪ ЗА ОБМАНЪ.

Одинъ купецъ на сохраненье
Желѣза триста пудъ сосѣду далъ въ анбаръ,
А самъ на ярмаку повезъ другой товаръ.
Лукавый ввелъ сосѣда въ искушенье:
Онъ вздумалъ утаитъ желѣзо у себя.
„Что, братецъ, жаль тебя!“
Сказалъ хозяину, когда тотъ возвратился.
„Не знаешь грѣхъ какой случился!
Анбаръ мой былъ немного худъ...
Прикащики не досмотрѣли...
Твое желѣзо мыши съѣли.“
—Неужели все? — „Всѣ триста пудъ!
Ну, что же дѣлать мнѣ съ мышами?
Купецъ пожалъ плечами
И въ сердцѣ всю досаду скрылъ. —
У плута сынъ малютка былъ.
Купецъ его въ свой домъ тихонько заманилъ
И заперъ въ комнатѣ; потомъ къ себѣ сосѣда
Откушать хлѣба-соли звалъ. —
„Охъ! братецъ, мнѣ не до обѣда!
Ни пью, ни ѣмъ теперь: Ванюшка мой пропалъ.“
— Неужто?—„Точно такъ.“—Давно ли?—
„Дни ужъ два.“
— Сосѣдъ! я видѣлъ самъ: третьяго дни сова

Ребенка унесла, и, право, думать должно,
Что это Ваня твой...—„Помилуй, какъ возможно?
Таскаетъ ли сова ребятъ?“
— И мыши, кажется, желѣза не ѣдятъ. —
Воръ не дуракъ былъ, догадался,
Покражу тотчасъ возвратилъ,
И сына на обмѣнъ желѣза получилъ, —
Да лгать ужъ на мышей боялся.

=

VII.

КАЩЕЙ и ЕГО СОСѢДЪ.

Отъ сребролюбія Кащей не ѣлъ, не пилъ,
И много денегъ накопилъ;
Но въ ростъ отдать боялся,
Чтобы не потерять на курсѣ серебра;
Держать и дома опасался:
Вѣдь скупость глупости сестра.
Кащей такъ размышлялъ: «Богъ знаетъ что случится!
Ну, если домъ мой загорится?
Ну, если въ ночь черезъ заборъ
Какой нибудь отважный воръ
Придетъ, съ ножемъ, искать въ моей коморкѣ кладу?

Да я и безъ воровъ самъ у себя украду."
Наставилъ наконецъ его на разумъ бѣсъ
Снести червонцы всѣ съ рублевиками въ лѣсъ,
И тамъ предать ихъ погребенью.
Кащей, за слабостію силъ,
Похлопотать съ собой Сосѣда пригласилъ.
Сосѣдъ былъ очень радъ такому приглашенью.
Взявъ деньги, въ лѣсъ пришли густой;
Подъ елью ихъ зарыли,
Огромную на нихъ колоду навалили —
Прекрасный памятникъ и прочный, и простой.
Повѣся голову, Кащей пришелъ домой:
Не зналъ онъ отъ тоски, куда ему дѣваться:
Остался онъ одинъ—что дѣлать? чѣмъ заняться?
Считать ужъ нечего и не на что взглянуть?
Отъ страха передъ симъ Кащей не могъ заснуть;
Теперь не можетъ спать отъ скуки.
Двѣ ночи такъ прошло, на третью заступъ въ руки
И въ лѣсъ идетъ встрѣчать разсвѣтъ.
Колоду своротилъ онъ кой-какъ черезъ силу.
Разрылъ родныхъ могилу,
Взглянулъ—анъ мертвецовъ тамъ нѣтъ.
Какъ снопъ, Кащей свалился—
Но послѣ всталъ и ухитрился:
Передъ Сосѣдомъ притворился,

И такъ ему сказалъ: «Не льзя ли, братъ,
помочь;
Еще мѣшечка два, хоть въ будущую ночь,
Туда же отнести; зайди-ка ты за мною.»
Сосѣдъ, прельстясь казною,
Своими ужъ считалъ послѣдніе мѣшки,
И деньги положилъ туда, гдѣ были прежде;
Но обманулся онъ въ надеждѣ:
Кащей ихъ воротилъ въ пустые сундуки.

Плутъ попадается нерѣдко въ дураки.

=

VIII.

СНѢЖНЫЙ РЕБЕНОКЪ.

Поѣхалъ въ Астрахань изъ Вологды Купецъ,
И тамъ жену оставилъ.
На Волгѣ въ три года онъ всѣ дѣла исправилъ,
И съ радостію наконецъ
Къ женѣ въ свой городъ возвратился;
Но какъ же удивился,
Увидя мальчика при ней почти двухъ лѣтъ.
— Послушай-ка, мой свѣтъ,
Спросилъ онъ у нея: да чей ребенокъ это?—
„Нашъ, батюшка! Вотъ третье лѣто
Въ Петровъ-постъ будетъ, какъ я Петю
родила.“

— Помилуй, три года ты безъ меня была! —
„Что дѣлать? виновата!
Стояла на крыльцѣ я безъ тебя зимой,
Пошелъ вдругъ снѣгъ, касатикъ мой,
Да попади мнѣ въ ротъ, и сдѣлалась брюхата.
Не вѣришь? Скажетъ вотъ Ивановна, кума,
Что дѣвочку она такъ родила сама.
Смотри, какъ Петя милъ! какой онъ бѣлый, нѣжный!
И видно, что ужъ снѣжный!
Да поцѣлуй его.“ — Купецъ поцѣловалъ,
И болѣе жены распрашивать не сталъ.
Она лисой къ нему ласкалась.
Всѣмъ угождать ему старалась,
И только-что съ одной Ивановной, кумой,
Тайкомъ надъ нимъ смѣялась. —
Лѣтъ черезъ шесть Купчина мой
Собрался въ Астрахань опять, и взялъ съ собою
Петрушу пасынка. Тогда была весна,
А воротиться съ нимъ онъ обѣщалъ зимою.
Не смѣла тутъ ему противиться жена:
Скрѣпясь, сынка благословила,
И правду молвить, не безъ слезъ,
Въ путь дальній съ мужемъ отпустила.
А тотъ въ Москву пріемыша завезъ,
Да противъ женина желанья,
Въ сиротскій отдалъ домъ его для воспитанья.
Пришла зима, пріѣхалъ мужъ одинъ,

Мать бѣдная бѣды своей еще не знаетъ,
И за воротами хозяина встрѣчаетъ.
А, здравствуй, батюшка! Гдѣ-жъ Петинька, нашъ сынъ?
Охъ, не озябъ ли онъ?» — Нѣтъ, не озябъ, растаялъ
Онъ въ Астрахани отъ жаровъ.
Признаться, этого, жена, я самъ не чаялъ
Да сдѣлался ужъ грѣхъ такой!
Не мудрено: ребенокъ слабый, нѣжный;
А тамъ жары не то, что здѣсь:
Въ минуту бѣдненькій при мнѣ растаялъ весь.
И видно, что былъ снѣжный!

=

IX.

ДВА ЧЕЛОВѢКА и КЛАДЪ.

Бѣднякъ, которому наскучило поститься
И нужду крайнюю всегда во всемъ терпѣть,
Задумалъ удавиться.
Отъ голода еще вѣдь хуже умереть!
Избушку ветхую, пустую
Для мѣста казни онъ по близости избралъ,
И, петлю укрѣпивъ вокругъ гвоздя глухую,
Вколачивать лишь въ стѣну сталъ,
Какъ вдругъ изъ потолка, карниза и панели
Червонцы на полъ полетѣли.

И молотокъ изъ рукъ къ червонцамъ полетѣлъ!
Бѣднякъ вздрогнулъ, остолбенѣлъ,
Протеръ глаза, перекрестился,
И деньги подбирать пустился;
Онъ второпяхъ ужъ не считалъ,
А просто такъ, безъ счета,
Въ карманы, въ сапоги, за пазуху наклалъ.
Пропала у него давиться тутъ охота,
И съ деньгами бѣдняжка мой
Безъ памяти бѣжалъ домой.
Лишь онъ отсюда удалился,
Хозяинъ золота явился.
Онъ всякій день свою казну ревизовалъ;
Увидя-жъ въ кладовой большое разрушенье
И всѣхъ своихъ родныхъ червонцевъ похищенье,
Всплеснулъ руками и упалъ, —
Лежалъ минуты двѣ, не говоря ни слова;
Потомъ, какъ бѣшенный вскочилъ,
И петлею себя съ досады удавилъ.
А петля къ счастію была уже готова. —
И это выгода большая для скупова,
Что онъ веревки не купилъ!
Вотъ такъ-то иногда не знаешь,
Гдѣ что найдешь, гдѣ потеряешь;
Но, впрочемъ, вѣрно то: скупой какъ ни живетъ,
Спокойно не умретъ.

X.

КУПЕЦЪ МОШНИНЪ.

Въ Калугѣ былъ Купецъ Мошнинъ.—
Нѣтъ, именитый гражданинъ.
Торговлю отправлялъ онъ многіе ужъ годы.
Не зналъ, что́ есть накладъ, а только богатѣлъ.
Чего онъ не имѣлъ?
Суконны фабрики, чугунные заводы,
Съ которыхъ получалъ великіе доходы;
Деревни сыновьямъ съ чинами покупалъ,
И всякій передъ нимъ поклоны въ поясъ клалъ.
Всѣ деньги у него, какъ въ Банкѣ, занимали,
Однако же онѣ въ долгахъ не пропадали;
Прикащики его отнюдь не воровали;
Возьметъ ли откупъ, иль подрядъ,
Навѣрное найдетъ тутъ кладъ!
За то его и называли
Въ Калугѣ колдуномъ;
Жилъ очень хорошо; какъ чаша полонъ домъ;
Держалъ открытый столъ; давалъ пиры и балы;
Обѣдать ѣздили къ нему и генералы.—
Пріятель Мошнину Купецъ былъ Бородинъ.

Вотъ какъ-то подгулявъ, одинъ съ нимъ на одинъ,
Тотъ искренно ему признался,
Что счастію его въ торговлѣ удивлялся.
Мошнинъ расхохотался,
И наконецъ сказалъ: „Послушай, братъ Семенъ,
Всегда тотъ счастливъ, кто уменъ.
Знай, я, не испытавши броду,
Не суюсь въ воду:
Есть разумъ у меня, и отъ того богатъ,
Убытокъ не несу, за то я остороженъ!“
Лѣтъ черезъ шесть попалъ нашъ умникъ въ Магистратъ—
Не въ члены, а въ тюрьму.—За что-жъ?—былъ много долженъ;
Остался только лишь на немъ кафтанъ одинъ,
И онъ почти мірскимъ питался подаяньемъ.
Въ то время съ ярмарки пріѣхалъ Бородинъ;
Идетъ къ нему и съ состраданьемъ,
Съ слезами, говоритъ: что сдѣлалось съ тобой?
—*Судьба!* тотъ отвѣчалъ. — А вотъ какой судьбой
Мошнинъ бѣдняжка разорился:
При откупахъ погорячился
И всѣхъ соперниковъ своихъ онъ побѣдилъ,
Да послѣ милліонъ за это заплатилъ.

Должникъ его себя тутъ объявилъ банкрутомъ;
Приказчикъ сдѣлался изъ честнаго вдругъ плутомъ;
Одинъ сынокъ деревню промоталъ,
Другой сто тысячъ проигралъ;
А, кажется, онъ ихъ какъ должно воспиталъ.
Къ тому-жъ за молодой, второй своей женою,
Заводы укрѣпилъ, хоть въ ней нашелъ врага,
И получилъ еще на старости рога.
Судьба, судьба всему виною.
Вотъ такъ-то въ счастіи гордимся мы умомъ,
Въ несчастіи вину всю на судьбу кладемъ.

=

XI.

СВЯЩЕННИКЪ и КРЕСТЬЯНИНЪ.

Пришелъ къ Священнику Крестьянинъ Парамонъ —
И, сдѣлавъ передъ нимъ чуть не земной поклонъ,
Такъ говорилъ ему со вздохомъ и слезами:
„Помилуй, батюшка, что̀ дѣлать мнѣ съ чертями?
Изъ дому выживаютъ вонъ.“
— Перекристися, Парамонъ! —
„Да я уже и такъ крестился,

Молитву съ вечера творилъ,
А домовой меня давилъ;
Всю ночь съ проклятымъ провозился.
Послушай-ка: лежу вечоръ я на спинѣ,
Гляжу—анъ чортъ на мнѣ,
Лежитъ какъ-будто куль съ мукою,
Иль съ солью, такъ тяжелъ! Ей-ей, тебѣ не лгу.
И что-жъ? пошевелить рукою,
Ни слова вымолвить никакъ я не могу.
Ужъ какъ-то я поворотился,
Такъ онъ съ меня свалился.
Ты въ Семинаріи, отецъ Иванъ, учился,
Пожалуй одолжи,
Свою науку покажи,
Не дашь-ли зелья мнѣ какова,
Иль корешковъ отъ домовова?
А я тебѣ за то пшеницы четверикъ."
— Я думалъ, Парамонъ, что умный ты мужикъ,
А вздоръ какой ты мелешь!—
„Не ужли, батюшка, мнѣ ты не вѣришь?
Ну, право, домовой давилъ меня, давилъ!
Спроси хоть бабушку Пахомовну Ненилу.
Еще онъ не взлюбилъ
Саврасую мою кобылу.
Пришелъ я утромъ въ хлѣвъ: подъ яслями лежитъ

Сердечная въ поту, и такъ какъ листъ дрожитъ!
Изъѣздилъ бѣдную! ужъ диво!...“ — Не дивися;
Впередъ не на спину, а на бокъ спать ложися.
Отъ крови сдѣлалось тебѣ такъ тяжело:
Какъ навзничь ты лежалъ, она остановилась.—
„А какъ кобылу-то подъ ясли занесло?
Не бось, сама туда забилась?“
— Конечно. — „Отъ чего?“
— Да оттого,
Что муха укусила...—
„Неправда! а нечиста сила“...
— Да нѣтъ на свѣтѣ домовыхъ.—
„Какъ нѣтъ? не видывалъ ты ихъ;
А я, хотя въ потьмахъ, да видѣлъ домоваго:
Какъ уголь черенъ весь! собой здоровъ, высокъ!
Плечами, же вельми широкъ...“
— Пожалуй, не грѣши и не мели пустаго.—
„Вотъ хорошо! не вѣрь своимъ очамъ,
А вѣрь твоимъ рѣчамъ!
Какой ты попъ! да ты совсѣмъ не христіанинъ
Къ тебѣ я на духъ не пойду!“
И, разсердившися, ушелъ домой Крестьянинъ.
Отецъ Иванъ попалъ въ бѣду:

Безбожникомъ въ селѣ его прозвали;
Иные же ходить и въ церковь перестали.
И менѣе чѣмъ черезъ годъ,
Онъ перешелъ въ другой приходъ.

Упрямыхъ, глупыхъ суевѣровъ
Ничѣмъ не можно убѣдить;
Опасно даже имъ и правду говорить.
Довольно есть тому въ исторіи примѣровъ.

=

XII.

СТРАСТЬ КЪ СТИХОТВОРСТВУ.

Какъ пьянство, такъ и страсть кропать стихи—бѣда!
Рифмачъ и пьяница равно несчастны оба:
Ни страха нѣтъ въ нихъ, ни стыда;
Одинъ все будетъ пить, другой писать до гроба.
Былъ на Руси одинъ поэтъ,
Котораго весь знаетъ свѣтъ;
Но имени ему здѣсь нѣтъ.
Онъ вѣрно за грѣхи на муку намъ родился:
Лишь буквы выучилъ, писать стихи пустился,
Да какъ же? со всего плеча.
Что день, то новые стихи у рифмача.
Объявлена-ль война—вотъ радость для урода!
Прочелъ реляцію—и ужъ готова ода!

Изъ сродниковъ его, изъ ближнихъ кто умретъ,
Онъ радъ и этому, тотчасъ перо беретъ
И мертвыхъ и живыхъ терзаетъ безъ пощады.
Въ сатирѣ ли его, какъ шута, осмѣютъ —
Онъ плачетъ отъ досады.
Не пьетъ, не ѣстъ, не спитъ; однако же и тутъ
Въ кропаніи стиховъ находитъ утѣшенье.
Простилъ бы я ему ужъ это согрѣшенье;
Пускай бы только онъ писалъ,
А то стихами онъ всѣмъ уши прожужжалъ:
Одну жену до смерти зачиталъ;
Другая, не проживъ съ нимъ года,
За умъ взялась
И развелась.
Была-бъ, какъ первая, въ могилѣ безъ развода!
Послѣдняя жена съ нимъ потому жила,
Что на ухо крѣпка была.
И люди у него никакъ не уживались,
Хотя для слушанья стиховъ чередовались.—
Вотъ наказалъ злодѣя Богъ:
Ремачъ опасно занемогъ;
Лежитъ и бредитъ все стихами!
Призвали доктора.—Что сдѣлалося съ вами?
Спросилъ тотъ у него: у васъ, конечно, жаръ?—

„Какъ жару и не быть! Я правда хоть и старъ;
Но я поэтъ, притомъ же лирикъ,
И лирикъ первый, вамъ не лгу....“
— Пожалуйте-ка пульсъ. — „Еще сказать могу,
Что я и фабулистъ, и трагикъ, и сатирикъ...“
— Вамъ вредно много говорить.—
„Ну, а стихи читать мнѣ можно?“
— Нельзя.— „Такъ умереть мнѣ должно?
Что-жъ это вы меня хотите уморить?
Я напишу на васъ за это эпиграмму.
Постойте, à propos! я сочиняю драму,
И выведу на сцену васъ....“
— А я вотъ сей же часъ
По власти докторской употреблю и силу:
Покрѣпче ротъ вамъ завяжу,
И муху шпанскую къ затылку приложу.
Вамъ вѣрно хочется въ могилу?—
Со страха прикусилъ языкъ себѣ больной.
Минуты не прошло одной,
Какъ докторъ, прописавъ лѣкарство, удалился.
Риѳмачъ опять читать стихи свои пустился.
Читалъ, читалъ, читалъ, и такъ онъ ослабѣлъ,
Что докторъ, потерявъ надежду, отказался,

Да и никто лѣчить его не соглашался.
Вотъ онъ духовнаго отца позвать велѣлъ.
Съ сердечнымъ сокрушеньемъ
Покаялся ему въ грѣхахъ,
(Не прозою, а на стихахъ).
И подарилъ его своимъ стихотвореньемъ—
Посланьемъ (онъ ко всѣмъ посланія писалъ
И каждое въ печать особо отдавалъ),
Самъ эпитафію себѣ продиктовалъ.
Ужъ наконецъ языкъ у бѣднаго отнялся —
И даже тутъ еще, пока онъ не скончался,
Все стопы пальцами считалъ...

=

XIII.

ИСПРАВЛЕНІЕ.

Бездушинъ прежде пилъ, игралъ,
И женщинъ и мужчинъ, какъ дьяволъ соблазнялъ;
Не чести, ни родства, ни Бога онъ не зналъ;
Но вдругъ потомъ перемѣнился:
Ходить прилежно въ церковь сталъ,
И въ землю все молился,
А дома Библію да Штиллинга читалъ.
Вотъ этимъ сатана ужасно огорчился,
И говоритъ ему онъ такъ:
„Помилуй! ты вѣдь не дуракъ;

Не стыдно ли тебѣ съ твоимъ умомъ молиться?
Повѣрь мнѣ, въ святости нималой пользы нѣтъ.
То-ль дѣло веселиться!
Прими мой дружескій совѣтъ:
Въ объятія мои скорѣе возвратися.
Ну полно, братецъ, не сердися:
Увидишь, буду какъ впередъ служить тебѣ."
Бездушинъ улыбнулся
И самъ сказалъ въ себѣ:
Пусть думаетъ его, что я ума рехнулся.
Поддѣлъ я славно сатану!
А ужъ людей теперь, конечно, обману.

=

XIV.

ДВА КРАСАВЦА.

Пріѣхалъ въ Ярославль валдайскій дворянинъ,
Пригожій очень господинъ,
Красавецъ: волосы имѣлъ онъ золотые,
Природой въ кудри завитые,
И ими, такъ какъ Фебъ, сіялъ,
Лишь только-что не сожигалъ;
Лицо широкое въ коричневыхъ все мушкахъ,

Иль, попросту сказать, въ веснушкахъ;
Глаза сафирные, но только безъ бровей;
Носъ длинный, съ маленькой на кончикѣ прибавкой,
Багряной съ вишню бородавкой:
Ротъ самой крошечный, едва не до ушей;
Кривые, на манеръ клыковъ слоновыхъ, зубы,
И—какъ сафьянныя подушки—обѣ губы.
Вотъ онъ пошолъ въ ряды обновы покупать,
(Всѣ безобразные вѣдь любятъ щеголять).
И видитъ въ лавкѣ тамъ сидѣльца молодаго,
Курносаго, рябаго,
Такого, что перомъ не можно написать,
Ни въ сказкѣ разсказать.
Валдаецъ мой остановился,
И, вздернувъ къ верху носъ,
Преважно дѣлаетъ ему такой вопросъ:
„Не въ Ярославлѣ-ль ты, голубчикъ мой, родился?“
— На что вамъ? Такъ, сударь, я здѣшній мѣщанинъ.—
„Ты здѣшній?“ подхватилъ со смѣхомъ дворянинъ.—
„Ну, правду говорятъ у насъ, что Ярославцы
Въ Россіи первые красавцы.
Подобнаго тебѣ на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ!
Позволь списать съ себя портретъ.
Что за это съ меня попросишь?

Да истину скажи, не маску ли ты носишь?“
Сидѣлецъ ничего на то не отвѣчалъ,
Съ поклономъ лишь ему онъ зеркало представилъ.
Увидя въ немъ себя, Нарциссъ мой замолчалъ,
Какъ розанъ покраснѣлъ, и далѣ путь направилъ.

Мы ближняго не мало не щадимъ:
Въ другихъ пороки замѣчаемъ,
Другихъ бранимъ, пересмѣхаемъ,
А на себя не поглядимъ.

XV.

ДУРАКЪ ФИЛАТКА.

У Толстосумова дуракъ Филатка былъ.
Не видывалъ еще я дурака такова:
Глупѣе барина! И баринъ, какъ роднаго,
Филатку дурака любилъ,
Поилъ его виномъ и всюду бралъ съ собою.
Филатка все въ деревнѣ жилъ.
Вотъ какъ-то господинъ поѣхалъ съ нимъ водою
Изъ Нижняго въ Казань. Филатъ тому былъ радъ:
На все зѣвалъ, всему дивился;

Однако, ничему въ пути не научился.
Пріѣхали назадъ.
Чортъ дернулъ ключницу Маланью
О путешествіи спросить у дурака.
„Деревня наша велика,
А не сравняется ни съ Нижнимъ, ни съ Казанью,
Филатка говоритъ: церквей, крестовъ
Тебѣ не сосчитать, не только-что домовъ!“
— Ну чтожъ тамъ хорошо? — „И вѣдомо, не худо!
А вотъ на Волгѣ я, скажу, ужъ видѣлъ чудо.“
—Какое?—„Знаешь ли? бѣжимъ на парусахъ,
И домы-то на берегахъ,
Деревья всѣ бѣгутъ. Мы къ берегу пристали;
Они, какъ вкопаные, стали.
Опять поѣхали, опять бѣгутъ, бѣгутъ!“
— Прямой, Филатъ, ты шутъ!
Тебѣ казалось такъ, а домы-то стояли.—
„Э, нѣтъ Маланьюшка, бѣжали!“
—По-твоему! да ты вѣдь, правда, безъ ума!
„Такъ дура ты сама!
Я говорю тебѣ, коль хочешь побожуся:
Бѣжали домы всѣ назадъ.“
— Ну полно врать, Филатъ!
„Смотри, Маланья, я съ тобою не смѣюся.
Не вѣришь, что ли?“—Нѣтъ.—„Бѣжали!“—
Какъ не такъ!—

„Повѣрь же, говорю.“ — Да развѣ я взбѣсилась? —
Филатъ, чтобъ убѣдить покрѣпче сжалъ кулакъ,
Занесъ,—и ключница во всемъ съ нимъ согласилась.
Я спорить съ умными люблю:
Отъ споровъ съ ними я учуся;
Но спорить съ глупыми боюся,
И имъ всегда во всемъ охотно уступлю.

=

XVI.

КАРЕТА и ЛОШАДИ.

Ахъ! если бы хотя подъ старость далъ мнѣ Богъ
Мѣстечко гдѣ-нибудь такое,
Гдѣ-бъ могъ остатокъ дней я провести въ покоѣ!
Гдѣ-бъ взятки брать, иль красть я могъ. —
Клянуся честію и совѣстью моею,
Ужъ далъ бы знать себя! Что? скажуть: *не умѣю?*
Пустое! выучусь, лишь только захочу,
Да многихъ, можетъ быть, еще и поучу.
Взгляните: грамотѣ иные не умѣютъ,
А какъ живутъ, какъ богатѣютъ!

Вотъ главное: *имѣть не надобно стыда.* —
Оставять?—оставляй, и это не бѣда:
Коль наживу полумилліона,
Въ отставку самъ тогда пойду безъ пенсіона.—
Разсказывалъ одинъ знакомый мнѣ купецъ
(Не здѣшній, и теперь едва-ли не покойникъ),
Что въ городѣ у нихъ совѣтникъ былъ, дѣлецъ,
Великій взяточникъ, невѣжда и законникъ:
Указъ прибравши на указъ,
Оправитъ всякаго за денежки какъ-разъ.
Когда напишетъ самъ экстрактъ, опредѣленье,
Хоть юрисконсультамъ отдай на разсмотрѣнье:
Въ законахъ пропуска, ей Богу, не найдутъ,
А дѣла не поймутъ:
Такъ спутаетъ, такъ свяжетъ,
И бѣлымъ наконецъ вамъ черное покажетъ.
Кто больше дастъ ему, тотъ у него и правъ;
А такъ въ глаза ругай, онъ ничего не скажетъ,—
Такой имѣлъ ужъ нравъ.
Проситель подарилъ совѣтнику карету;
Соперникъ же, узнавъ о томъ черезъ людей,
Не знаю по чьему совѣту,
Прислалъ къ совѣтнику четверку лошадей.
Онъ принялъ ихъ—и я бы сдѣлалъ то же.

И молотокъ изъ рукъ къ червонцамъ полетѣлъ!
Бѣднякъ вздрогнулъ, остолбенѣлъ,
Протеръ глаза, перекрестился,
И деньги подбирать пустился;
Онъ второпяхъ ужъ не считалъ,
А просто такъ, безъ счета,
Въ карманы, въ сапоги, за пазуху наклалъ.
Пропала у него давиться тутъ охота,
И съ деньгами бѣдняжка мой
Безъ памяти бѣжалъ домой.
Лишь онъ отсюда удалился,
Хозяинъ золота явился.
Онъ всякій день свою казну ревизовалъ;
Увидя-жъ въ кладовой большое разрушенье
И всѣхъ своихъ родныхъ червонцевъ похищенье,
Всплеснулъ руками и упалъ, —
Лежалъ минуты двѣ, не говоря ни слова;
Потомъ, какъ бѣшенный вскочилъ,
И петлею себя съ досады удавилъ.
А петля къ счастію была уже готова. —
И это выгода большая для скупова,
Что онъ веревки не купилъ!
Вотъ такъ-то иногда не знаешь,
Гдѣ что найдешь, гдѣ потеряешь;
Но, впрочемъ, вѣрно то: скупой какъ ни живетъ,
Спокойно не умретъ.

X.

КУПЕЦЪ МОШНИНЪ.

Въ Калугѣ былъ Купецъ Мошнинъ.—
Нѣтъ, именитый гражданинъ.
Торговлю отправлялъ онъ многіе ужъ годы.
Не зналъ, что̀ есть накладъ, а только богатѣлъ.
Чего онъ не имѣлъ?
Суконны фабрики, чугунные заводы,
Съ которыхъ получалъ великіе доходы;
Деревни сыновьямъ съ чинами покупалъ,
И всякій передъ нимъ поклоны въ поясъ клалъ.
Всѣ деньги у него, какъ въ Банкѣ, занимали,
Однако же онѣ въ долгахъ не пропадали;
Прикащики его отнюдь не воровали;
Возьметъ ли откупъ, иль подрядъ,
Навѣрное найдетъ тутъ кладъ!
За то его и называли
Въ Калугѣ колдуномъ;
Жилъ очень хорошо; какъ чаша полонъ домъ;
Держалъ открытый столъ; давалъ пиры и балы;
Обѣдать ѣздили къ нему и генералы.—
Пріятель Мошнину Купецъ былъ Бородинъ.

Вотъ какъ-то подгулявъ, одинъ съ нимъ на одинъ,
Тотъ искренно ему признался,
Что счастію его въ торговлѣ удивлялся.
Мошнинъ расхохотался,
И наконецъ сказалъ: „Послушай, братъ Семенъ,
Всегда тотъ счастливъ, кто уменъ.
Знай, я, не испытавши броду,
Не суюсь въ воду:
Есть разумъ у меня, и отъ того богатъ,
Убытокъ не несу, за то я остороженъ!“
Лѣтъ черезъ шесть попалъ нашъ умникъ въ Магистратъ—
Не въ члены, а въ тюрьму.—За что-жъ?—былъ много долженъ;
Остался только лишь на немъ кафтанъ одинъ,
И онъ почти мірскимъ питался подаяньемъ.
Въ то время съ ярмарки пріѣхалъ Бородинъ;
Идетъ къ нему и съ состраданьемъ,
Съ слезами, говоритъ: что сдѣлалось съ тобой?
—*Судьба!* тотъ отвѣчалъ. — А вотъ какой судьбой
Мошнинъ бѣдняжка разорился:
При откупахъ погорячился
И всѣхъ соперниковъ своихъ онъ побѣдилъ,
Да послѣ милліонъ за это заплатилъ.

Должникъ его себя тутъ объявилъ банкрутомъ;
Приказчикъ сдѣлался изъ честнаго вдругъ плутомъ;
Одинъ сынокъ деревню промоталъ,
Другой сто тысячъ проигралъ;
А, кажется, онъ ихъ какъ должно воспиталъ.
Къ тому-жъ за молодой, второй своей женою,
Заводы укрѣпилъ, хоть въ ней нашелъ врага,
И получилъ еще на старости рога.
Судьба, судьба всему виною.
Вотъ такъ-то въ счастіи гордимся мы умомъ,
Въ несчастіи вину всю на судьбу кладемъ.

XI.

СВЯЩЕННИКЪ и КРЕСТЬЯНИНЪ.

Пришелъ къ Священнику Крестьянинъ Парамонъ —
И, сдѣлавъ передъ нимъ чуть не земной поклонъ,
Такъ говорилъ ему со вздохомъ и слезами:
„Помилуй, батюшка, что́ дѣлать мнѣ съ чертями?
Изъ дому выживаютъ вонъ.“
— Перекристися, Парамонъ! —
„Да я уже и такъ крестился,

Молитву съ вечера творилъ,
А домовой меня давилъ;
Всю ночь съ проклятымъ провозился.
Послушай-ка: лежу вечоръ я на спинѣ,
Гляжу—анъ чортъ на мнѣ,
Лежитъ какъ-будто куль съ мукою,
Иль съ солью, такъ тяжелъ! Ей-ей, тебѣ не лгу.
И что-жъ? пошевелить рукою,
Ни слова вымолвить никакъ я не могу.
Ужъ какъ-то я поворотился,
Такъ онъ съ меня свалился.
Ты въ Семинаріи, отецъ Иванъ, учился,
Пожалуй одолжи,
Свою науку покажи,
Не дашь-ли зелья мнѣ какова,
Иль корешковъ отъ домовова?
А я тебѣ за то пшеницы четверикъ."
— Я думалъ, Парамонъ, что умный ты мужикъ,
А вздоръ какой ты мелешь!—
„Не ужли, батюшка, мнѣ ты не вѣришь?
Ну, право, домовой давилъ меня, давилъ!
Спроси хоть бабушку Пахомовну Ненилу.
Еще онъ не взлюбилъ
Саврасую мою кобылу.
Пришелъ я утромъ въ хлѣвъ: подъ яслями лежитъ

Да и напьется вскорѣ.
Однако, надобно, чтобъ больше пилъ народъ:
Хоть людямъ вредъ, зато откупщикамъ доходъ.

=

XX.

ДОГАДЛИВАЯ ЖЕНА.

Предвидя свой конецъ, Петръ-лавочникъ, въ грѣхахъ
Духовному отцу признался,
И смерти дожидался.
Жена стоитъ предъ нимъ въ слезахъ.
„Не плачь, онъ ей сказалъ, Дуняша!
Ты знаешь, сколько намъ приноситъ лавка наша;
Бѣда, коль отойдетъ отъ насъ теперь Кузьма.
Выдь замужъ за него, людскихъ рѣчей не бойся".
— Охъ, батюшка, не безпокойся:
Я это думала давно ужъ и сама.

=

XXI.

ВОЗРАЖЕНІЕ ПЬЯНИЦЫ.

За пьянство Попъ журилъ Кузьму,
И вотъ какъ говорилъ ему:
„Опомнись, воздержися;
Смотри: съ питья ты сталъ каковъ!
Распухъ, въ ломотьяхъ весь, нѣтъ даже сапоговъ!
Вино твой первый врагъ: его ты берегися,
Возненавидь..."—ОтецъЕгоръ!перекрестися!
Давно-ль ты самъ твердилъ: *люби своихъ враговъ?*

=

XXII.

ПЬЯНИЦА и СУДЬБА.

Въ ночь темную, зимой,
Подъячій пьяный шелъ черезъ рѣку домой;
Съ прямой дороги сбился,
И гдѣ-жъ? у полыньи, каналья, очутился,
Споткнулся и на край на самой повалился;
Заснулъ и думаетъ, что онъ на съѣзжей спитъ;
На чистомъ воздухѣ, какъ богатырь, храпитъ.
Ну если-бъ только онъ во снѣ поворотился —

Тогда-бъ прощай и взятки и вино:
Пошелъ бы къ тюленямъ на дно!
Случись же такъ: Судьба тутъ мимо проходила,
Приблизилась къ нему,
Тихонько разбудила,
И говоритъ ему:
„Проснись, здѣсь полынья, опасно;
Встань, встань!.. постой, тебѣ я помогу...
Вотъ лучше лягъ подальше на снѣгу,
Тамъ мягче... ну, вотъ такъ, прекрасно!
Когда-бъ ты утонулъ, тогда бы всю вину
Сложили на меня одну.“
И подлинно! въ чемъ мы Судьбу не обвиняемъ?
Имѣнье-ль глупо расточимъ,
Иль отъ страстей своихъ здоровье потеряемъ:
Всегда уже Судьбу, а не себя винимъ.

=

XXIII.

КАПРИЗЪ ГОСПОЖИ.

„Послушай, маменька, мой другъ,
Супругѣ говорилъ супругъ:
Ванюшка давича мнѣ въ ноги повалился...“
— Что, вѣрно, пьянъ вчера напился?
Ну, папенька, прости для праздника—его.

„Нѣтъ, маменька, не то; онъ, знаешь ли,
влюбился.“
— Влюбился, а въ кого?—
„Да въ горничную Катерину:
Охотою идетъ Катюша за него.“
— Велю я положить женитьбу имъ на
спину!—
„Ты шутишь?“ — Никогда я съ вами не
шучу!
Жените ихъ, а я ужъ на своемъ поставлю,
Въ деревню ихъ отправлю,
И тамъ свиней пасти заставлю.
Вотъ вздумали женить слугу!
Да я, сударь, терпѣть женатыхъ не могу.

=

XXIV.

СОВѢСТЬ РАЗБОЙНИКА.

Попа предъ казнію Разбойникъ попросилъ.—
Приходитъ попъ. — Ему тотъ въ ноги по-
валился
И прослезился.
„Проститъ ли Богъ меня?“ онъ у него
спросилъ.
— Покаяться тебѣ чистосердечно должно...
Ну, сколько душъ ты потерялъ?—
„Да какъ упомнить можно!

Я право не считалъ."
— А что, посты чай соблюдалъ?—
„Помилуй, батюшка! да развѣ я Татаринъ.
Чтобъ не соблюлъ поста!
Избави Богъ, я христіанинъ;
Такъ стану-ль мясомъ въ постъ сквернить
свои уста!"

И не разбойники за грѣхъ большой считаютъ
Въ постъ оскоромиться, обѣдню прогулять:
А ближняго оклеветать,
Имѣніе и съ нимъ нерѣдко жизнь отнять,
Въ достоинство еще и въ честь себѣ вмѣняютъ.

=

XXV.

ПРОСТОДУШНАЯ.

Параша дѣвушка премилая была,
Въ деревнѣ съ матерью жила
И вмѣстѣ съ ней хозяйствомъ занималась,
Скромненько, просто одѣвалась,
Романовъ въ руки не брала,
И кромѣ *Сонника* другихъ книгъ не читала,
А только кружева плела,
Да въ пяльцахъ вышивала.
Исполнилося ей уже семнадцать лѣтъ;
Пора узнать ей свѣтъ,

Пора пристроить ужъ и къ мѣсту.
Приданаго-жъ за ней большой въ Зарайскѣ
домъ,
Пять тысячъ въ Банкѣ серебромъ
И триста душъ. Не правда-ль, что невѣсту
Такую дай Богъ хоть кому...
Хоть Предводителю въ уѣздѣ самому!
Но женихи въ уѣздахъ рѣдки:
Сорокины, мои Зарайскія сосѣдки,
Въ дѣвицахъ все еще сидятъ,
А имъ уже сто лѣтъ обѣимъ, говорятъ.
По первому пути зимою,
Лишь начался Филиповъ постъ,
Парашу маменька взяла въ Москву съ собою,
И прямо на Кузнецкій Мостъ.
Тамъ у француженокъ обновъ ей накупила,
Какъ куколку ее по модѣ нарядила,
И начала учить Парашу танцовать,
Чтобъ святками могла въ собраньи побывать.
Вотъ Святки ужъ пришли: Параша выѣзжаетъ,
И съ важной маменькой своей
Собранья, клубы посѣщаетъ.
Недѣли не прошло, явилося у ней
Двѣнадцать жениховъ, штабъ, оберъ офицеры,
Большею частью кавалеры;
Но всѣхъ счастливѣе бинъ ротмистръ Пустельгинъ:

Парашѣ только онъ понравился одинъ,
И чѣмъ же?—черными, поддѣльными усами.
Другіе были съ орденами
И лучше во сто разъ,
Но безъ усовъ, такъ имъ отказъ.
Въ Крещенье Пустельгинъ съ Парашей обручился;
Отъ радости онъ умъ послѣдній потерялъ;
Всѣмъ уши о своей невѣстѣ прожужжалъ.
„По чести, говорилъ, я вѣкъ бы не женился,
Когда бы феникса такого не сыскалъ:
Красавица, умна, скромна, тиха, послушна,
И, что̀ милѣй всего, то очень простодушна.
Невинность сущая, а ей семнадцать лѣтъ!
Повѣрьте, что другой такой въ столицѣ нѣтъ.
Въ сорочкѣ, право, я родился!“
Чрезъ мѣсяцъ Пустельгинъ женился,
И новый сдѣлалъ въ долгъ себѣ къ вѣнцу мундиръ.
Невѣста множество имѣла бриліантовъ
Въ копейку свадебный сталъ пиръ!
При громѣ пѣвчихъ, музыкантовъ
Шампанское лилось рѣкой;
А ужинъ былъ какой!
Пять лучшихъ поваровъ его приготовляли;
Часовъ въ одинадцать изъ-за-стола ужъ встали
Лишь Польскій заиграли,
Парашу увели; всѣ гости по домамъ,

За исключеніемъ двухъ самыхъ близкихъ
дамъ.
Вотъ новобрачную раздѣли;
Сидитъ въ дезабильѣ на креслахъ у постели.
Явился въ шлафрокѣ предъ ней ея супругъ.
Параша бѣдная краснѣетъ.
Цѣлуетъ онъ ее—и вдругъ
Она, какъ смерть, блѣднѣетъ,
Вся сморщилась и слезы на глазахъ.
„Что, ангелъ мой, съ тобой? спросилъ ее
мужъ.“—Ахъ!
Ахъ, дурно, дурно мнѣ! нѣтъ мочи! помо-
гите!..
„Прикажешь каплей что ли дать?
Или за докторомъ послать?“
— За аккушеромъ? да, скорѣй, скорѣй по-
шлите. —

=

XXVI.

ДВА ДРУГА.

„Друзья! на свѣтѣ нѣтъ друзей, и не бы-
вало.“
Ученикамъ своимъ Аристотель твердилъ.
Всѣ знаютъ, что онъ лгать и въ шутку не
любилъ:

Такъ точно, нѣтъ друзей, иль очень, очень мало.
Вотъ я здѣсь, въ Петербургѣ, зналъ
Двухъ молодыхъ людей: въ одномъ полку служили
И на одной квартирѣ жили.
Такихъ друзей еще я право не видалъ.
Другъ другу тайны всѣ сердечны открывали.
Разсчетовъ никакихъ не знали межъ собой;
Что сдѣлаетъ одинъ, не споритъ въ томъ другой;
Родныя братья такъ согласно не живали.—
Съ гостями какъ-то разъ въ бастонъ они играли.
Одинъ изъ нихъ пошелъ не такъ,
И утопилъ другаго;
А тотъ въ сердцахъ вскричалъ: „прямой, братъ, ты... чудакъ!
Скажите видѣлъ ли кто игрока такого?
Зачѣмъ ты въ пики шелъ? знать, въ головѣ *мизеръ*?
Товарищъ промолчалъ и не сказалъ ни слова:
Онъ очень скромный былъ и храбрый офицеръ.
Схвативъ съ стола щипцы, пустилъ онъ въ друга ими,
прямо въ лобъ ему попалъ,
и какъ-то шпорами своими

Задѣлъ за столъ, и столъ упалъ.
Подсвѣчники, стаканы зазвенѣли,
И на полъ съ картами и съ мѣломъ полетѣли;
Вцѣпились въ волоса другъ другу игроки:
Хрустятъ подъ ними лишь хрустальны черепки;
Всѣ члены съ ярости у обоихъ трясутся.
На задни ноги вставъ, собаки такъ грызутся.
Пришлось хоть разливать водой.
— Не стыдно-ль, господа! ну, что́ за срамъ такой?
Тутъ гости имъ сказали:
Какъ драку начинать, не кончивши игру?—
Послушались они и драться перестали,
А то-бъ не быть добру!
Но чѣмъ же кончилось? Друзья, чай, помирились?
Поцѣловалися? — О, нѣтъ!
Разумный дали имъ пріятели совѣтъ:
Они въ Катерингофъ пустились.
Зачѣмъ?—А какъ же? на дуэль!
Кто что́ ни говори, дуэли право нужны:
Одинъ отъ раны въ бокъ на мѣсяцъ слегъ въ постель;
Другой носилъ костыль одиннадцать недѣль,
Но послѣ этого опять ужъ были дружны.

XXVII.

КАЩЕЙ и ЛѢКАРЬ.

Кащей не въ шутку захворалъ:
Пять дней ужъ съ сундука не сходитъ;
Не ѣсть, не пьетъ и глазъ почти не сводитъ,
Пришло не вмочь, за лѣкаремъ послалъ.
Явился врачъ, ему лѣкарство прописалъ.
„Сейчасъ же, говоритъ, пошлите вы въ аптеку.“
—А много-ль денегъ дать велите человѣку?—
„Не знаю, право, что́ возьмутъ...
Ну, дайте двадцать-пять, вамъ здачи принесутъ.“
— Что-жъ дѣлать? такъ и быть! сейчасъ пошлю Ванюшку.
Иванъ приподними ты у меня подушку;
Возьми, вотъ пять алтынъ!
Вотъ гривна!... кажется, далъ лишній грошъ одинъ.
Постой-ка: разъ, два, три, четыре, пять — ну, вѣрно!
Скорѣй съ рецептомъ ты бѣги,
Да не зайди въ кабакъ. Куда какъ это скверно!...
Не грязно на дворѣ, такъ скинь ты сапоги.
Разинулъ лѣкарь ротъ, какъ-будто видѣлъ чудо;

Не вѣрилъ онъ своимъ глазамъ, ушамъ.
„Вы поняли меня, сказалъ онъ, очень худо:
Пошлите двадцать-пять *рублей*...“—Не дамъ не дамъ!
Какъ двадцать-пять рублей! О, Господи мой, Боже!
Во снѣ ли я, иль на яву?—
„Здоровье вѣдь всего дороже.“
— Какъ двадцать-пять рублей! За что? —
„Да за траву,
Микстуру, капли и пилюли.“
—Да полно, оживу ли
Отъ этихъ я лѣкарствъ? Вѣдь, я едва дышу!
За что же двадцать-пять рублей терять напрасно! —
„Хотя вы и больны опасно,
Не бойтесь: я еще кой-что̀ вамъ пропишу,
И, такъ-сказать, изъ мертвыхъ воскрешу;
Лишь только вы ко мнѣ довѣренность имѣйте
И денегъ не жалѣйте.
Я за свои труды полушки не хочу:
Вы бѣдный чѣловѣкъ, безъ платы васъ лѣчу:
А даромъ получать лѣкарство невозможно.
Вамъ подкрѣплять себя хорошей пищей должно:
Для супа рябчиковъ, или цыплятъ купить
И лучшее вино съ водой отварной пить.
Возьмите вы себѣ ренвейну, иль лафиту,

Хоть въ пять рублей..." — Совсѣмъ нѣтъ аппетиту? —

„Придетъ. Пошлите-жъ двадцать-пять...
Коль денегъ нѣтъ у васъ, пожалуй я достану."

— Отецъ мой, за тебя молиться Богу стану. —

„Я вамъ служить сердечно радъ.
Вотъ этотъ сундучокъ отдайте мнѣ въ закладъ."

—Да развѣ на полу больному мнѣ валяться? —

„Нѣтъ, я пришлю кровать:
На ней покойнѣе вамъ будетъ почивать.
Давайте-ка сундукъ, извольте приподняться.
Ты за извощикомъ сходи теперь, Иванъ!"

— Куда? останься здѣсь, болванъ!...
Помилуйте! — „Ну выбирайте:
Лѣчитесь или умирайте."

— Ужъ лучше такъ умру; оставьте вы меня. —

„Прощайте; не прожить вамъ дня.
Отца духовнаго позвать вы прикажите,
И гробъ получше закажите.
Ужъ не ударьте въ грязь лицомъ,
Распорядите все впередъ своимъ концемъ,
Чтобъ послѣ не было ни споровъ, ни тревоги.
Въ шесть лошадей возьмите дроги,
Покровъ богатый, балдахинъ..."

— Не безпокойтесь: я не знатный господинъ;
Не для того копилъ всю жизнь свою имѣнье,
Чтобъ на мотовство пошло, на погребенье!
Могу я обойтись безъ этихъ пустяковъ.—
„Есть у меня собранье череповъ,
Но нѣту черепа скупова;
Продайте мнѣ свой трупъ, купить его го
товъ;
Не сыщете купца другова.“
— Когда не шутите, то я себя продамъ.—
„Серьезно говорю.“ — А много ли дадите?—
„Ну двадцать-пять рублей я дамъ.“
— Нѣтъ, мало!—„Сколько же хотите?“
— Покрайней мѣрѣ, сто. — Какъ можно?
пятьдесятъ.“
— Прибавьте. — „Шестьдесятъ,
И ни копейки болѣ.
Повѣрьте, что другой васъ даромъ не возь-
метъ.
Простите!“ —Быть по вашей волѣ:
Давайте по рукамъ, да деньги напередъ!

XXVIII.

КУПЕЦЪ БРЮХАНОВЪ.

Когда-бъ я былъ богатъ, я все бы спалъ
да ѣлъ,
Еще бы пилъ — и такъ бы растолстѣлъ,

Чтобъ скоро съ *Пробтеромъ* *) сравнялся.
Ничѣмъ бы уже я тогда не занимался:
Сидѣлъ бы и лежалъ,
Стиховъ бы даже не писалъ;
А только-бъ прежніе пріятелямъ читалъ.
Однако, черезчуръ быть толстымъ также худо.
Въ Москвѣ я зналъ купца—осьмое, право, чудо!
Представьте, онъ въ сажень почти былъ въ вышину,
И два аршина въ ширину.
Однажды изъ его кафтана,
Безъ спора, безъ хлопотъ,
Обилъ обойщикъ два дивана,
И для жены еще укралъ тутъ на капотъ.
Ну, нечего сказать, мой Брюхановъ былъ диво!
А какъ тянулъ онъ пиво,
Какъ ѣлъ! За то не могъ ходить
И заставлялъ себя по комнатамъ водить.
Держалъ онъ, по совѣту,
Искусныхъ докторовъ, престрогую діэту,
Пускалъ и кровь—все пользы нѣту.
Безъ ужина сыпалъ на жесткомъ тюфякѣ
И наконецъ на голомъ сундукѣ:

---

*) Ужаснѣйшей толщины Англичанинъ, о которомъ Княжнинъ упоминаетъ въ Посланіи отъ *Дяди Римоскрипа Племяннику*.

Въ лицѣ немного станетъ хуже;
Глядишь—а платье уже!
Къ несчастью, мой толстякъ-купецъ
Бездѣтный былъ вдовецъ.
Одни приказчики съ нимъ жили,
И многіе изъ нихъ сродни ему хоть были,
Но въ лавкахъ у него и въ домѣ все щечили.
Добра-то же, добра!
Ломилися шкапы отъ серебра.
Однако, безъ смотрѣнья
Дошелъ бы наконецъ совсѣмъ до разоренья:
Онъ счетовъ три года уже не повѣрялъ;
Такъ мудрено-ль и весь утратить капиталъ?
Рѣшился Брюхановъ жениться,
Не для того, чтобы наслѣдниковъ имѣть,
А чтобъ жена могла за домомъ приглядѣть,
И пересталъ лѣчиться.
Когда есть деньги у кого,
Хоть будь уродъ, пойдутъ охотно за него.
Притомъ же не искалъ женихъ нашъ ни богатства,
Ни краснаго лица: искалъ себѣ жену
Для облегченія въ заботахъ, для хозяйства;
И сваха честная нашла ему одну
Дѣвицу пожилую,
Лѣтъ подъ сорокъ, такую
Пресмирную, хозяйку дорогую:

Безъ ариѳметики по пальцамъ все сочтетъ
Крупинка у нея, и та не пропадетъ;
Примѣръ для всѣхъ купчихъ: тиха, скромна, учтива,
Въ компаніи важна и молчалива.
Нельзя пересказать, какъ Брюхановъ былъ радъ.
Что Богъ ему послалъ такой завидный кладъ.
Какое сдѣлалъ онъ приданое невѣстѣ,
И сколько подарилъ парчи ей, жемчугу,
Серегъ, перстней — всего припомнить не могу —
А свахѣ сто рублей, да лисью шубу въ двѣсти;
Въ три тысячи ему сталъ на другой день балъ.
Лишь только молодой не танцовалъ.
Вступила наконецъ въ хозяйство молодая —
Пошла тутъ кутерьма такая,
Что Боже упаси,
Святыхъ вонъ понеси!
Съ утра до вечера бранится, и дерется,
А мужу бѣдному всѣхъ больше достается.
Какъ скажетъ что бѣда, бѣда коль и молчитъ.
Пропалъ сонъ у него, пропалъ и аппетитъ.
Прошло недѣли три, четыре —
Кафтанъ день ото дня становится все шире;

Вотъ началъ уже самъ ходить:
Пойдешь и не хотя, какъ палкой станутъ бить.
Нашелъ въ супругѣ онъ находку!
Куда дѣвалася его вся толщина!
Какъ-разъ избавила его отъ ней жена —
Простыми средствами—и вогнала въ чахотку:
Осталась черезъ годъ лишь тѣнь его одна!

Отъ лишней тягости кто хочетъ свободиться,
Тому на злой женѣ совѣтую жениться.

=

XXIX.

НЕСЧАСТНЫЙ ЛЮБОВНИКЪ.

Ахъ, до чего любовь насъ не доводитъ!
Кто не дурачился отъ ней?
Она и стариковъ съ ума нерѣдко сводитъ,
И губитъ молодыхъ чувствительныхъ людей.
Тотъ, слышишь, отъ любви, какъ Вертеръ, застрѣлился,
Другой зарѣзался, иной же утопился.
Вотъ, напримѣръ,
Въ княжну Бѣлянкину влюбился.
Султановъ, молодой, прекрасный офицеръ,
Богатый: триста душъ имѣлъ у насъ въ Рязани,
Четыреста въ Орлѣ и восемъ-сотъ въ Казани,
А вѣкъ секретаремъ служилъ его отецъ!

Султановъ былъ собою молодецъ,
Воспитанъ, лихо одѣвался,
Прекрасно танцовалъ;
Однимъ княжнѣ не показался:
Чинъ для нея былъ очень малъ:
Поручикъ—а она желала
Имѣть супругомъ генерала.
Сыскался генералъ и съ лентой и звѣздой,
Беззубый, правда, и сѣдой —
Посватался: княжна въ звѣзду его влюбилась
И руку дать ему охотно согласилась.
Женихъ для свадьбы нанялъ домъ,
Купилъ себѣ парикъ, и эта вѣсть какъ громъ
Сразила юношу. Вотъ нашъ любовникъ бѣдный,
Нечесаный, небритый, блѣдный,
Является къ своей невѣрной,
И падаетъ къ ея ногамъ.
„Позвольте, говорить, открыть мнѣ сердце,
Жизнь, или смерть?.... Скажите!“
— Что, что вамъ надобно?—„Ахъ! только откажите
Сопернику... еще бракъ можно отмѣнить!“
— Прошу меня въ томъ извинить:
Ужъ дѣло сдѣлано, ужъ поздно... —
„Коль такъ, жестокая...“ вскричалъ Султановъ грозно...

И съ словомъ симъ въ глазахъ испуганной
княжны
Онъ шпагу обнажаетъ,
Поспѣшно къ сердцу приставляетъ,
И въ мигъ... опять кладетъ въ ножны.

=

XXX

СЛУЖАНКА.

Бѣда не кстати разболтаться!
Въ какой-то домъ пришла
Служанка наниматься.
— Скажи мнѣ, душенька, гдѣ прежде ты жила?
Что дѣлала?.. „Жила-съ я у моста Тучкова,
У маклера Волчкова.
Женатъ, сударыня, на третьей онъ женѣ;
Дочь старшая меня немного помоложе;
Совсѣмъ почти ужъ сѣдъ, а приставалъ ко
мнѣ!
Богъ знаетъ что сулилъ, да честь всего дороже!
Я отошла. Потомъ жила у Покрова,
У Галкиной: она вдова;
При флотѣ здѣсь служилъ ея мужъ комми-
саромъ.
У ней жилъ мичманъ бѣдный... даромъ...
Племянникъ—по ея словамъ —
Ужъ правда, или нѣтъ, о томъ судить не намъ.

Хоть бѣденъ, но за то и молодецъ собою!
Ему восьмнадцать лѣтъ, а ей ужъ тридцать пять.
А какъ она ряба! худа! доска доскою!...
Изволила меня къ нему приревновать!
У Нѣмца доктора я послѣ нанялася —
И тутъ не ужилася;
Мужъ мотъ, жена скупа.
Представьте: кофею мнѣ даже не давала!
Да и сама какой пивала?
Съ цикоріемъ! – Еще жила я у попа;
Немного пилъ старикъ; дочь у него невѣста.
Скажу, что модница! за то коса, глупа!...“
— Прощай, голубушка, ищи другаго мѣста.
„Помилуйте! да чѣмъ я такъ противна вамъ:
Сшить, вымыть, выгладить умѣю,
Все въ домѣ сдѣлать разумѣю.
И десять лишь рублей...“ – Полушки я не дамъ. —
„Да чѣмъ же такъ я несчастлива?
Чѣмъ не понравилась?“ – *Болтлива!*—

XXXI.

КЛЯТВА ПЬЯНИЦЫ.

Филатъ женѣ своей съ похмѣлья побожился,
Что пуншу въ ротъ онъ не возьметъ;
Смотритъ ввечеру, чуть живъ домой идетъ.

«Безсовѣстный! опять напился;
Гдѣ былъ?»
— У свата Емельяна —
„Пуншъ пилъ?“
— Нѣтъ, рому выпилъ три стакана.

=

XXXII.

ВСТРѢЧА ДВУХЪ ПОДРУГЪ.

Двѣ дамы встрѣтились въ рядахъ.
„Ахъ!
Прасковья Марковна! Вы-ль это?“
— Я, Анна Дмитревна, вотъ нынѣшнее лѣто
Изъ Твери приплыла. — „Ахъ Боже мой!
лѣтъ пять
Мы съ вами не видались.
Привелъ же Богъ увидѣться опять!“
(Тутъ три раза онѣ поцѣловались).
„Какъ рада я! .. Но какъ перемѣнились вы!
Ужасно похудѣли!...“
— И вы не очень подобрѣли!—
„Конечно, замужемъ?“—Увы!
Четвертый годъ...—„А кто супругъ вашъ?“
— Крючкотворецъ,
Совѣтникъ Праволовъ; богатъ, но страхъ
какъ скупъ,

Ревнивъ!...—„А у меня и старъ и глупъ
И къ этому же стихотворецъ!“
— Я въ заперти живу, не вижу и людей;
Взгляну-ль въ окно — и онъ шумитъ, кричитъ, ругаетъ...—
„А у меня такой злодѣй:
И день и ночь все мнѣ стихи свои читаетъ!“
— Скажу вамъ: мужъ мой вѣдь вдовецъ;
Онъ былъ женатъ не знаете-ль? на Ленской,—
И уморилъ ее!—„А мой-то молодецъ
Двухъ женъ отправилъ ужъ къ Смоленской.
Представьте: первая сошла совсѣмъ съ ума;
Въ чахотку онъ вогналъ вторую;
Не знаю право и сама,
Отъ виршей чувствую тоску такую...“
— Смотрите! вслѣдъ за мной ревнивецъ мой бѣжитъ;
Не дастъ поговорить мнѣ съ вами!—
„И мой вонъ тащится!... Душа такъ и дрожитъ...
Ахъ, Боже мой! и со стихами!“
Ревнивецъ прибѣжалъ „Парашенька, другъ мой!
Какъ ты замѣшкалась! Пора, пора домой!
Что-жъ стала?“ - Не браните:
Я встрѣтилась вотъ здѣсь съ подругою моей;
Пять лѣтъ мы не видались съ ней,

А вмѣстѣ выросли...—„Какъ радъ я!...
Извините...
Рекомендуюсь вамъ... имѣю честь...
Однако же, часовъ ужъ шесть...“
— А у меня посланье есть!
(Вскричалъ, къ нимъ подошедши
Риѳмачъ сѣдой и сумасшедшій).
Анюта, знаешь ли? тебѣ я написалъ
Прелестный мадригалъ.
Послушай...—„Батюшка! да постыдись народу
И дай съ знакомыми ты мнѣ поговорить.“
— А смѣю васъ, сударь, спросить,
Читали ли вы оду
На погребеніе Прибыткина купца?
У Холмогорскаго пѣвца
Ей Богу нѣтъ такой! Войдемте въ эту лавку;
Я оду вамъ прочту, да притчей пять въ прибавку. —
Сказалъ и за воротъ совѣтника схватилъ;
А тотъ хоть изумился,
Но за руку жену съ собою потащилъ.
Народъ предъ лавкою столпился
И по гостиному двору прохода нѣтъ.
Безсовѣстный поэтъ,
Что силы есть, стихи читаетъ,
Жена напрасно унимаетъ,
Купецъ изъ лавки выгоняетъ,
Сидѣлецъ головой качаетъ—

Онъ ничего не примѣчаетъ,
А все читаетъ, да читаетъ,
И отъ себя ревница не пускаетъ.
Тотъ все молчалъ, молчалъ;
Но напоелѣдокъ закричалъ:
Ой, караулъ! — и побѣжалъ.
Ринмачъ за нимъ—кричитъ: *держи! держите!*
Я притчей не читалъ еще, а вы бѣжите!
И оба скрылися изъ глазъ.
Ну, матушка, такихъ проказъ,
(Прасковья Марковна сказала)
Признаться, я не ожидала.
Мой Петръ Кондратьевичъ ревнивъ.
Взыскателенъ, сварливъ:
Но все сноснѣй, чѣмъ вашъ мучитель.
Я самъ, къ несчастью, сочинитель;
Писать стихи люблю
И ужъ никакъ не утерплю,
Чтобъ не читать *друзьямъ* свои стихотворенія;
А бѣдная моя жена —
Пошли ей, Господи, терпѣнья!—
Хотя не хочетъ, но должна
Сидѣть и слушать, какъ читаю басни, сказки—
Молчитъ голубушка и только щуритъ глазки.
Ахъ, знаю по себѣ, что всякой метроманъ
Жены своей тиранъ.

=

XXXIII.

СОБАКА и ВОРЪ

(Посв. С. Д. II—ой).

Вы любите собакъ—какъ ихъ и не любить!
Ну есть ли звѣрь другой умнѣе,
Усерднѣе, вѣрнѣе,
Великодушнѣе?—Нѣтъ, и не можетъ быть!...
Собака рада смерть принять за господина
Не всякая... но Гекторъ и Мальвина *)
Конечно, съ радостью умрутъ за госпожу.
Позвольте: быль одну теперь вамъ разскажу.
Жила-была собака пребольшая,
Предобрая, презлая:
Ласкала всѣхъ своихъ,
Бросалась на чужихъ —
И только-что бросалась,
А не кусалась,
Затѣмъ, что на цѣпи привязана была. —
Жизнь пренесчастную вела;
Представьте: бѣдной ѣсть дни по два не давали,
А какъ начнетъ визжать—бивали.
Хозяинъ же ея богатый былъ купецъ
Пафнутій Сидорычъ Заржавинъ

*) Имена собакъ Г-жи П—ой.

Обманщикъ, ростовщикъ, скупецъ!
Ну, настоящій жидъ, а впрочемъ христіанинъ:
Посты онъ свято наблюдалъ,
Заутрени не пропускалъ
И по полушкѣ въ день на рубль процентовъ бралъ.
Жилъ у него Степанъ работникъ,
Пострашный до вина охотникъ.
За пьянство Сидорычъ его журилъ, бранилъ
И въ наказанье не кормилъ;
Степанъ же съ голоду все пилъ —
Пилъ много, а работалъ мало.
Вотъ у хозяина терпѣнія не стало:
Согналъ его онъ со двора,
Отдавъ ему паспортъ да гривну серебра
И вычтя сто рублей изъ договорной платы.
Что дѣлать? Бѣднаго всегда прижметъ богатый!
Степанъ грозилъ Заржавину судомъ,
И къ Надзирателю онъ съ просьбой обратился,
Просилъ и Частнаго, но толку не добился;
И такъ, вздохнувъ, пошелъ—куда?—въ питейный домъ.
Ахъ, до чего страсть къ пьянству не доводитъ!
Несчастный мой Степанъ
Напился съ горя пьянъ;

И что-жъ ему на умъ приходитъ? —
Отмстить хозяину, обворовать его;
А онъ не воровалъ ни разу до того.
„Вѣдь я свое возьму!“—Степанъ такъ разсуждаетъ. —
„Теперь же ночь темна — ничто не помѣшаетъ:
Меня Барбоска знаетъ.“
Рѣшился и пошелъ. Уже черезъ заборъ
Онъ перелѣзъ къ Заржавину на дворъ.
Къ намъ! къ намъ! ужасный лай раздался:
Степанъ къ себѣ Барбоску подозвалъ,
Погладилъ, хлѣбца далъ;
А тотъ замолкъ и къ вору приласкался.
Чтобъ время не терять,
Степанъ сталъ въ узелъ собирать
Бѣлье, которое тутъ на дворѣ висѣло.
Ужъ онъ свое окончилъ дѣло
И шелъ съ узломъ къ воротамъ смѣло.
Барбоска за воротъ его
И о земь—только не кусаетъ.
Тотъ хочетъ встать—онъ не пускаетъ,
Легъ на него и лаетъ.
Хозяинъ прежде всѣхъ услышалъ страшный лай;
Вскочилъ онъ съ сундука, кричитъ: „огня давай!
Вставай, Макарьевна, вставай!
Гаврила, Павелъ, Карпъ, вставайте!

Фонарь, фонарь скорѣй давайте!
Барбоска ласть, вѣрно воръ!
Гаврила, ты возьми запоръ,
Ты водоносъ, а ты топоръ,
Ступайте всѣ передо мною.
Макарьевна, поди и ты хоть съ кочергою.
А я за вами съ фонаремъ.
Пойдемъ, пойдемъ."
Пошли — Барбоска пуще лаетъ.
Степанъ ни живъ, ни мертвъ лежитъ.
„Вотъ воръ, Барбоска, усь!..." — Макарьевна дрожитъ
И кочергу изъ рукъ роняетъ.
„Постой, вотъ мы тебя! Ребята! бей, вяжи!
Что у тебя въ узлѣ? скажи!
Ба! ба! да это нашъ Степанъ работникъ!
Ахъ, ты разбойникъ!
Смотрите-ка, бѣлье все наше онъ собралъ!"
Степанъ просить прощенья сталъ,
И наконецъ его простили,
Когда порядочно уже поколотили.
Пафнутій Сидорычъ Барбоскѣ изъявилъ
При всѣхъ свое благоволенье,
Иль, попросту сказать, его онъ *похвалилъ* —
А похвала — большое награжденье!

XXXIV.

СМѢТЛИВЫЙ ЭКОНОМЪ.

Хемницеръ говоритъ: *идѣ сборы,*
Тутъ и воры!
А я скажу: гдѣ есть расходъ,
Тамъ вѣрно и доходъ
Всегда тому бываетъ,
Кто деньги выдаетъ, или что́ закупаетъ.
Былъ у меня одинъ пріятель экономъ,
Который въ пять, шесть лѣтъ себѣ построилъ домъ,
По крайней мѣрѣ, тысячъ во сто;
А жалованья бралъ въ годъ триста девяносто
И шесть рублей — за вычетомъ на госпиталь.
Покойникъ умеръ. Очень жаль!
Мы часто въ шашки съ нимъ играли,
И пуншъ пивали.
На свадьбѣ дочери его попировали
И славно подгуляли—
Шампанскимъ запоилъ!
„А что, Климъ Сидорычъ, я у него спросилъ,
Воруешь ты? Скажи всю правду-матку:
Скажи пожалуй-ста.“ — На что тебѣ? Ха! ха!
Самъ знаешь, кто же безъ грѣха? —

„А много ли въ годъ?“ — Ну, тысячъ до
десятку,
А можетъ быть и слишкомъ два –
Вотъ ты купилъ теперь дрова...
Почемъ?“ –По десяти, и то едва, едва
Знакомый уступилъ: за то дрова какія!
Здоровыя, сухія,
Осины нѣтъ, все березнякъ! —
„Какую-жъ цѣну въ счетъ поставишь ты?
Двѣнадцать?“
—Избави Господи! да что я за дуракъ! —
„Неужели тринадцать? —
—Смѣшонъ ты право мнѣ! – Четырнадцать?
Пятнадцать?“
— Да, какъ тебѣ не такъ!
По десяти купилъ, по десяти поставлю;
Знай, никогда въ цѣнѣ полушки не прибавлю.
Но сажень сотъ пятокъ я у себя оставлю.

—

XXXV.

ЛГУНЪ.

Павлушка—*мѣдный - лобъ* (приличное прозванье!)
Имѣлъ ко лжи большое дарованье.
Мнѣ кажется, еще онъ въ колыбели лгалъ;

Когда же съ бариномъ въ Парижѣ побывалъ
И черезъ Лондонъ съ нимъ въ Россію возвратился,
Вотъ тутъ-то лгать пустился!
Однажды... ахъ, его лукавый побери!...
Однажды этотъ лгунъ бездушной
Разсказывалъ, что въ Тюльери
Спускали шаръ воздушной.
„Представьте—говорилъ—какъ этотъ шаръ великъ!
Клянуся честію такого не бывало!
Съ Адмиралтейство!... что? нѣтъ, мало!—
А дѣлалъ кто его?—Мужикъ,
Нашъ Русскій маркитантъ, Коломенскій мясникъ,
Софронъ Егоровичъ Куликъ,
Жена его Матрёна
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это лѣтомъ въ ночь
Въ день именинъ Наполеона.
На шарѣ вышиты гербъ, вензель и корона.
Я *срисовалъ*—хотите?—покажу...
Но послѣ... Слушайте, что я теперь скажу
На лодочку при шарѣ посадили
Пять тысячъ человѣкъ стрѣлковъ
И музыку со всѣхъ полковъ.
Всѣ лучшіе тутъ виртуозы были,

Пріѣхалъ Бонапартъ и зайграли маршъ.
Наполеонъ махнулъ рукою—
И вотъ Софронъ Егорычъ нашъ,
Въ кафтанѣ бархатномъ, съ предлинной бородою,
Какъ хватитъ топоромъ —
Канатъ вмигъ пополамъ; раздался ружей громъ,—
Шаръ въ небѣ очутился
И вдругъ весь газомъ освѣтился.
Народъ кричитъ: diable! vive Napolèon!
Bravo, Monsiuer Sophron!
Шаръ выше, выше все — и за звѣздами скрылся.
А знаете ли гдѣ спустился?
На берегу морскомъ, въ Кале!
Да опускаясь къ землѣ,
За сосну какъ-то зацѣпился
И на суку повисъ;
Но по веревкамъ всѣ спустились тотчасъ внизъ;
Шаръ только прорвался и больше не годился.
"Каковъ же мужичекъ *Кулика*?"
— Повѣсилъ бы тебя на сосну за языкъ—
Сказалъ одинъ старикъ. —
Ну, Павелъ, исполать! Какъ ты людей морочишь!

Обманывалъ бы ты въ Парижѣ дураковъ,
Не земляковъ.
Смотри, братъ, на кого наскочишь!...
Какъ шаръ-то былъ великъ? —
„Свидѣтелей тебѣ представлю, если хочешь:
Въ объемѣ будетъ съ полверсты.“
— Ну какъ же прицѣпилъ его на сосну ты?
За олуховъ, что-ль, насъ считаешь?
Прямой ты *мѣдный лобъ!* Ни крошки нѣтъ стыда! —
„Э! полно, миленькій, неужели не знаешь,
Что *надобно прикрасить иногда.*“

=

XXXVI.

ПРИКАЗНЫЕ СИНОНИМЫ.

Какой-то человѣкъ имѣлъ въ приказѣ дѣло.
Онъ правъ былъ и богатъ; и такъ, взявъ денегъ, смѣло
Къ секретарю ранехонько идетъ,
Челомъ ему, а самъ мошонку вынимаетъ,
И передъ нимъ на столъ крестовики кладетъ.
Тотъ, бросивши перо, просителя сажаетъ,
Но съ денегъ самъ не сводитъ глазъ.
„Вчерашняго числа въ приказъ
Я подалъ, батюшка, прошенье...“

— Читалъ его, ты правъ! все знаю! — „А рѣшенье
Когда послѣдуетъ? осмѣлюся спросить.“
— Да стóитъ только *доложить*...
А тамъ и въ городъ свой ты можешь убираться,
Чѣмъ здѣсь напрасно проживаться. —
„Счастливо-жъ оставаться!
Проситель черезъ день пришелъ опять въ приказъ.
„Что-жъ, батюшка, указъ
По дѣлу моему? Когда-бъ сегодня можно...“
— Вѣдь я сказалъ тебѣ, что *доложить* мнѣ должно. —
Проситель принужденъ былъ съ мѣсяцъ тутъ прожить
И слышалъ то-жъ, да то; *лишь только доложить*, —
Не зналъ что̀ дѣлать челобитчикъ;
Но сжалился надъ нимъ повытчикъ.
„Ну, полно, не тужи,“
Шепнулъ онъ такъ ему: всю правду мнѣ скажи,
Что̀ далъ секретарю?“ — Да двадцать пять цѣлковыхъ. —
„Ну такъ десяточекъ еще ты доложи,
Да мнѣ пять рублико̀въ. Учи васъ, безтолковыхъ!

Не смыслите, что *доложить*
Все то же, что́ и *приложить*.
Фунтъ чаю взять еще съ тебя за объясненье!"
Истецъ исполнилъ все тотчасъ,
И на другой же день, какъ разъ,
Поспѣлъ экстрактъ, опредѣленье,
И выдали ему указъ.

=

XXXVII.

ДУРА ПАХОМОВНА.

Не дай Богъ съ дуракомъ связаться —
Сказалъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ.
А съ дурою?... Могу признаться,
Что дура во сто разъ опаснѣй дураковъ,
И тѣмъ опаснѣй, чѣмъ моложе,
Красивѣе, лицомъ пригоже. —
Боюсь дуръ молодыхъ, пригожихъ не люблю;
А старыхъ и дурныхъ, ей Богу, не терплю.
Пахомовны старушки сынъ,
Не помню города какого мѣщанинъ,
Который нѣкогда былъ гдѣ-то маркитантомъ,
Рѣшился сдѣлаться... бумажнымъ фабрикантомъ:
Весь нужный инструментъ досталъ
И по ночамъ работать сталъ
На пробу сдѣлалъ онъ синюшку,

И матушку свою старушку
Послалъ бумажку размѣнять.
Та въ лавочкѣ и размѣняла,
Хоть въ деньгахъ счетъ не такъ-то знала,
Да и на что старухѣ знать?
Вотъ мастеръ нашъ прилежно работаетъ,
Бумажки все приготовляетъ,
А матушка мѣняетъ,
И размѣняла такъ она бумажекъ шесть.
Знать надобно-бъ и честь, —
Нѣтъ, дай седьмую ей принесть. —
„Откуда, старая, бумажки ты таскаешь?
Воскликнулъ лавочникъ Егоръ.
Гдѣ взять тебѣ? Твой сынъ и пьяница и воръ,
Ужъ не фальшивыя-ль бумажки ты мѣняешь?“
— Фальшивыя? Что ты, козлина борода!
Мой сынъ *самъ* дѣлаетъ бумажки.... —
„Самъ?“ — Да! да!
Плохая вышла шутка.
У лавочки стояла бутка.
„Ѳаддеичъ! лавочникъ съ испуга закричалъ:
Сюда!“ и за воротъ старуху крѣпко взялъ...
Явился въ лавочку Ѳаддеичъ съ миной важной,
Съ сѣкирою, въ бронѣ сермяжной.
Онъ грамотѣ немножко зналъ
И ассигнацію фальшивою призналъ.

Мгновенно учинилъ свое распоряженье,
Чтобъ мастеръ съ фабрики куда не ускользнулъ,
Пахомовну разъ пять ругнулъ,
А къ надзирателю отправилъ доношенье.
Потомъ къ Пахомовнѣ гурьбою въ домъ пошли
И за работою сынка ея нашли;
Веревкой обоихъ рука съ рукой связали;
На съѣзжую съ тріумфомъ отвели,
Судили, наказали, —
И слезы тутъ не помогли!
А бѣдная ужъ выла, выла,
Что сдуру и себя и сына погубила.

=

XXXVIII.

ТАКЪ ДА НЕ ТАКЪ.

Былъ жадный воевода
(Давно его ужъ прибралъ Богъ).
Богатымъ другъ, врагъ бѣднаго народа,
Безъ взятокъ дня пробыть не могъ!
Однажды поутру пришелъ къ нему пріятель,
Питейныхъ сборовъ содержатель,
И говоритъ: „Изъ Питера сейчасъ
Я получилъ письмо; мнѣ пишутъ, что въ правленье

Къ вамъ съ той же почтою отправится указъ
Сената, чтобы мнѣ отдать за долгъ имѣнье
Корнета Тройкина. Вотъ дѣлай одолженье!
Наличныхъ у меня взялъ тысячъ шестьдесятъ,
А за имѣніе дадутъ ли пятьдесятъ!...
Но самъ я виноватъ; введите во владѣнье".
— Не можно, братецъ, сдѣлать *такъ*.—
Какъ?
Сенатъ велѣлъ, такъ сдѣлать должно."
— Конечно, только *такъ* не можно. —
„Помилуйте, сенатъ..."
— Все знаю, братъ!
Пускай велѣлъ сенатъ отдать тебѣ имѣнье:
Мы по сенатскому указу исполненье
Сегодня-жъ сдѣлаемъ — однако, все не *такъ*...
„Ахъ, извините! Ну, какой же я дуракъ!
Забылъ вамъ доложить: ко мнѣ вчера прислали
Изъ Оренбурга двѣ прекраснѣйшія шали;
Изъ нихъ одну..."
— Да обѣ ужъ припли: я подарю женѣ,
Другую дочери. — Проситель поклонился
И съ шалями чрезъ пять минутъ назадъ явился;
А воевода тотъ же часъ
Послалъ подъячаго въ правленье,

И написали тамъ откупщику какъ разъ
Указъ
О вводѣ во владѣнье.
И взятки брать вѣдь надобно умѣнье!
Вотъ воевода мой хоть глупъ, но не дуракъ
Онъ ничего не дѣлалъ *такъ*.

—

XXXIX.

СТРѢЛКИ.

„Что у тебя, братъ, глазъ завязанъ?“
— За шалость я свою наказанъ. —
„Какъ?“ — Отличиться захотѣлъ
И окривѣлъ. —
„Какимъ же образомъ?“ — Стрѣлялся,
Да вотъ безъ глаза и остался. — .
„Съ кѣмъ?“ — Съ Джономъ Портеромъ — „О,
знаю молодца!
Не тратить попусту свинца.“
— Да такъ ли я, какъ онъ, стрѣляю!
Я въ десяти шагахъ въ тузъ пулей попадаю.
Прицѣлился ему прямехонько я въ лобъ...
Хлопъ!... —
„Убилъ его? Онъ повалился?...“
— Нѣтъ, милый, нѣтъ:
Вдругъ разорвало пистолетъ..,
Вотъ грѣхъ какой случился!

А онъ и радъ тому, спустилъ курокъ тотчасъ
И пулю посадилъ мнѣ въ глазъ.
Ужъ есть чѣмъ хвастаться! Въ три четверти аршина
Былъ пистолетъ его! Вѣдь экая машина!
И пистолетъ притомъ какой?
Отмѣнный! Въ Англіи сто фунтовъ стоитъ пара,
А у меня дрянной такой,
И тотъ взялъ, знаешь-ли, у казака Макара,
Который изъ него лѣтъ восемь не стрѣлялъ,
Не чистилъ, въ сырости держалъ:
А вычистить его я самъ не догадался.
Теперь мнѣ пистолетъ чудеснѣйшій попался,
Звалъ Джона я опять, но нѣтъ, плутъ отказался.
Не знаю какъ отмстить. Скажи, братъ, научи,
Что дѣлать мнѣ теперь? — „Что дѣлать?...
Глазъ лечи,
Да и пожалуй-ста молчи.“

=

XL.

СВЕКРОВЬ и НЕВѢСТКА.

„Стыда въ тебѣ нѣтъ, молодица!“ —
Невѣстушку свю журила такъ свекровь,
Шестидесяти лѣтъ вдовица;

Которая давно забыла ужь любовь
И только лишь себя да водочку любила,
Пила, молилася, бранилась, дѣвокъ била.
„Сегодня — середа!
А что ты дѣлала!“—Что?—„Съ мужемъ цѣловалась!
„Поутру давича къ свѣтлицѣ я подкралась,
„Все видѣла въ замокъ!“ — Ну, что же за бѣда?
Вѣдь съ мужемъ, не съ чужимъ; такъ въ этомъ нѣтъ стыда?—
„Да, грѣховодница, сегодня—середа!...
„Дивлюсь, какъ не болятъ у васъ, проклятыхъ, губы!
„Безъпоцѣлуевъ имъ зимою какъ безъ шубы!
„Въ чемъ сласть нашла!“ — Да что твой медъ!—
„А я такъ третій годъ,
Голубушка моя, вдовѣю—
Вотъ не цѣлуюсь, а жива!
„Да и въ замужествѣ была я такова!
„Не вѣшалась Пахомочу на шею!
„Скажи видала ль ты когда,
„Чтобъ мы съ нимъ цѣловались!...
„Объ Масляной... Святой... да развѣ вотъ тогда,

„Когда помиримся съ нимъ, а рѣдко вѣдь
дирались!“
— Да полно матушка-свекровь!
Вѣдь мы со Власьичемъ вамъ не мѣшали
драться,
Такъ не мѣшай намъ цѣловаться,
Когда Господь намъ далъ совѣтъ да и лю-
бовь.
Состарѣемся мы и перестанемъ сами
Другъ дружку цѣловать.
Увы! проходитъ все съ лѣтами!
Нельзя вѣкъ въ куклы намъ играть,
Нельзя вѣкъ цѣлый танцовать;
Съ лѣтами все мы оставляемъ,
И что любили мы, въ другихъ то осужда-
емъ—
А осуждать грѣшно,—
Но осуждать любовь грѣшно да и смѣшно.

=

XLI.

ПѢВЧІЕ.

Богатый дворянинъ, пріѣзжій изъ Калуги,
Привезъ въ Москву пѣвцовъ,
Иль пѣвчихъ, сорокъ молодцовъ.
А эти пѣвчіе его всѣ были слуги.
Регентомъ же у нихъ былъ пожилой гу-
слистъ

Срамченко подканцелярист.
Весь хоръ глушилъ одинъ басистъ
Лакей Потапъ кривой, ужасная машина!
Аршинъ между плечьми, а ростомъ въ три аршина,
На клиросѣ онъ былъ всѣхъ выше головой
И за каретою стоялъ всегда кривой.

Теноръ былъ первый—псарь Гаврюшка,
Альтистъ—форейторъ хватъ Андрюшка,
Дишкантикъ же солистъ, восьми не больше лѣтъ,
Сиротка; всѣ его Богдашей называли
И одному ему поутру чай давали.

Онъ лучше былъ другихъ одѣтъ
И былъ любимецъ господина,
Который содержалъ его почти, какъ сына
И въ ключницы возвелъ его родную мать;
Дѣвицу, такъ лѣтъ въ двадцать пять.
Вотъ онъ въ Москвѣ зоветъ гостей къ себѣ откушать
Да съ тѣмъ, чтобы и пѣвчихъ слушать;
А пѣвчихъ этакихъ—Срамченко увѣрялъ—
И въ Кіевѣ онъ даже не слыхалъ.
За столъ лишь только гости сѣли,
И пѣвчіе запѣли:
Визжатъ, ревутъ, орутъ,
Такъ уши и дерутъ.

Но кончился концертъ.—„Понравилось ли пѣнье?“
Хозяинъ говоритъ съ улыбкою гостямъ.
— Угодно вѣрно было вамъ
Узнать, имѣемъ ли терпѣнье?—
Сказалъ ему одинъ извѣстнѣйшій артистъ.
„Помилуйте, концертъ Бортнянскаго“...—Я знаю:
Но пѣвчихъ-то училъ не *онъ*...—„Нѣтъ-съ, а гуслистъ...“
— Который въ музыкѣ невѣжда, утверждаю.
Повѣрьте мнѣ вашъ хоръ
Вамъ только стыдъ, срамъ и позоръ.
Бортнянскаго прекрасны сочиненья.
У вашихъ же пѣвцовъ
Нѣтъ даже голосовъ,
Не только что умѣнья;
Не знаютъ вовсе нотъ
И всякій хочетъ какъ, поетъ.

Немного пользы намъ законы доставляютъ,
Хоть какъ они будь хороши,
Коль судьи ихъ не понимаютъ.—
А если нѣтъ въ судьяхъ ни смыслу, ни души?

=

XLII.

ѲАДЕЙ СЪ ФОНАРЕМЪ *).

Лихой былъ въ старину у насъ боецъ кулачный
Ѳадей,—*чугунный лобъ*, мужикъ не такъ-то взрачный,
Онъ, правда, силы не имѣлъ
И биться не умѣлъ,
За то былъ смѣлъ.
Идетъ Ѳадей однажды съ бою,
Повѣся голову—„Ай, ай!
Кричитъ съ нимъ встрѣтившись насмѣшникъ Николай:
Что сдѣлалось, Ѳадей, съ тобою?
Добро бы ночью, а то днемъ
Идешь ты съ фонаремъ!“
— Да бились мы теперь вдвоемъ.—
„Съ кѣмъ?“— Съ Александромъ-Колотушкой.—
„О, это, братъ, вѣдь не съ Павлушкой!
„Не долго съ нимъ и до бѣды!
„Да ты какъ-будто изъ воды!
Мокрохонекъ, какъ мышь?“—Я на Фонтанкѣ бился,

*) Новая редакція этой сказки заимствована нами изъ „Рус Ст“ 1878 г.

Погорячился, оступился,
Упалъ
И въ полынью попалъ.—
„Ну, словно-жъ въ полынь, Ѳадей, ты окрестился!
Смотри же, почитай, братъ, крестнаго отца.“
— Не ставлю я его совсѣмъ за молодца
И за кулачнаго бойца.
Счастливъ онъ, что на льду вдругъ такъ я поскользнулся,
А то бы у меня самъ перекувырнулся,—
„Однако-жъ каково теперь твоимъ бокамъ?“
— И Колотушкинымъ досталось... кулакамъ?
Распухли, чаю!
Бѣда ему, когда его гдѣ повстрѣчаю!..
— „Въ другой-то разъ
Побереги другой свой глазъ“.—
— Подбей онъ: я его вотъ и... *обругаю*.

=

XLIII.

ПОМѢЩИКЪ и УПРАВИТЕЛИ.

Помѣщикъ Вякалкинъ хозяинъ славный былъ;
Въ своихъ владѣніяхъ лѣтъ двадцать сряду жилъ
И управлялъ онъ самъ своими деревнями:
Въ одной деревнѣ погостилъ—

Глядишь, гдѣ и не ждутъ, въ другую прикатилъ—
И чуть что гдѣ не такъ, раздѣлка со спинами.
О, Власъ Перфильевичъ былъ строгій человѣкъ,
Не баловалъ крестьянъ и старостъ больно сѣкъ.
Въ деревнѣ прожилъ бы онъ, можетъ быть, вѣсь вѣкъ;
Но страсть къ одной, въ Москвѣ воспитанной, дѣвицѣ
Заставила его опять пойдти служить;
Женился онъ на ней, да и остался жить
Съ женою молодой, съ родней ея въ столицѣ:
А въ отчины свои послалъ
Пять управителей и строго наказалъ,
Чтобы въ теченье года
Семь тысячь каждый далъ, не менѣе дохода.
И отчины могли такой доходъ давать;
Ужъ какъ Перфильичу не знать?
Въ деревнѣ взросъ самъ съ бородами
И арендаторомъ онъ былъ бы межъ жидами.
Проходитъ годъ
И каждый управитель шлетъ
И деньги и отчетъ.
Чтожъ пишетъ первый управитель?
„Отецъ и покровитель!
Служить вамъ вѣрою и правдою я радъ;

Но прошлою весною
Червь яровое съѣлъ, а лѣтомъ сильный градъ
Побилъ озимое—власть ваша надо мною!
Вотъ выручили, что могли:
Три тысячи сто двадцать три рубли."—
Другой же въ рапортѣ нижайше изъясняетъ:
„Ужъ я-ль служитъ вамъ не хотѣлъ?
Да волей Божіей овинъ зимой сгорѣлъ..."
Пять тысячъ съ сотнями онъ только посылаетъ.—
А третій пишетъ такъ; „хоть уродилась рожь,
Но скотскій-де теперь у всѣхъ дворянъ падежъ,
И всѣ лишилися куражу,
Что не на чемъ возить хлѣбъ въ городъ на продажу.
Однако, продалъ я что могъ."—
Двѣ тысячи пять сотъ приходу весь итогъ.
Четвертый полнаго дохода
Не могъ дать потому, что умеръ вдругъ Уваръ,
Первѣйшій винокуръ, который былъ хоть старъ,
Но былъ главой, душой завода
И въ уваженіи у пьющаго народа.
Безъ дѣйствія заводъ стоитъ,
Казенная-жъ Палата настоитъ

О выставкѣ вина и строго;
Купили у другихъ—убытка вышло много.
Во всякой отчинѣ напасть! —
Что дѣлать? Божья власть!..
Но пятый Бога, знать, боялся
И такъ о выгодѣ господской постарался,
Что десять тысячъ выслалъ вдругъ!
Не управитель это—другъ.
Перфильичъ разсердился
На первыхъ четверыхъ.
„О воры! я вотъ ихъ!“
За ужиномъ онъ такъ проговорился.
Но воры вѣдь не безъ родни,
Не безъ друзей—не дураки они:
Хоть хоронить концы и не всегда умѣютъ,
Но покровителей, заступниковъ имѣютъ.
И у Перфильича защита есть плутамъ,
А все отъ дамъ:
Старушка-ключница Марина,
Христина нянюшка, кормилица Ирина,
Шутиха пьяная любимица Макрина,
Всѣ, со слезами на глазахъ,
Идутъ къ Перфильичу и въ ноги чебурахъ,
Лишь только выходить хотѣлъ онъ изъ столовой.
„Простите, батюшка, Петра:
Родной мой внукъ!“ — Матвѣй мнѣ братъ крестовый.

„Ивану Дуткину, кормилецъ, я сестра."
— Егоръ мнѣ, баринъ, кумъ.—Всѣ вдругъ заговорили
И хоромъ все завыли.
Какъ не разжалобить и въ жалость не привесть?
И у Перфильича вѣдь также сердце есть...
Для слугъ и для родныхъ. — Онъ разсмотрѣвъ отчеты,
Вздохнулъ, присѣлъ къ бюро
И за перо.
Вотъ циркуляръ его работы:
„Пріемля въ уваженье
(Такъ пишетъ къ первымъ четверымъ
Плутамъ-прикащикамъ своимъ),
Несчастье, невзначай постигшее имѣнье,
Рекомендую, чтобъ на слѣдующій годъ
Безотговорочно былъ собранъ весь доходъ."
А пятому онъ далъ конечно награжденье?—
Терпѣнье, господа, терпѣнье!
На награжденіе не такъ Перфильичъ скоръ.,
Онъ къ пятому послалъ такое отношенье:
„Хоть у тебя и переборъ
И больше продано, чѣмъ прежде ржи, пшеницы;
Но чечевицы
Въ продажѣ вижу я лишь на сто шестьдесятъ,

А за годъ передъ симъ на двести пятьдесятъ;
Тогда-жъ и цѣны были плохи...
Нѣтъ, видно, есть въ тебѣ, братъ, блохи...
Да я ихъ выгоню—не позабудь того!
Каковъ Перфильевичъ?... Повѣсилъ бы его.

XLIV.

ПАВЛУШКА КНИГОПРОДАВЕЦЪ *).

Былъ здѣсь давно одинъ мерзавецъ
Павлушка плутъ — книгопродавецъ.
По честности и по уму
Виномъ бы торговать ему
Въ какой нибудь корчмѣ, и то не христіанской—
Въ жидовской, иль магометанской.
А походилъ онъ на жида!
Безъ совѣсти и безъ стыда
На бѣлый свѣтъ родился;
Радъ удавиться и за грошъ—
А впрочемъ всѣмъ онъ былъ хорошъ;
Немножко грамотѣ учился:
Могъ двоеточіе отъ точки отличить,
Могъ объявленіе о книгѣ сочинить;
Любилъ для барышей душой литературу;

*) Извѣстный въ свое время книгопродавецъ П. Заикинъ.

Въ *Оракулахъ* держалъ всегда самъ корректуру;
Ученыхъ пьяницъ онъ погодно нанималъ
И компиляціи въ свѣтъ съ ними издавалъ.
Жаль, не писалъ стиховъ Павлушка!
Одна почтенная старушка
По смерти мужниной вдругъ въ нищету пришла;
Что было лишнее кой какъ распродала,
Въ Ламбардъ иное заложила;
Одну лишь комнату топила —
Такъ берегла дрова
И деньги бѣдная вдова.
Занемоги она еще весной ненастной.
Какъ быть?
Лѣкарства не на что купить.
Но добрый лѣкарь частной
Старушкѣ страждущей помогъ —
Да наградитъ его Самъ Богъ!
А Онъ всегда тѣхъ награждаетъ,
Кто бѣднымъ вдовушкамъ охотно помогаетъ.
Узналъ торгашъ злодѣй,
Что послѣ мужа есть шкапъ цѣлый книгъ у ней.
Вотъ онъ къ больной приходитъ,
Въ постели бѣдную находитъ
И говоритъ: „у васъ, я слышалъ, книжки есть...

Хоть торга „книгами не можно нынче весть...
От книгъ такъ плохи авантажи,
Что лучше продавать, повѣрьте, калачи...
Но на коммисію я взялъ бы для продажи;
Позвольте посмотрѣть.“—Даютъ ему ключи.

Вотъ шкапъ онъ отпираетъ—
Шкапъ книгами набитъ—
Павлушка ихъ перебираетъ,

На титулы глядитъ,
Понюхаетъ иную,
То улыбнется плутъ,
То рожу сдѣлаетъ такую,
Какъ-будто долгъ съ него берутъ.

Смотрѣлъ, глядѣлъ часъ цѣлой;
Въ затылкѣ почесалъ;

Потомъ съ осанкой гордой, смѣлой
Презрительно сказалъ:
„Хоть счетомъ книгъ и много,
Но разобрать коль строго,
Такъ мало тутъ добра.
Ну что? *Дѣянія Петра*,
Да Ломоносова, Державина творенья
И Дмитріева сочиненья,
Жуковскаго, Карамзина—
И только вѣдь изъ Русскихъ!“
—А сколько, батюшка, зато здѣсь книгъ
Французскихъ,

Латинскихъ, Греческихъ? — „Да все вѣдь старина!
Расина, Буало, Корнеля всякъ имѣетъ;
По-Гречески-жъ не всякій разумѣетъ.
А, правду молвить, и латынь
Хоть кинь!
Народъ нашъ дѣловой, торговый и воинской—
На что́ же намъ языкъ Латинской?...
Однако, такъ и быть,
Радъ все у васъ купить,
Коль сходно отдадите.
Ну много ли, сударыня, хотите?“
—А сколько-бъ дали вы?—„Да что васъ обижать?
Извольте, дамъ я.... *двадцать-пять*.“
— Какъ? Двадцать-пять рублей? За все?...
Не грѣхъ вамъ это? —
„Да разсудите: нынче лѣто,
А до зимы
Почти вѣдь не торгуемъ мы:
Не выручишь, ей Богу, и на лавку!“
— Я лучше ихъ сожгу! Какъ? двадцать-пять!
— „Жаль васъ!
Извольте, такъ и быть вдобавку
Еще *пять* рубликовъ и деньги сей же часъ!“
— Подите-жъ вонъ! — „Ну, десять я прибавлю.

Хотите *тридцать-пять*?
И шкапъ, пожалуй, вамъ оставлю,
Да буду, матушка, васъ вѣчно поминать.“ ...
Старушка разсердилась,
Съ Павлушкой побранилась
И гонитъ плута вонъ.—
Нейдетъ однако онъ,
Торгуется, клянется,
Что *покупателя* другаго не найдется,
И наконецъ
За сотню книги всѣ купилъ у ней, подлецъ!
Возрадовался мой Павлушка,
Что имъ ограблена такъ бѣдная старушка.
А послѣ на пятакъ взялъ рубль онъ барыша.
Куда-жъ пойдетъ душа
Такого торгаша?
Въ адъ, разумѣется, конечно!
По приказанью трехъ безжалостныхъ сестеръ
Изъ книгъ, имъ проданныхъ, тамъ сдѣлаютъ костеръ
И будетъ жарится онъ вѣчно.

=

XLV.

БАБУШКА и ВНУЧКА.

„Натанцовалась ли, сударыня, вчера?
Такъ Бабушка Ненила
Петровна Внучкѣ говорила.

„Всю ночь, до самаго утра
Ты, какъ юла, вертѣлась
И въ зеркало одинъ разъ только посмотрѣлась.
Охъ! этотъ вальсъ
Погубитъ васъ!
Жаль, право: нѣтъ закона,
Чтобы не танцовать на балахъ котильона!
А вашъ проклятый pot pourri
Лукавый побери!
Чуть не стрѣлялися изъ-за него въ Твери.
Впередъ не дамъ тебѣ я воли
И буду за тобой глядѣть:
Не все вертись; изволь и посидѣть...
Чай, на ногахъ мозоли?"
— Нѣтъ, бабушка, не чувствую я боли,
Ниже усталости... да молодымъ ногамъ
Что́ можетъ сдѣлаться?... А доложу я вамъ:
Когда мы танцовали
Вы все въ бостонъ, да въ вистъ играли,
Какъ жаль мнѣ было васъ!
Устали вѣрно ваши ручки;
Послушайтесь-ка вашей внучки:
Ну, поиграйте часъ,
Два, три—а то какъ можно, въ ваши лѣта,
Играть съ семи часовъ до самаго разсвѣта?

Не хуже-ль это, чѣмъ нашъ вѣчный котиль-
онъ?—
„Пошла же, грубіянка, вонъ!“
Вскричала Бабушка Ненила,
И картами въ лицо насмѣшницѣ пустила.
Мы часто молодыхъ за шалости бранимъ,
Упрековъ же себѣ и слышать не хотимъ.
Однако же, кому стыднѣе,
Намъ, старикамъ, иль молодымъ?
Кто долженъ быть умнѣе?—
Мы, кажется,—скажу, какъ моралистъ:
Вертитесь, барышни, вертитесь;
А вы, почтенныя, на милыхъ не сердитесь
И знайте свой бостонъ, да вистъ,
Дѣвица, сдѣлавшись старушкой,
Займется, какъ и вы, бостономъ, вистомъ,
мушкой.

=

XLVI.

КУЛАЧНЫЕ БОЙЦЫ.

Въ Москвѣ фабричный былъ Семенъ, силачъ,
боецъ:
Заразъ изъ печи изразецъ
Своею вышибалъ желѣзной пятернею;
Когда же, на бою, являлся предъ стѣною,
Все опрокидывалъ и гналъ передъ собою.

Страхъ, ужасъ передъ нимъ,
А клики радости и похвала за нимъ.
По окончаніи сраженья,
Героя нашего ведутъ всѣ съ торжествомъ
Въ питейный домъ
Для угощенья.
Хотя Семенъ
И оченъ былъ силенъ,
Но полугарное вино сильнѣе.
Однажды сдѣлался хмѣленъ
Какъ писарь перваго числа, или еще хмѣльнѣе.
Хмѣль поборолъ его, сшибъ съ ногъ,
И встать ужъ онъ не могъ:
Лежитъ и, утомясь отъ славы,
Спокойно спитъ себѣ на берегу канавы.
Тамъ, утромъ, спящаго еще его нашли
И будочникамъ двумъ, врагамъ его, сказали;
А тѣ съ веревкою пришли,
И руки накрѣпко назадъ ему связали.
Ну тормошить его. „Вставай,
Семенъ, вставай! пора опахмѣлиться
— Давайте, братцы! Нѣтъ, давай
Не пить теперь, а биться.
Вотъ разъ тебѣ, вотъ два, вотъ три!
Впередъ не говори,
Что ты одинъ боецъ“ — *Ахъ, руки развяжите*,

Да тутъ-то удальство свое мнѣ покажите.
Не велѣно лежачихъ бить.
Безсильному грѣшно ужъ мстить;
И какъ же съ тѣми драться,
Кто средствъ лишенъ обороняться?

=

XLVII.

СКУПОЙ и ОКУЛИСТЪ.

Не дай Богъ сдѣлаться слѣпымъ,
Глаза беречь, да и беречь намъ должно.
Случилося несчастье со скупымъ:
Ослѣпъ и денежки ему лишь щупать можно;
А денегъ у него два полныхъ сундука:
Бумажки трехъ цвѣтовъ и всѣ, какъ съ молотка;
По сотнямъ, тысячамъ разложены имъ въ книги,
(Нельзя взглянуть на нихъ безъ радостной улыбки);
Мѣшечки съ золотомъ и съ серебромъ мѣшки.
Какъ метроманъ свои стишки,
Такъ точно скряга мой любилъ свои монеты:
Простительно въ преклонны лѣты.
Бывало по ночамъ не спалъ;
Въ томъ только находилъ одно лишь утѣшенье,

Что денежки считалъ
Въ уединеньѣ;
Перетиралъ,
А иногда и цѣловалъ
Въ сердечномъ восхищеньѣ.
Какъ больно, для скупца, утратить вовсе зрѣнье,
День для него то-жъ, что и ночь.
Взялся ему помочь
Искусный окулистъ, однако же недаромъ—
Онъ тысячу рублей, не больше, запросилъ.
Вѣсть эта громовымъ Скупцу была ударомъ:
Ужъ онъ молилъ его, молилъ;
Ужъ торговался, торговался,
Но меньше пяти сотъ тотъ взять не согласился!
И, наконецъ,
Рѣшился мой слѣпецъ-скупецъ.
Вотъ окулистъ къ слѣпому пріѣзжаетъ,
Передъ собой его сажаетъ,
И дѣло начинаетъ.
Ему не въ первый было разъ:
Полоперацiи окончилъ онъ счастливо.
У скряги правый глазъ
Уже глядитъ, о, диво!
Вскочилъ со стула онъ
И оператору поклонъ.
„Благодарю! — Садитесь,

„Отецъ мой! не трудитесь“.
— А какъ же? А другой-то глазъ?
„Да право совѣстно мнѣ безпокоить васъ.
Притомъ, признаться, больно;
А глазъ одного съ меня весьма довольно:
Ужъ мнѣ давно за шестьдесятъ!
Вотъ батюшка вамъ *двести-пятьдесятъ*.

=

XLVIII.

ТЬМАКА *)

Какъ разлилася Тьмака!
Бывало безъ хлопотъ
Переходили въ бродъ
Черезъ нее и лошадь и собака.
Теперь же, хоть какой высокій фланговой
Уйдетъ въ нее и съ головой.
Теперь сравнялася съ крутыми берегами,
Покрыта барками, не только челноками.
Чѣмъ Тьмака не рѣка?
И глубока,
И широка.
Походитъ нѣсколько она на игрока,
Который не *навпрняка*
Играетъ.

*) Рѣчка въ Твери.

Такой игрокъ бываетъ
Не все счастливъ:
То у него приливъ, а то, увы, отливъ!
То подчуетъ онъ стерледями,
Шампанское течетъ рѣкой;
Подъ часъ иной
Квасъ кушаетъ, изъ лавочки, съ сельдями.

=

XLIX.

ЗАВѢТНОЕ ПИВО.

Ѳома на завтракъ звалъ Кузьму,
И, послѣ водки,
Такъ говорилъ ему:
„Покушай-ка селедки.
Ну, что за сельдь! крупна, жирна;
А какъ вкусна!
Голландская, ей Богу! безъ обману!
У Королева бралъ. Тебѣ-то лгать не стану...
Вотъ свѣжая икра
Изъ осетра...
Прикажешь лучку
Зеленаго?.. Попробуй эту штучку:
Балыкъ, да вѣдь какой балыкъ!
Ну такъ, какъ медъ, во рту и таетъ.
Нельзя не ѣсть; возьми: кусочекъ невеликъ.“

— Помилуй! этакъ я не стану и обѣдать.
„А семужки нельзя никакъ, чтобъ не отвѣдать;
Вѣдь изъ Архангельска прислалъ въ гостинецъ сватъ.
Покушай, братъ.“
— Ѳома Панкратьевичъ, покушалъ я довольно.—
„Э, какъ тебѣ не стыдно? Полно.
Чѣмъ только лишь богатъ,
Тѣмъ гостю дорогому радъ....
А вотъ грибочки,
Тутъ рыжички, а здѣсь груздочки:
И тѣхъ отвѣдай, и другихъ.
Груздочки хороши, а рыжики такъ диво!
Здѣсь не найдешь такихъ:
Изъ Вологды!“ — А въ кружкѣ что? — „Да пиво“.
— Ну, накормилъ ты молодца;
Пожалуй-ка теперь пивца.
Вотъ этого нельзя; пей, если хочешь, водку.
— Помилуй, ты меня соленымъ все кормилъ;
А пива жаль тебѣ! „Я звалъ вѣдь на селедку;
О пивѣ-жъ ничего тебѣ не говорилъ.“
— Умилосердися! дай промочить мнѣ глотку.
„Пей водку“.

— Вѣдь пиво есть? „Есть про себя,
Не про тебя".
— Хотя кваску вели подать, Понкратьичъ.
„Есть, Елизарьичъ,
И квасъ,
Да лишь про насъ."
— Ей, ей! пить хочется. „А знаешь, *на хотѣнье*
Терпѣнье."
Терпѣніе Кузьма тутъ вовсе потерялъ,
Всталъ,
За кружку хвать рукою;
Другою
Онъ такъ хозяина толкнулъ,
Что опрокинулъ тотъ столъ съ завтракомъ и стулъ.
Упалъ — кричитъ: *ай*! *караулъ*!
Рукой дрожащею хватаетъ
За свой кровоточивый лобъ;
Сквозь слезъ грозитъ, ругаетъ:
Молчитъ гость, пиво допиваетъ.
И объ полъ кружку хлопъ.

Красавицы-кокетки!
Вѣдь это вамъ навѣтки!
Зачѣмъ собою насъ прельщать?
Зачѣмъ любовь въ насъ возбуждать
Притворный нѣжностью и хитрыми словами,

Когда мы не любимы вами,
И не хотите вы руки своей намъ дать?
Вамъ весело, какъ мы любовію къ вамъ
жаждемъ;
Смѣетесь, какъ мы страждемъ...
Не корчите Ѳому —
Не то попасть вамъ на Кузьму.

=

L.

ВЫСТАВКА МАНУФАКТУРЪ.

На выставкѣ мануфактуръ,
Близь биржи Петербургской,
Случился подданный французской,
Monsieur.... какъ чортъ его? monsieur....
monsieur Bélcourt!
Со вкусомъ человѣкъ, притомъ-же и съ
имѣньемъ,
Да и съ умѣньемъ.
Въ товарахъ толкъ онъ зналъ:
Товары Русскіе изъ первыхъ рукъ скупалъ,
И за французскіе богатымъ продавалъ
Двойной, не болѣе, цѣною
Съ Madame Bélcourt, своей женою.
Вотъ онъ-то лѣвою, то правой стороною
По выставкѣ идетъ, глядитъ

На вещи разныя и вздохи испускаетъ.
Легонько въ бокъ его толкаетъ
Купецъ съ бородкою и громко говоритъ:
„Что такъ, мосье, сердитъ?“
— *А здравствуй!* „Что же ты не веселъ
И носъ повѣсилъ?
Иль вещи здѣсь не хороши“?
— *Изрядны!* „Слушай-ка, въ Парижъ ты напиши,
Чтобы вещей тебѣ оттудова прислали.
Мы прежде вамъ свои товары продавали;
Теперь же и безъ васъ сбывать ихъ средство есть.
Вотъ видишь намъ какая честь!“
— *Вамъ честь, а намъ такъ горе!*
Придется запереть мнѣ магазинъ нашъ вскорѣ!
Но это только между насъ
Прощай! Hélas!

=

LI.

ФОНАРЬ.

Поставили на улицѣ фонарь—
И уняли ночнаго вора.
Плутъ секретарь
Остерегается прямаго прокурора.
Толь дѣло воровать въ потьмахъ?

Толь дѣло командиръ, который не читаетъ,
Не смыслитъ ничего въ дѣлахъ,
А подписью своей бумаги утверждаетъ!
Хвала отъ всѣхъ воровъ, воришекъ—
темнотѣ,
Невѣжеству и глупой добротѣ.

=

LII.

БУФЕТЧИКЪ и ДВОРЕЦКІЙ.

И домъ помѣщичій, и дворъ
Разбойники въ ночь окружили.
По счастью, во-время ворота притворили
И на запоръ.
Рѣшились дать отчаянный отпоръ.
Кто взялъ топоръ,
Кто косу, кто косарь, кто вилы,
И стали твердо у воротъ,
Чтобъ отразить бунтующій народъ.
Разбойники, что есть въ нихъ силы,
Ломаютъ ворота—трещатъ на вереяхъ.
Они ломаютъ,
А съ крышъ по нихъ стрѣляютъ,
Каменья, кирпичи бросаютъ;
Бабенки плачутъ и ругаютъ,
И крикъ, и вопль, и вой и страхъ,

И ужасъ на дворѣ, и даже въ чердакахъ.
Но не теряется нисколько дисциплина:
Военнаго они имѣли господина—
Полковникъ баринъ былъ. Онъ съ трубкою въ зубахъ
И саблей острою въ рукахъ,
Разбойникамъ не угрожаетъ;
Но всѣмъ распоряжаетъ
И духу придаетъ своимъ.
Вотъ вдругъ бѣжитъ съ крыльца Максимъ,
По званію буфетчикъ.
Десятерымъ не сладить съ нимъ.
Откуда ни возьмись Клейнгундъ, дворецкій нѣмчикъ,
Большой газетчикъ.
Максима онъ остановилъ.
„А послѣ ужина твой рюмки перемылъ?“
— Нѣтъ, Карлъ Крестьяновичъ, я утромъ перемою:
Теперь позвольте-ка мнѣ къ бою.
„Нѣтъ, нѣтъ!
Маршъ на буфетъ.
Сей часъ пошелъ, скотина!“—
Сюда, Максимъ, впередъ!
Не слушай басурмана, вретъ!
Раздался голосъ господина.
И вотъ Максимъ ужъ у воротъ.

Онъ вытащилъ запоръ, взмахнулъ, стоитъ и ждетъ.
Ворота растворились.
Колонна въ ворота идетъ
Рогатины и ружья появились.
Какъ хватитъ нашъ Максимъ запоромъ по ногамъ,
Такъ человѣкъ семь повалились,
И въ то-жъ мгновенье баринъ самъ
Вскричалъ: *пали*! и полетѣли пули.
Разбойники вздрогнули,
Попятились. — *Впередъ*! На нихъ весь тиснулъ дворъ.
Максимъ, отбросивъ свой запоръ,
Схватилъ одной рукой косарь, другой топоръ
И ну рубить по чемъ попало.
А Нѣмчикъ, что̀ его за рюмки такъ бранилъ,
Со страху трубку уронилъ.
Колонны въ мигъ не стало.
Разсѣялись... *Лови ихъ! бей! вяжи! ура!*
Побѣда! торжество! Разбойники разбиты....
А рюмки все-таки остались не мыты
До самаго утра.

LIII.

КЛЕВЕТНИКЪ.

(Подражаніе Французской баснѣ: *Квакеръ и Собака*).

Степана соблазнилъ однажды, ночью, бѣсъ:
Онъ въ садъ къ сосѣду перелѣзъ,
Не для того, чтобъ прогуляться,
И чтобъ природой наслаждаться,
А просто—яблоки покрасть:
Имѣлъ къ нимъ страсть
Вотъ крадется онъ къ яблонѣ по саду,
И вдругъ раздался лай: *кто тамъ! кто тамъ!*
Степашка въ ретираду.
За нимъ бѣжитъ Брыланъ, страхъ нищимъ и ворамъ,
Бѣжитъ и лаетъ.
Мой воръ,
Какъ галка, на заборъ.
Брыланка, припрыгнувъ, хватаетъ
Воришку за сапогъ;
Но въ садъ стащить не могъ,
А прохватилъ зубами ногу
И до крови, ей Богу!
„Добро же," раненый пробормоталъ сквозь зубъ:
Я заплачу тебѣ; увидишь, что не скупъ,
Да и не глупъ."

Хозяинъ поступалъ съ Брыланомъ благородно:
Его онъ уважалъ
И на цѣпь не сажалъ;
Брылянка днемъ ходилъ, куда ему угодно.
Однажды утромъ онъ гулялъ въ мясномъ ряду
И, на бѣду,
Брылянка также тамъ случился.
Онъ на него давно ужъ злился
И вотъ какъ дьяволъ ухитрился.
Въ Брылана сзади онъ воткнулъ
Иголку, иль булавку.
Тотъ на него; онъ—*караулъ!*
И въ лавку,
Какъ молнія юркнулъ.
„Ай, братцы! помогите!
Взбѣсился! Вишь, пѣна на губахъ?“—
При сихъ словахъ
Всѣхъ объялъ страхъ!
(Чего вы отъ невѣждъ хотите?
Народная толпа
Робка, дерзка, глупа!)
Къ несчастью, двое тутъ квартальныхъ умныхъ были,
Которые, предъ тѣмъ, травникъ въ харчевнѣ пили.
Бей! закричалъ одинъ: Брылана окружили
И приняли дубьёмъ,

Одинъ его ножемъ,
Другой же топоромъ
И въ пять, иль въ шесть минутъ невиннаго убили.
Вотъ какъ отъ клеветы за вѣрность погибаютъ!
Въ аду клеветниковъ змѣямъ предпочитаютъ.
Крыловъ вѣдь не солжетъ, а это онъ сказалъ.
Откуда только взялъ?—
Чай, въ книжкѣ греческой старинной прочиталъ *).
Я-жъ видѣлъ въ линіи перинной
Эстампъ большой россійской и старинный:
Судъ страшный. Тамъ клеветники
Повѣшены за языки;
Подъ ними же огонь пылаетъ,
А бѣсъ змѣями ихъ съ-плеча такъ и стегаетъ.
Не худо-бъ и живыхъ ихъ жечь,
Или на перекресткахъ сѣчь
Подъ барабанъ лозами....
Однихъ клеветниковъ... А клеветницъ?—
Щипцами
Горячими имъ язычки припечь.

=

*) И. А. Крыловъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ выучился самъ собою греческому языку и уже давно читаетъ въ подлинникѣ греческихъ классиковъ.

LIV.

ОБМАНЧИВАЯ НАРУЖНОСТЬ.

Пріятель у меня старикъ проказникъ былъ,
Богатый человѣкъ, почти и не служилъ—
Отставленъ съ крестикомъ. Въ Москвѣ онъ мало жилъ,
А болѣе въ своей любимой подмосковной.
Имѣлъ тамъ домъ огромной,
Большой фруктовый садъ,
И англійской еще, иль паркъ-оранжереи,
Въ которыхъ росъ отличный виноградъ—
Звѣринецъ, свой оркестръ и разныя затѣи.
Имѣлъ актеровъ крѣпостныхъ,
Актрисъ, пѣвицъ, танцовщицъ ловкихъ,
Наемныхъ трехъ Французовъ бойкихъ,
Да сотни двѣ собакъ и гончихъ и борзыхъ.
Пять тысячъ душъ ему досталося въ наслѣдство,
Да долгу нажилъ милліонъ;
Такъ деньгами сорить могъ онъ.
Его любило все сосѣдство.
И какъ же не любить?
Гдѣ въ сласть поѣсть, попить,
Повеселиться?
У Дурнева.—А денегъ гдѣ занять,
Когда нужда случится?

У Дурнева-жъ.—Росписку только дать,
Какую вздумаетъ онъ самъ продиктовать
И на условія всѣ тотчасъ согласиться.
Случалось, иногда бралъ туфли онъ въ закладъ,
Халатъ, кушакъ, иль шапку или миску;
А деньги возратишь, отдастъ тебѣ росписку,
Залогъ и сумму всю назадъ.
Къ своимъ собакамъ звалъ сосѣдскихъ по билетамъ;
Рожденье праздновалъ любимыхъ лошадей;
Дурачился, сказать ужъ правду, не по лѣтамъ;
Но, впрочемъ, не былъ онъ въ числѣ дурныхъ людей
И дѣлалъ иногда, что́ должно.
Проказничать богатымъ можно.
Въ деревнѣ Дурнева, когда я навѣстилъ,
Меня онъ славно угостилъ.
Музыка за столомъ гремѣла
И первая пѣвица пѣла.
Вотъ отобѣдали.—„Что, не угодно-ль въ садъ?“
— О, радъ!—
Пошли. Какой чудесный тамъ каскадъ!
Какіе мостики, бесѣдки и руины!
Куда ни взглянешь, все картины.
— А это что за храмъ?—
Вскричалъ я въ изумленьѣ,

Увидя съ куполомъ, съ колоннами строенье.
Ужъ подлинно сказать, что было заглядѣнье!
— Что тамъ?
Какое божество сей храмъ въ себѣ скрываетъ?—
„*Наружность иногда обманчива бываетъ* *).
И это, господинъ поэтъ, вамъ не во гнѣвъ,
Не храмъ, а хлѣвъ!“
— Какъ хлѣвъ? — Войдите
И поглядите.
Толкаю дверь, вхожу—
И съ поросятами свиней тутъ нахожу. —

=

LV.

ШУТЪ ВЪ ПАРИКѢ

Однажды въ маскарадѣ
Явился старый шутъ въ неслыханномъ нарядѣ:
Съ хрустальной запонкой и воротомъ косымъ;
Изъ ткани пестрыя на немъ была срачица,
Да съ гульфикомъ большимъ
Атласна черна исподница.
Съ нагнутыхъ плечъ его висѣлъ

*) Стихъ И. И. Дмитріева.

Запачканой тулупъ, но настоящей русской:
На головѣ же онъ имѣлъ
Распудренный парикъ французской
За старымъ шутомъ въ слѣдъ шелъ молодой чудакъ,
Въ престранномъ тоже одѣяньѣ,
Въ какомъ-то шахматномъ, смѣшномъ полукафтанье,
И съ колокольчикомъ торчалъ на немъ колпакъ.
Лишь въ залу чучелы вступили,
Всѣ бросилися къ нимъ, кругомъ ихъ обступили,
Никто не могъ свести съ нихъ глазъ.
Старикъ, пожавъ плечьми, воскликнулъ:
„Вижу азъ,
Коликой степени достигли развращенья!
„*О!.. но воздержимся еще отъ удивленья!*
„О, буйно скопище безумцевъ и невѣждъ!
„И мужескъ полъ и женскъ совлекся тѣхъ одеждъ,
„Которые дѣдовъ и бабокъ украшали.
„Почто французскія вы моды переняли?
„Воззрите на меня, на юношу сего,
„Такъ иноземнаго не найдешь ничего.
„Все русское на насъ, изящно все и лѣпо;
„Мы любимъ старое, и вы любите слѣпо...“
Тутъ нѣкто старика прервалъ

И вѣжливо ему сказалъ:
За что всѣхъ, дѣдушка, поносишь?
Ты самъ парикъ французской носишь.
О, если бы кто видѣлъ тутъ;
Какъ разозлился старый шутъ!
Сначала у него языкъ прильпѣ гортани;
Потомъ ужъ кое-какъ собрался съ силой онъ
И полился изъ устъ его источникъ брани.
Безбожникъ! закричалъ, *измѣнникъ*! *франмасонъ*!
Сжечь надобно его, на вѣру наподаетъ!—
Что-жъ это былъ за шутъ, никто не отгадаетъ.

=

LVI.

СМЕРТЬ и СТИХОТВОРЕЦЪ.

Ужъ крепомъ ночь давно небесный сводъ одѣла,
И первые давно пропѣли пѣтухи.
Всѣ спали, лишь старикъ Хвастонъ писалъ стихи;
Свѣча предъ нимъ въ ночномъ шандалѣ догорѣла
И въ табакеркѣ ужъ не стало табаку.
Какъ вдругъ нечаянно къ сѣдому дураку
Явилась Смерть.—Хвастонъ не испугался.

Зачѣмъ, спросилъ ее, не во́время пришла?“
— Да за тобой старикъ! Вѣдь ты ужь за-
писался...
„Помилуй, мать моя! да ты съ ума сошла!
Въ Театрѣ здѣсь меня еще не увѣнчали,
И въ Академіи... сказать тебѣ стыжусь...
Не получилъ еще я золотой медали.
Тебя, сударыня, я вовсе не боюсь:
Тотъ живъ, безсмертенъ тотъ, котораго сра-
вняли
Съ Росиномъ, Депрео, и кто въ своихъ
стихахъ
Сіяетъ, какъ въ день Фебъ одинъ на небесахъ...
Дай притчи мнѣ мои поправить и посланья;
Прибавить двадцать, тридцать одъ;
Почистить *Россомаху*,
Трагедію мою—тогда изволь безъ страху
Пойду въ Елизіумъ.“—Уродъ! прямой уродъ!
Неужели тебѣ писать не надоѣло?
Смотри: какъ отъ стиховъ твое изсохло тѣло!
Пора ужъ, право, на покой!—
„Да развѣ я старикъ какой?
Давно ли сталъ писать? Не будетъ и полвѣка!
А сколько, напримѣръ,
Жилъ Фонтенель, Вольтеръ?
Я развѣ хуже ихъ? Такого человѣка,
Какъ я, должна ты пощадить...“
— Да ты кого щадилъ, мучитель?...

„Прошу учтивѣе со мною говорить:
Чрезъ десять лѣтъ за мной ты можешь приходить.“
— Чрезъ десять лѣтъ? Нѣтъ, нѣтъ, проказникъ сочинитель:
Изволь теперь сбираться въ путь!
„Нельзя ли какъ нибудь
Отсрочить, матушка, хоть на два на три года?
Я напишу тебѣ за это мадригалъ;
А хочешь, къ завтрему еще поспѣетъ ода!
Ранехонько пошлю въ одинъ журналъ,
Благонамѣренный...“—Недостаетъ терпѣнья!
Вскричала Смерть и косу занесла.—
„Постой! у ногъ твоихъ молю, чтобъ ты дала,
Изъ милости, изъ сожалѣнья,
Мнѣ сроку на десять, не болѣе, минутъ!“
— На что же? принести въ грѣхахъ что-ль покаянье?
„Нѣтъ, кончить это вотъ послѣднее посланье
И эпитафію себѣ ..“—Прямой ты шутъ!
Да только о твоей кончинѣ здѣсь услышутъ,
То эпитафію тебѣ, повѣрь, напишутъ.
Маршъ! маршъ!—Ударъ за словомъ въ слѣдъ!
И на творенія свои упалъ поэтъ,
Косою смерти пораженный!

Глаза, въ которыхъ огнь поэзіи потухъ,
На столъ, гдѣ онъ писалъ, остались обращенны;
А духъ его, безсмертный духъ,
Низшелъ во области Плутона.
Тамъ, въ мрачномъ тартарѣ, тѣнь грозная Хвастона
Читаетъ всѣмъ свои стихи.—
Не дай Богъ въ адъ теперь попасться за грѣхи!

1819 г.

=

LVII.

ДВОРЯНКА-БУЯНКА.

Какъ могутъ люди забываться!
Прилично-ль дамамъ драться?
Одна изъ городскихъ и самыхъ важныхъ дамъ,
По долгу христіанки
Вошедши въ Божій храмъ,
Плыветъ поднявши носъ, какъ гордыя дворянки,
Которыя крестьянъ, мѣщанъ
Едва ли чтутъ за христіанъ;
Жеманится, пыхтитъ. Лакей большой предъ нею.
Но въ церкви тѣснота – прохода не даютъ.
„Что ты зѣваешь, плутъ?“
Кричитъ она лакею:

Не можетъ растолкать, уродъ,
Приказныхъ этихъ модницъ,
Чепешницъ и купчихъ платочницъ.
Пусти меня впередъ!
И барыня моя—нѣтъ, барышня, дѣвица,
Рванулася впередъ какъ львица.
Съ отважностью лихаго мясника,
Который съ братіей своей изъ кабака
По площади бѣжитъ рвать голову съ быка,
Идетъ она и всѣхъ толкаетъ подъ бока
На обѣ стороны локтями,
Ступаетъ съ форсу коблуками
На ноги секретарьшъ смиренныхъ и купчихъ,
Да и ворчитъ еще на нихъ.
Вотъ вдругъ впередъ взглянула—
Стоитъ смирнехонько тутъ барышня одна,
Одѣта запросто и молится она.
Злодѣйка такъ ее толкнула,
Что та упала на амвонъ.—
Раздался вопль и стонъ.
Діаконъ оглянулся
И содрогнулся.
Но чѣмъ же кончилось?—Она остановилась,
Не извинилась
И Богу съ важностью дворянской помолилась,
Потомъ же на уборы дамъ
Глядѣла и косилась.

О стыдъ! о срамъ!
И это сдѣлала дворянка и дѣвица?
Проклятая срамница!
Будь я архіерей,
Иль хоть протоіерей,
То право-бъ проучилъ злодѣйку:
На паперти бъ ее поставилъ у дверей,
Вздѣвъ ожерелье ей желѣзное на шейку *).
Сошлось бы множество народа поглядѣть.
Дай Господи ей вѣкъ весь въ дѣвкахъ просидѣть.

1827 г.

=

LVIII.

ШУТЪ **).

Когда у насъ грубѣе были нравы,
Держали дураковъ дворяне для забавы—
Жить не могли безъ нихъ, какъ безъ борзыхъ собакъ.
У Высоносова чудесный былъ дуракъ.
Что за фигура! Что за рожа!

*) Встарину надѣвали въ церквахъ желѣзные ошейники на тѣхъ, которые дѣлали тамъ какое либо безчиніе. Ошейники сіи прикованы были цѣпью къ стѣнамъ.

**) Эта сказка написана въ послѣднее время жизни покойнаго автора и къ сожалѣнію не кончена.

Венера на него въ саду одномъ похожа,
Которую маляръ окрасилъ за пятакъ.
Шутъ этотъ, иль дуракъ, по имени Гордюшка,
А по прозванью Чушка,
По лѣтамъ ужъ почти старикъ,
Носилъ въ косовороткѣ русской
По праздникамъ напудренный парикъ
И дѣдовскій кафтанъ французской.
У парика висѣлъ огромный кошелёкъ,
На кошелькѣ звонокъ,
У Высоносова, бывало, соберутся
Сосѣди, травничку, наливокъ понапьются
И Чушку напоятъ,
А Чушка этому и радъ.
Пойдетъ потѣха;
Сначала смѣхъ, а тамъ и не до смѣха.
Раздразнятъ дурака,
Гляди и гостю дастъ онъ съ пьяна тумака.
Прислали къ барину часы предорогія,
Какихъ не видано еще въ деревнѣ той,
Ниже въ губерніи, съ цѣпочкой щегольской
И съ репетиціей, съ печатками, съ музыкой,
Затѣйникъ превеликой
Какой-то дѣлалъ ихъ Французъ,
По имени-жъ назвать его я не берусь.
Что за отдѣлка! Что за вкусъ!

. . . . . .

1830 г.

LIX.

СУДЬЯ ѲАДЕЙ *).

Сказка.

Нѣтъ, не было еще такого изъ судей,
Каковъ былъ встарину *чугунный лобъ* Ѳадей:
Цыгане всѣ ему въ безстыдствѣ уступали!
Служилъ онъ въ конницѣ, какъ ротмистръ Бранербекъ,
И изъ конюшни вдругъ переведенъ въ Приказъ!!
Какъ встарину мѣста давали!
Однако же Приказъ не то вѣдь, что Парнассъ!
И на Парнассѣ здѣсь кого мы не видали!
Ѳадей
Не изъ ученыхъ былъ людей,
Не такъ-то грамотенъ; въ Приказѣ-жъ былъ подъячій,
Подъячій съ припискою, искусникъ, сынъ собачій!
Зналъ всѣ крючки, но не былъ смѣлъ;
Блудливъ какъ котъ, трусливъ же какъ зайчишка,

---

*) Заимствована изъ „Р. С." 1875 г. и въ полномъ собраніи сочиненій, появляется въ первый разъ.

Подъяческая такъ душишка!
И потому одинъ не могъ онъ дѣлать дѣлъ.
Подъячій походилъ на хитрую собаку,
Которая изъ-подтишка
Кусаетъ, а не лѣзетъ въ драку,
Чтобы не потерять ушка.
Отдай же сдуру лѣзъ всегда, какъ конь въ атаку.
Но, впрочемъ, былъ онъ не дуракъ:
Судилъ почти всегда вотъ такъ:
„Какъ смѣлъ ты вопреки закону
Для церкви поправлять икону?“—
Онъ подсудимаго въ присутствіи спросилъ,
А подсудимый самъ иконописецъ былъ.
Тотъ отвѣчаетъ смѣло:
— А мнѣ какое дѣло?
Отецъ Василій мнѣ икону эту далъ;
Такъ я ее и подновлялъ“.
„Добро бы подновлялъ ты краски,
„Зачѣмъ скажи перемѣнялъ?
„Такіе-ль были прежде глазки?
Такой ли носикъ?“ — Нѣтъ, ужъ слишкомъ малъ былъ носъ,
Такъ я его прибавилъ:
Одинъ глазъ былъ великъ: такъ его убавилъ,
Да и спрямилъ, чтобы угодникъ не былъ косъ.—

«А знаешь, сказано, что *аще кто прибавитъ*
„Или убавитъ,
„Да будетъ проклятъ тотъ!“
Вотъ какъ священное писанье понялъ скотъ!
— Помилуйте!... — „Ни слова больше!
„Вотъ я тебя уйму!
„Въ тюрьму!
„Я знаю какъ судить: вѣдь я и выросъ въ Польшѣ!“
Избави, Господи! насъ отъ такихъ судей,
Каковъ безграмотный *чугунный лобъ* Ѳадей!

30 и 31 го мая 1824 г.

=

LX.

СЛЕНИНА ЛАВКА *).

У Сленина въ лавкѣ на креслахъ сижу,
На книги, портреты смотрю и гляжу. —
Вотъ Бардъ нашъ Державинъ, вотъ Дмитревъ, Крыловъ!
А вотъ Каталани, подъ нею Хвостовъ.

*) Это стихотвореніе не вошло въ собраніе сочиненій Е. Измайлова, но было приведено въ одной изъ позднѣйшаго времени. Здѣсь оно печатается по описи автора „Р. С.“ 1875 г.

Тимковскаго—цензора тутъ же портретъ,
Есть даже Гераковъ—Измайлова-жъ нѣтъ!

Авось доживу я до свѣтлаго дня!
Авось въ книжной лавкѣ повѣсятъ меня!
Чу! чу! колокольчикъ въ сѣняхъ зазвенѣлъ;
Хозяинъ съ улыбкой къ дверямъ полетѣлъ.

Кого-то къ намъ въ лавку лукавый принесъ?
Не Графъ ли? Нѣтъ, польскій задорный нашъ... песъ.

Измайлова видя, блѣднѣетъ вдругъ онъ,
И крестному батькѣ отвѣсилъ поклонъ.

Приходитъ Рылѣевъ, Бестужевъ и Гречъ,
Языкъ бы послѣднему надо присѣчь.

Вотъ Сомовъ вбѣгаетъ, вотъ входитъ Козловъ,
А вотъ изъ сената заѣхалъ Хвостовъ.

Въ собраніи этихъ почтенныхъ людей
Къ Измайлову рѣчь обращаетъ Ѳадей:

„Что? сказочки нѣтъ ли какой на меня?“
— Есть! Бойся ты сказокъ моихъ, какъ огня,

Любезный мой крестникъ, изволь, одолжу,
Три новыя сказки тебѣ я скажу.

Кусалъ песъ задорный большую свинью,
А я его кинулъ подъ ледъ въ полынью.

Съ полякомъ бездушнымъ я бился вдвоемъ
И съ боя бѣжалъ онъ, въ слезахъ, съ фо-
наремъ.
Безграмотный ротмистръ-бѣглецъ былъ у
насъ.
Судьею его посадилъ я въ Приказъ...

N. N. взялъ шляпу и вонъ побѣжалъ,
А то бы Измайловъ еще продолжалъ.

РАЗНЫЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛИРИЧЕСКІЯ и ЭЛЕГИЧЕСКІЯ.

=

I.

НА ОТЪѢЗДЪ И НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА,

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

5 Сентября 1825 г.

—

Да здравствуетъ Елисавета,
Царица-ангелъ на земли!
Да здравствуетъ на многи лѣта!
Ее, о Боже! исцѣли.
Моленіе сердецъ внемли;
Царицу нашу исцѣли.

Да сильная Твоя десница
Въ пути щитомъ пребудетъ Ей!
Да возвратится къ намъ Царица
Въ цвѣтущемъ здравіи скорѣй!
Моленье всѣхъ у алтаря:
„Спаси Царицу и Царя!“

Храни и весь домъ Августѣйшій,

Романовыхъ священну кровь;
Россіяне, народъ вѣрнѣйшій,
Хранятъ къ Царямъ своимъ любовь!
Храни весь Царскій родъ, храни:
Блаженны будутъ наши дни!

=

II.

НА СВЯЩЕННѢЙШЕЕ КОРОНОВАНІЕ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА *).

Соло.

Всевышнему благодаренье!
На тронѣ Русскомъ Николай!
Его избрало Провидѣнье
Спасти отъ бѣдъ полночный край.
Лишь скипетръ Онъ принялъ въ десницу,
Геройство, мудрость намъ явилъ:
Онъ спасъ отъ гибели столицу
И всѣхъ умы, сердца плѣнилъ.

Хоръ.

Хвала, Герой неустрашимый!
Хвала, героямъ образецъ!

---

*) Стихи сіи пѣты были на другой день Коронованія, за обѣденнымъ столомъ въ Грановитой Палатѣ. Музыка Грибовича

Безтрепетный, неутомимый!
Хвала, Царь мудрый, Царь отецъ!
Возсѣвъ на тронъ, бразды правленья
Руками твердыми пріялъ,
Невинность спасъ отъ притѣсненья
И своевольство обуздалъ.
Вдругъ обнялъ все орлинымъ окомъ,
Лишилъ мгновенно силы злыхъ;
Вдитъ, въ размышленіи глубокомъ,
О благѣ подданныхъ Своихъ.
Царь добрый и правдолюбивый,
Подобье Бога на земли,
Ты правосудепъ—мы счастливы!
Златые наши дни пришли.
Къ престолу лесть подползть не смѣетъ,
Гдѣ Истина съ Царемъ сидитъ;
Коварство передъ Нимъ нѣмѣетъ
И Лицемѣріе дрожитъ...
Ревнитель истинныя славы,
Онъ правду водворитъ въ судахъ,
Дастъ съ просвѣщеньемъ лучши нравы
И будетъ, будетъ жить въ вѣкахъ.
Прославитъ Онъ Себя, прославитъ,
Отецъ народа Своего,
Россіи счастіе составитъ—
Продли, о Боже! дни Его!

III.

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА *).

И мы, всѣ вѣрные Отечества сыны,
На берегахъ Двины,
Близъ моря *Бѣлаго*, мы празднуемъ рожденье
Твое, нашъ *бѣлый* Царь,
Благонамѣренный, великій Государь!
Да низпошлетъ Господь Тебѣ благословенье,
Побѣду на враговъ, на гордыхъ Оттоманъ,
На черныхъ Агарянъ
И да падетъ къ стопамъ Твоимъ Махмудъ
Султанъ!
Да сохранитъ Тебя благое Провидѣнье
Для блага Россіянъ!

=

*) Читаны за торжественнымъ обѣдомъ у Архангельскаго Генералъ-Губернатора 25 Іюня 1828 г

IV.

НА ДЕНЬ КОРОНОВАНІЯ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА *).

22-го Августа 1828 г.

Давно-ль нашъ Царь пріялъ наслѣдственный вѣнецъ
И съ нимъ тяжелое правленья бремя,
А сколько добраго Онъ сдѣлалъ въ это время!
Нѣтъ, истинно намъ Царь отецъ!
Трепещутъ внѣшніе враги отъ грома,
Который Онъ бросаетъ въ нихъ,
И смотритъ между тѣмъ, что дѣлается дома,
И хитрыхъ обуздалъ, и злыхъ.
Заслуги истинно по-Царски награждаетъ,
А своевольничать не допускаетъ.
Идетъ Онъ по слѣдамъ Великаго Петра.
Для насъ, для нашихъ чадъ и день и ночь трудится.
Ну, какъ же за Царя такого не молиться?
Дай, Господи, Ему добра
И многи лѣта
Для блага Россіянъ, для блага полусвѣта!
Ура, Царъ Николай, ура!

=

*) Читаны тамъ же.

V.

НА КОНЧИНУ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Исполнилося то, чего Сама хотѣла:
Конецъ Твоимъ слезамъ!
Къ Супругу въ Небеса отъ насъ Ты улетѣла!
Ликуй же съ ангелами тамъ;
Прими отъ Бога воздаянье
За добродѣтели Твои, за испытанье.—
Предстательницей будь за насъ!
Услышь, услышь съ Небесъ нашъ гласъ!
Моли Всевышняго, моли, душа святая!
Да благостью Своей отъ бѣдъ насъ сохранитъ—
Да осѣнитъ
Щитомъ спасенія Монарха Николая,
Что Имъ Самимъ избранъ
Россію исцѣлить отъ ранъ
Тяжелыхъ и глубокихъ,
Которыя, къ стыду сей славныя земли,
Ея-жъ сыны ей изнесли
Внушеніемъ духовъ коварныхъ и жестокихъ!
Моли, о Ангелъ нашъ, моли:
Да посрамятся всѣ враги святыя Вѣры,

Враги Престола, Алтаря—
Лжемудрецы и лицемѣры;
Да подъ пятой правдиваго Царя
Умолкнутъ хитра Лесть и гнусное Коварство
И да избавится отъ злобныхъ наше царство.
Да будетъ Правда на судахъ
И процвѣтаетъ у насъ прямое просвѣщенье,
Да низпошлетъ Господь Царю въ Его дѣлахъ
Свое благословенье!
Моли, моли о семъ, нашъ Ангелъ, въ Небесахъ!

=

VI.

НА КОНЧИНУ

ГЕНЕРАЛЪ ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ М. Л. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКАГО *).

О, вѣсть плачевная! Отечества спаситель,
Злодѣйскихъ полчищъ истребитель,
Вождь, мудростью прославленный въ боях,
Кутузовъ, Галловъ страхъ,
Любовь всѣхъ Россіянъ, вселенной удивленье!
Какъ солнце въ ясный день, скончалъ свое теченье!
Кто дастъ намъ столько слезъ,

*) Положены на музыку Жилинымъ.

Чтобы оплакали достойно мы Героя?
Сограждане! онъ жизнь на жертву намъ принесъ,
Въ преклонныхъ лѣтахъ онъ лишалъ себя покоя,
Въ недугахъ тяжкіе труды переносилъ
И не щадилъ для насъ своихъ послѣднихъ силъ.
Любви къ Отечеству, къ Царю примѣръ великой!
Кто пріобрѣлъ себѣ блестящій столь вѣнецъ?
Кто умиралъ когда со славою толикой?
И Зависть, наконецъ,
Змѣя, которая у ногъ его шипѣла,
Умолкла, онѣмѣла!

Да въ мирѣ почіетъ твой прахъ!
Покойся! Ты намъ всѣмъ спокойствіе доставилъ.
Твой памятникъ у насъ въ сердцахъ.
Ты нашихъ женъ, дѣтей отъ гибели избавилъ;
Ты честь возстановилъ оружья Россіянъ.
Уже надъ пропастью тиранъ!
И скорое его паденье -
Европы всей освобожденье,
Въ селеніяхъ Небесъ твой духъ возвеселитъ.
Тамъ только Богъ твои заслуги наградитъ.
1813 г.

=

VII.

КАНТАНА НА КОНЧИНУ С. Д. П.

Нѣтъ уже прелестной Граціи и Музы!
Нѣтъ, ахъ! нѣтъ Софіи милой, несравненной!
Прервались внезапно юной жизни узы—
Лейтесь, лейтесь слезы на прахъ незабвенной.
Ты-ль это, Софія? Ужели это ты?
Лишилась мгновенно своей красоты!
Прелестныя очи на вѣки закрыты,
Уста посинѣли, опали ланиты,
Лилеи поблекли, увянули розы,
Изчезла улыбка — лейтеся, слезы!
Окончились твои несносныя мученья!
Умолкъ болѣзненный твой стонъ!
Грудь не колеблется. Ни вздоха, ни движенья!
Какъ крѣпокъ твой, Софія, сонъ!
Нѣтъ, не дождаться намъ Софіи пробужденья!

Дни и недѣли,
Мѣсяцы, годы,
Вѣки пройдутъ;
Но не прервется
Сонъ твой, Софія!
И не погибнетъ
Память твоя!

Такъ, такъ: безсмертны дарованья!
А ты ли не имѣла ихъ?

Ты приводила всѣхъ собой въ очарованье!
Въ улыбкѣ и въ рѣчахъ, въ поступкахъ
всѣхъ твоихъ
(Невольное воспоминанье!)
Видна была печать ума и доброты. —
Блеснула и изчезла ты!
Лишь расцвѣла и—вдругъ увяла!
Не *здѣсь—тамъ*, *тамъ* тебѣ цвѣсти!
Не много ты жила, но много ты страдала!
Прости!... прости!... На вѣкъ прости!

=

VIII.

МОЛИТВА БЛАГОНАМѢРЕННАГО.

(въ альбомъ Кн. Е С. Х.)

Спаси насъ, Господи, отъ злыхъ,
Избави отъ людей лукавыхъ,
Защитникомъ будь противъ нихъ
Въ дѣлахъ и начинаньяхъ правыхъ.

Когда насъ не оставишь Ты,
Мы ничего не убоимся:
Ни зависти, ни клеветы
И къ правдѣ смѣло устремимся.

правду пострадалъ Ты Самъ,
члъ и казнь и поруганье.

За правду обѣщаешь намъ
Здѣсь тяжкій крестъ — тамъ воздаянье.

Ты съ кротостію поучалъ
Людей незлобивыхъ, смиренныхъ;
Но лицемѣровъ обличалъ,
Мздоимцовъ не щадилъ надменныхъ.

И въ путь, проложенный Тобой
Спаситель, устремимся смѣло:
Пожертвуемъ Тебѣ собой
За правое, святое дѣло.

Но рано-ль, поздно-ль совѣсть въ злыхъ,
Змѣѣ подобно, пробудится,
И сердце изсосетъ у нихъ—
И родъ лукавыхъ истребится!

=

АНАКРЕОНТИЧЕСКІЯ и ВАКХИЧЕСКІЯ.

I.

ПРІЯТНАЯ СМЕРТЬ.

Если-бъ смерть меня застала
Съ трубкою моей въ рукахъ,
И въ то время предо мною
Пуншъ на столикѣ стоялъ,
А Милена на колѣняхъ
У меня тогда была,—
„О всемощная Богиня!
Такъ бы Смерти я сказалъ:
Погоди-ка ты немножко,
Дай мнѣ мой стаканъ допить,
Дай простится мнѣ съ Миленой,
Буду я готовъ сейчасъ;
Между тѣмъ ты эту трубку,
Если хочешь, покури.
Тутъ бы мигомъ пуншъ я допилъ,
Тутъ бы ужъ въ послѣдній разъ
Милую мою Милену
Къ сердцу крѣпко я прижалъ,
И въ минуту восхищенья

Закричалъ бы такъ на Смерть:
„Чтожъ ты, глупая, зѣваешь?
Ну! рази теперь скорѣй!“

=

II.

НОВЫЙ НАРЦИСЪ.

(*Съ Французскаго*).

Нарцису я уподобляюсь,
Повѣрите ли въ этомъ мнѣ?
Своею красотой плѣняюсь,
Смотрюсь, но не въ водѣ—въ винѣ.
Едва себя въ немъ примѣчаю,
Въ восторгъ сладчайшій прихожу,
Отъ радости весь задрожу
И образъ свой тотчасъ глотаю.

=

III.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ФЕБУ.

Взойди, о Фебъ! на небеса,
Хотя сегодня, въ два часа;
Дай чистымъ воздухомъ дохнуть,
На небо свѣтлое взглянуть.
Ужъ мѣсяцъ дома я лежу,
По комнатамъ едва брожу,

И спотыкаюсь, какъ слѣпецъ.
Томится бѣдный твой пѣвецъ;
Тоска отъ утра до утра:
Брать въ руки не велятъ пера,
Ни даже въ книжку заглянуть;
Вздыхаетъ только бѣдна грудь.
Когда-жъ сойдетъ на землю ночь,
Сонъ отъ одра уходитъ прочь,
Другіе крѣпко, сладко спятъ,
Читать стиховъ вслухъ не велятъ
Ни декламировать, ни пѣть:
Нѣтъ мочи болѣе терпѣть!
О, Фебъ! тебѣ я вѣренъ былъ.
Когда недугъ меня томилъ,
Стихами бредилъ я всегда,
Гекзаметрами иногда.
Лежу въ жару, разсудка нѣтъ,
Стихами брежу, какъ поэтъ,
И воздаю тебѣ хвалу.
Приду я къ своему столу:
На немъ чернильница стоитъ;
Она меня къ себѣ манитъ.
Тутъ тяжело я воздохну,
Невольно руку протяну.
Лишь за перо. *Опять! прочь! прочь!*
Кричитъ жена моя, иль дочь.
Писать больному не велятъ.
Глаза впредь больше заболятъ.

Зеленый зонтикъ я купилъ,
Но въ немъ еще не выходилъ.
Взгляну въ окно—взадъ и впередъ
Народъ по площади идетъ;
Вездѣ туманно и мокро!
О сдѣлай, добрый богъ, добро,
Скорѣй, скорѣе прогляни,
Явись, блестни, и прогони
Ненастные сырые дни.
Не льзя ли нынѣшняго дня
Изъ плѣна выпустить меня?
Не льзя-ль взойти на небеса,
Хоть только на четверть часа?
Вѣдь мѣсацъ дома я сижу
И никуда не выхожу.
Теперь я крѣпче на ногахъ,
Гулять бы могъ я на Пескахъ,
Хотя бы вышелъ въ Божій храмъ
И помолился бы я тамъ...
Но что́ я вижу? Чудеса!
Взошелъ ужъ Фебъ на небеса:
Мольбу мою услышалъ онъ,
Скорѣй, скорѣй изъ дому вонъ
Пойдемъ, о Natalie, пойдемъ,
Никифора съ собой возьмемъ;
Когда отъ слабости свалюсь,
То имъ авось приподнимусь.

ПѢСНИ.

I.

ТАВРИЧЕСКІЙ САДЪ.

Садъ Таврическій, прекрасной!
Какъ люблю въ тебѣ я быть,
Хоть тоски моей ужасной
И не можешь истребить.

Только лишь одной природы
Ты имѣешь красоты;
Просто все въ тебѣ: и воды,
И деревья, и цвѣты.

Просто все въ тебѣ и мило;
Для меня ты лучшій садъ.
Какъ пріятно и уныло
Твой шумитъ всегда каскадъ!

Ахъ! на травкѣ на зеленой
Какъ люблю я тутъ сидѣть,
Духъ имѣя утомленной,
На струи въ слезахъ глядѣть!

Ахъ! какъ временемъ вечернимъ
Хорошо въ тебѣ гулять,
По тропинкамъ искривленнымъ,
И о миломъ помышлять.

Какъ въ тебѣ я ни бываю
И какъ много ни хожу,
Только имъ лишь мысль питаю,
Но *его* не нахожу.

Онъ меня не повстрѣчаетъ
Никогда въ алеяхъ сихъ,
Вздоховъ онъ не примѣчаетъ,
И не видитъ слезъ моихъ.

Садъ Таврическій, прекрасной!
Нѣтъ хоть мнѣ въ тебѣ утѣхъ,
Но за то въ тебѣ несчастной
Можно плакать безъ помѣхъ.

=

II.

ОПАСНОСТИ ОТЪ ВОДЫ *).

(*Съ Французскаго*).

Богъ вздумалъ смертныхъ наказать—
И шаръ земной вода покрыла.

*) Положена на музыку Грибовичемъ.

Вотъ это можетъ доказать,
Сколь пагубна ея намъ сила.
Друзья! не станемъ пить воды:
Отъ ней великія бѣды!

Честолюбивый Фаэтонъ,
Когда міръ освѣщать пустился,
Въ рѣку упалъ, и тамъ ужъ онъ,
Раскаявшись, воды опился.
Друзья! не станемъ пить воды:
Отъ ней великія бѣды!

Икаръ, который къ небесамъ
Полетъ свой дерзостный направилъ,
Низвергся въ море, и волнамъ
Свой трупъ и съ крыльями оставилъ.
Друзья! не станемъ пить воды:
Отъ ней великія бѣды!

Безумцамъ славный образецъ,
Нарциссъ, что самъ въ себя влюбился,
Несчастный получилъ конецъ,
Когда къ водѣ лишь наклонился!
Друзья! не станемъ пить воды:
Отъ ней великія бѣды!

Когда безжалостный народъ
Латону бѣдную обидѣлъ,
То вдругъ въ прудѣ нечистыхъ водъ

Себя лягушками увидѣлъ.
Друзья! не станемъ пить воды:
Отъ ней великія бѣды!

Въ аду, большимъ огнемъ гдѣ жгутъ
За малые грѣхи, обиды,
Тамъ вмѣсто казни воду льютъ.
Кто-жъ? душегубки Данаиды.
Друзья! не станемъ пить воды:
Отъ ней великія бѣды!

Въ златой Астреинъ только вѣкъ
Счастливы прямо люди были;
Тогда-то изъ ручьевъ, изъ рѣкъ
Всѣ черпали вино да пили.
Друзья! давайте пить вино:
Ей-ей, небесный даръ оно!

Отъ Бога, вмѣсто всѣхъ наградъ
За добродѣтель, данъ былъ Ною
Прекрасный, спѣлый виноградъ,
На землю лишь ступилъ ногою.
Друзья! давайте пить вино:
Ей-ей! небесный даръ оно!

=

III.

На голосъ старинной Русской пѣсни: *Что мнѣ нужды въ свѣтѣ семъ страсти разбирати?*

Пусть дурачатся глупцы—
Я не замѣчаю;
Пусть срамятся подлецы—
Я не отвѣчаю.

Было-бъ только мнѣ вино;
Мнѣ всего нужнѣй оно:
Если выпью я стаканъ,
Веселъ и любезенъ.

Пусть безграмотный поэтъ
Риѳмы прибираетъ,
Оду, притчу иль сонетъ
Всякому читаетъ—

Я не слушаю его:
Мнѣ вино милѣй всего;
Капельки одной не дамъ
За пухлыя оды.

Пусть врагъ ближнихъ, лицемѣръ,
Въ церковь съ книжкой ходитъ,
И Тартюфа взявъ въ примѣръ,
Глупыхъ за носъ водитъ—

На ханжей я не гляжу,
Въ ихъ собранья не хожу;
А приди ко мнѣ ханжа,
Тресну въ лобъ бутылкой.

Пусть всѣмъ головы кружить
Хитрая кокетка;
Передъ зеркаломъ сидить,
Какъ въ гнѣздѣ насѣдка—

Знаю женщинъ всѣхъ давно!
Пью я старое вино —
Можно ли его сравнить
Съ молодой кокеткой?

Пусть старухи молодыхъ
Строго осуждаютъ;
О проказахъ же своихъ
И не вспоминаютъ—

Злыхъ старухъ я не терплю,
Пересудовъ не люблю,
И хорошихъ старыхъ винъ
Я не осуждаю.

=

IV.

НА НОВЫЙ 1824 ГОДЪ *).

Годъ Новый радостно встрѣчаемъ
Въ собраньи искреннихъ друзей;
Хозяевъ добрыхъ поздравляемъ
И всѣхъ любезныхъ ихъ гостей.
Дай Богъ всѣмъ въ Новый Годъ добра!
Ура! ура! ура! ура!

Дай Богъ, чтобъ злые не вредили,
Чтобъ добрымъ воля здѣсь была,
Чтобъ всѣ спокойно, мирно жили,
Не дѣлая другъ другу зла.
Дай Богъ и проч.

Дай Богъ несчастливымъ терпѣнья,
Заслугамъ истиннымъ — наградъ,
Талантамъ всякимъ — одобренья,
А бѣднякамъ — хоть малый кладъ.
Дай Богъ и проч.

Дай Богъ въ годъ высокосный, новый,
Невѣстамъ лучшихъ жениховъ,
Замужнимъ молодымъ — обновы,
А старымъ — отпускъ всѣхъ грѣховъ.
Дай Богъ и проч.

*) Музыка покойнаго Н. М. Кудлая.

Дай Богъ, чтобъ болѣе писали,
Чтобъ всякой авторомъ быть могъ,
И чтобъ бумаги больше брали
На деньги только, а не въ долгъ.
Пора сбирать долги, пора!
Ура! ура! ура! ура!

Дай Богъ, чтобъ больше разбирали
Благонамѣренный журналъ,
Хотя-бъ его и не читали,
И чтобъ издатель восклицалъ:
Дай Богъ подписчикамъ добра!
Ура! ура! ура! ура!

Дай Богъ вдовамъ всѣмъ утѣшенья,
И пожилымъ и молодымъ.
Пошли, о Господи! терпѣнья
И радостей побольше имъ.
Дай Богъ всѣмъ вдовушкамъ добра!
Ура! ура! ура! ура!

Годъ Новый радостно встрѣчаемъ
Въ собраньи искреннихъ друзей;
Хозяевъ добрыхъ поздравляемъ
И всѣхъ любезныхъ ихъ гостей.
Дай Богъ и проч.

=

V.

На голосъ прекраснаго романса Князя. П. С. Вяземскаго:

Я жду тебя.

Люблю тебя за нравъ твой кроткій, милый;
Люблю за умъ, веселость, остроту;
Люблю—любить я буду до могилы
Души твоей и сердца доброту.
Люблю тебя!

Люблю твоихъ поступковъ благородство.
Твой дружескій, пріятный разговоръ,
Твоихъ рѣчей, улыбки превосходство,
Твой ангельскій и полный чувства взоръ.
Люблю тебя!

Люблю тебя, и Небо въ томъ свидѣтель,
До гроба другъ вѣрнѣйшій буду твой;
Люблю тебя, какъ Славу, Добродѣтель:
Ты геній, ты хранитель ангелъ мой!
Люблю тебя!

Люблю тебя, какъ ты не воображаешь;
Любовь мою при смерти докажу:
Тогда-то, ты, тогда меня узнаешь.
Въ послѣдній разъ вздохнувъ, еще скажу:
Люблю тебя!

=

VI.

На голосъ: *Скучно, матушка, весною жить одной.*

Все бы, все бы подлѣ милой я сидѣлъ;
Все бы, все бы я на милую глядѣлъ;
Все бы умнымъ я рѣчамъ ея внималъ;
Все бы ручки я у милой цѣловалъ.
Ахъ! какъ милая любезна, хороша!
Что за умъ у ней, за сердце и душа!
Взглянетъ ласково, какъ будто подаритъ!
Что и музыка, когда заговоритъ?
Улыбнется — точно солнца свѣтный лучъ,
Какъ проглянетъ послѣ мрака изъ-за тучъ —
Какъ же милую мою мнѣ не любить?
Я хотѣлъ бы съ ней всю жизнь мою пробыть.
Я у ногъ ея хотѣлъ бы умереть,
Чтобы въ глазки ей еще разъ посмотрѣть!

=

VII.

НА ОТЪѢЗДЪ ВЪ ТВЕРЬ

(*Застольная*).

Собираются теперь
Въ городъ древній, славный Тверь.
Скоро тройку подхвачу
И какъ вихорь полечу —

А журналъ, стихи хоть кинь!
Ѣду, ѣду—динь, динь, динь,
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь. *)

Полно думать о стихахъ,
Надо думать о дѣлахъ,
Позабыть и музъ и дамъ,
Помнить только Вакховъ храмъ
Корректурѣ ужъ аминь!
Не до ней--динь, динь, динь,
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

А когда пріѣду въ Тверь,
То какъ страшный, лютый звѣрь,
Встрѣчу винныхъ продавцовъ.
Не потрачу съ ними словъ.
Чуть не такъ что́—тотчасъ вынь
И положь — динь, динь, динь, динь, динь.

Подниму въ Твери я носъ,
Буду лаять какъ Барбосъ:
А гдѣ нужно, тамъ согнусь
И въ лисицу превращусь.
Совѣсть! ты меня лишь кинь?
Слышишь? Чу! звѣнитъ динь, динь —
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

---

*) При словахъ: *динь, динь,* надобно стучать ножемъ по бакалу, или по стакану. Подобный refrain есть въ одной французской застольной пѣснѣ о Св. Людовикѣ.

О, любезные друзья!
Разстаюся съ вами я.
Какъ обязанъ я всѣмъ вамъ!
Просимъ милости въ Тверь къ намъ.
Ради всѣхъ боговъ, богинь,
Пріѣзжайте!—динь, динь, динь.
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

VIII.

ТЕТУШКИНА ПѢСНЯ.

Помни, умница Анета,
Маша, Сашенька-амуръ,
Что ученье въ юны лѣта
Вамъ всего, всего нужнѣй.

Поиграйте, порѣзвитесь,
Есть всему пора и часъ;
Но за то и поучитесь;
Я же—поцѣлую васъ.

Не пугайтеся ученья:
Лишь сначала тяжело.
Въ немъ найдете наслажденья
И спасеніе въ бѣдахъ.

Умъ ученье просвѣщаетъ
И насъ дѣлаетъ добрѣй —
Отъ пороковъ отвращаетъ.
Ну, за книжки поскорѣй!

=

IX.

БѢЖЕЦКАЯ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРСКАЯ ПѢСНЯ.

Сижу на кровати, а самъ я дремлю
И, кажется, носомъ я рыбу ловлю.

Въ рукѣ табакерка—ну, точно утюгъ.—(*)
И на полъ роняю со сна ее вдругъ.

И рабъ пробужденный паденьемъ сребра,
Никифоръ, въ просонкахъ, встаетъ вдругъ
съ одра.

Сперва табакерку онъ мнѣ подаетъ,
Подастъ, а меня на постелю кладетъ.

Покроетъ и скажетъ: „ну, спите, сударь,
Давно ужъ храпитъ и вашъ секретарь.“

Нюхну табачку, къ стѣнѣ обернусь,
А самъ то и дѣло крещусь да крещусь.

---

*) Всамомъ дѣлѣ фигура у этой табакерки утюгообразная.

Забудусь—и страшное вижу во снѣ:
То бѣсъ кривоносый представится мнѣ *).

«*Анеѳема*! *шельма*!» какъ Стенторъ кричу,
И по носу треснуть его я хочу.

То вижу отдатчиковъ, земскихъ, головъ
И рекрутовъ тощихъ, трехъ меньше вершковъ.

«*Затылокъ*!» Зачѣмъ вы даете такихъ?»
Гдѣ-жъ лучшіе? Дома оставили ихъ?

Въ сторонкѣ у двери отдатчикъ-холопъ
Такъ молитъ глазами, чтобъ крикнулъ я:
«*лобъ*.»

Вотъ съ просьбой мужикъ на колѣняхъ ползетъ,
И самъ Новиковъ мой ее не пойметъ,

Хотя въ протоколахъ острилъ онъ свой умъ:
Скоръ, быстръ, суетливъ, – притомъ же мнѣ кумъ.

Читаю молитвы во снѣ и стихи,
А все худо спится—ну, знать,—за грѣхи!

Засну и проснуся, зѣвну и вздохну
И нехотя вспомню про душку жену.

---

*) Historique.

Бывало недугъ, при ней — не недугъ:
Все легче какъ вмѣстѣ, какъ съ милой — самдругъ.

Не дай Богъ въ чужбинѣ, не дай Богъ хворать,
А хуже того еще—умирать.

Хотя-бъ кривоносый явился теперь
И снесъ бы на часикъ, иль на два меня въ Тверь.

Нѣтъ, видно, еще двѣ недѣли терпѣть,
А тамъ въ Волочокъ чрезъ Тверь полетѣлъ.

=

X.

ШЕНКУРСКАЯ РЕКРУТСКАЯ ПѢСНЯ.

На голосъ: *Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ.*

Ахъ, вы рекруты, вы удѣльные,
Что удѣльные, нескудѣльные,
Мускулистые, тѣломъ чистые!
Не тужите вы, ребятушки!
Ни по батюшкѣ, ни по матушкѣ!
Ни по душечкѣ, молодой женѣ,
Ни по маленькимъ крошкамъ-дѣтушкамъ!
У васъ батюшка—Православный Царь,

У васъ матушка – служба Царская,
Молода жена — пищаль мѣткая,
Мило дѣтище — троегранный штыкъ.
Послужите-ка вы, ребятушки,
Послужите вѣрой правдою
Царю Бѣлому, Православному
Николаю ли достохвальному!
Бережетъ солдатъ какъ дѣтей родныхъ,
Входитъ батюшка во всѣ нужды ихъ.
Обо всѣхъ болитъ, какъ отецъ родной,
Для Россіи лишь и живетъ одной!
Не Двина быстра всколебалася,
Не валы кипятъ, не валы шумятъ,
Какъ возговорятъ всѣ рекрутики,
Всѣ рекрутики да удѣльные,
Что удѣльные да Шенкурскіе;
„Мы докажемъ всѣ, что мы Русскіе!
Да на что же намъ и на свѣтѣ жить,
Коль не станемъ мы хорошо служить.
Куда Царь велитъ, туда мы пойдемъ,
За Царя-Отца мы хоть всѣ помремъ,
Царя мудраго, Православнаго,
Николая ли достохвальнаго!“

=

ПѢСНЯ *).

Пусть задорный нашъ Ѳадей
Отъ бездѣлья лаетъ
На свиней и на людей,
Сзади всѣхъ кусаетъ.
Я Ѳадею не спустилъ,
Въ полыньѣ его крестилъ:
Будетъ помнить вѣкъ меня
Крестный мой сыночекъ.
Пусть Павлушка мѣдный лобъ
Дураковъ морочитъ,
Лжетъ бездѣльникъ, какъ холопъ,
Обмануть всѣхъ хочетъ.
Я безстыднаго лгуна,
Вора Павла Скотина,
За языкъ, въ примѣръ другимъ,
На сосну повѣсилъ.

—

VII.

Я. В. ВИЛЛИЕ *).

Царева здравія блюститель,
Совѣтникъ тайный, баронетъ,

*) Въ полномъ собраніи сочиненій помѣщается въ первый разъ. „Р. С “, 1875 г,

**) Пѣты за ужиномъ у Кайдановыхъ на 1 е января 1825 г.

Глава врачей и покровитель,
Живи счастливо до ста лѣтъ!
Живи, почтенный баронетъ!
Живи и болѣе ста лѣтъ!

Бывало только и лѣчили
Одни лишь нѣмцы грѣшныхъ насъ;
Здѣсь медицинѣ не учили,
Но ты, ты намъ врачей припасъ.
Свои врачи у насъ ужъ есть:
Хвала, хвала тебѣ и честь!

Твои въ Россіи учрежденья
Большую пользу принесли,
И, съ Божьяго благословенья,
Жизнь тысячамъ людей спасли.
И не въ однихъ госпиталяхъ—
Вездѣ: на сушѣ, на моряхъ!

Душой ты истинный шотландецъ:
Плѣняешь сердца добротой;
Рѣшителенъ, смѣлъ какъ британецъ,
Въ дѣлахъ отличенъ правотой.
Что думаешь, то говоришь,
И за своихъ горой стоишь!

Всѣ при тебѣ служить желаютъ
И лѣкаря, и доктора;

Тебя всѣ любятъ, почитаютъ
Студенты и профессора —
Весь медицинскій факультетъ,
Не лжемъ мы право, баронетъ!

Хоть очень ты ученъ и знатенъ,
Не гордъ, однако, не спѣсивъ,
Въ бесѣдахъ веселъ, милъ, пріятенъ
И остроуменъ, и шутливъ.
Съ тобою весело служить.
Дай Богъ тебѣ сто лѣтъ прожить!

30-го декабря 1824 г

—

РАЗГОВОРЫ

=

I.

N. N и N.

N. N.

Здорово, братъ старикъ; ахъ, к
сѣ
Въ Коллегіи у васъ, чай, очень
N.
Служили вѣдь у насъ, такъ знае
Что заняты всегда бываемъ мы д
N. N.
Для этого-то я отъ васъ и переп
Что тяжело служить, а выгодъ н
Ты что къ Коллегіи, скажи, при
Зачѣмъ не перейти тебѣ въ друг
N.
Къ дѣламъ Коллегіи я болѣе пр

N. N.

Причина важная! чуденъ ты мнѣ, старикъ!
Ты жалованьемъ лишь однимъ живешь съ семьею,
Дохода ни рубля!... въ однихъ чинахъ съ тобою
Семь лѣтъ я былъ назадъ. Вотъ я тебѣ примѣръ:
Я *генералъ* теперь, а ты *штабъ-офицеръ*.
Ты принужденъ ходить пѣшкомъ въ такія лѣты!
Нѣтъ, я умнѣй тебя: двѣ у меня кареты,
Двѣ славныхъ четверни, два дома, два креста.

N.

А у меня, сударь, есть *совѣсть* и—*чиста*.

=

II.

МАТЬ и ДОЧЬ.

Мать.

Пріятную скажу тебѣ, Полина, вѣсть.

Дочь.

Скажите, маменька

Мать.

Женихъ хорошій есть.
Говорить о немъ хочу теперь съ тобою,

Дочь.

Вы видѣли его? хорошъ ли онъ собою?

Мать.

Вчера я у сестры играла съ нимъ въ бостонъ
И намъ понравился обѣимъ очень онъ;
Уменъ, достаточенъ и не простаго рода,
Князь...

Дочь.

А сколько лѣтъ ему?

Мать.

Да... шестьдесятъ два года.

Дочь.

Неужто вы меня хотите погубить?
Могу ли, маменька, я старика любить?

Мать

Да развѣ замужъ всѣ выходятъ ужъ по страсти?...

Дочь.

Старикъ! фи! фи!

Мать.

За то въ твоей онъ будетъ власти.
Сто тчсячъ съ деревень доходу одного!...

Дочь.

Сто тысячъ? маменька, иду я за него.

III.

ГРАФЪ N. и ЕГО СЕКРЕТАРЬ.

Графъ.

Послушай, а ргоров, что-жъ списки о чинахъ,
О награжденіяхъ, вещахъ и орденахъ?

Секретарь.

Я ночь сидѣлъ насквозь, извольте всѣ готовы.

Графъ.

Кого-жъ ты написалъ? (*пересматриваетъ*)
Семенъ и Петръ Вралёвы,
Мои племянники—ихъ должно поощрить,
Съ крестами, вѣрно, ужъ не станутъ такъ шалить.
За ними кто? Ба! ба! включилъ ты и Ослова!...
Да, вѣдь, побочный сынъ онъ князя Пустослова.
Ремизинъ! хорошо! играетъ по рублю.—
Вертушкинъ! ну! его не очень я люблю,
Графиня?.. (*морщится и потираетъ лобъ.*)

Секретарь.

Точно-съ такъ, еще вчера...

Графъ

Довольно!
Пускай и онъ идетъ, хотя другимъ и больно.
Мошнинъ! о молодъ онъ и какъ дать крестъ
купцу...
Да, правда, долженъ я еще его отцу...—
Чины теперь кому, посмотримъ: Езельману,
Ну! Нѣмецъ онъ, пускай—Лентягину Ивану,
Фролу Скотинину!.. какъ можно? онъ ду-
ракъ!

Секретарь.

Двоюродный мнѣ братъ.

Графъ.

Ну! развѣ быть ужъ такъ!
(*Подписываетъ.*)

=

IV.

ДЯДЯ и ПЛЕМЯННИКЪ СЛАВЯНОФИЛЫ.

Племянникъ.

Почтенный дядюшка, наставникъ мой и другъ,
Не льзя-ль мнѣ какъ попасть въ твой любо
словный кругъ?
Любитель ревностный Россійскаго я Слова.

Хочу и я писать, бумага ужъ готова,
Есть скляница чернилъ и перьевъ пукъ
великъ.
Что́ надобно еще?

Дядя.

Знать надобно языкъ

Племянникъ.

Какой?

Дядя.

Свой собственный: Россійской иль Славянской.
Читай ты Библію да Патерикъ Печерской,
Миней Четіи; церковную печать
Всего нужнѣе намъ, словесникамъ, читать.

Племянникъ.

Но для чего, скажи, такое нужно чтенье?

Дядя.

Чтобъ старыя слова вводить въ употребленье.

Племянникъ.

Какихъ употреблять не должно вовсе словъ?

Дядя.

Чужихъ, иль проклятъ будь ты во́ вѣки вѣковъ.

Племянникъ.

А позволительнымъ бываютъ солицизмы?

Дядя.

Все это ничего и даже галицизмы.
Простителенъ тому Французскій оборотъ,
Кто съ тщаніемъ слова Славенски подберетъ
Противны языку слова чужеязычны,
А обороты всѣ ему весьма приличны

Племянникъ.

Что́ нужно для стиховъ?

Дядя.

Тутъ тайна лишь одна,
Чтобъ риѳма кончилась всегда на имена;
Для прозы же нужна краса другаго рода.

Племянникъ.

Какая?

Дядя.

Чтобъ глаголъ въ концѣ былъ періода.

Племянникъ.

Что-жъ долженъ я писать? подай ты мнѣ совѣтъ.
Не можно-дь о любви?

Д я д я.

Коль о плотской. то нѣтъ.
И въ прозѣ и въ стихахъ хвали языкъ и вѣру,
Любовь къ отечеству и ставь намъ для примѣру
Пожарскихъ, Мининыхъ; всѣхъ предковъ тормоши.
Хоть проза и стихи не будутъ хороши,
Но цѣль хорошая, а этого довольно!

Племянникъ

Признаться, дядюшка, немножко будетъ больно,
Въ народныхъ коль листахъ иль въ дневникѣ какомъ
Пожалуютъ меня печатнымъ дуракомъ.

Д я д я.

Ты будешь мученикъ. Мужайся и крѣпися!
Въ броню лукавствія поспѣшно облекися;
Возьми безстыдства щитъ и на своихъ враговъ
Сыпь сотни, тысящи старинныхъ бранныхъ словъ;
Кричи: „анаѳема! злодѣи! изувѣры;
„Враги отечества и православной вѣры!
Влеките ихъ на казнь! влеките на костеръ!“
Мы подтакнемъ тебѣ и скажемъ: *какъ остеръ*!

Племянникъ.

А если на мое такое возраженье
Послѣдуетъ еще другое пораженье
И нечего уже мнѣ будетъ отвѣчать,
Что̀ дѣлать мнѣ тогда?

Дядя.

Что̀ дѣлать?... *замолчать*!

=

V.

БОГАТЫЙ и БѢДНЫЙ.

Бѣдный.

Я бѣдный человѣкъ, безъ мѣста пять ужъ лѣтъ;
Старуху мать, жену, двоихъ дѣтей имѣю;
Работать не могу, одной руки вотъ нѣтъ,
Да и другою я едва, едва владѣю.
Трудами рукъ своихъ кормила насъ жена –
И та вотъ при смерти лежитъ теперь больна.
Мы просимъ облегчить гнетущее насъ бремя...
Изъ милосердія нельзя-ль дать что̀ нибудь
Голоднымъ симъ птенцамъ....

Богатый.

Пришелъ ты не во время:
Вотъ видишь я поѣлъ, мнѣ надобно уснуть.

=

VI.

ЦЕНСОРЪ и СОЧИНИТЕЛЬ.

Сочинитель.

На разсмотрѣнье вамъ принесъ я сочиненье.

Цензоръ.

Садитесь, сдѣлайте-съ, прошу васъ, одолженье.
А какъ-съ заглавіе, позвольте васъ спросить?

Сочинитель.

О Разумѣ.

Цензоръ.

Никакъ-съ не можно пропустить.
О Разумѣ! нельзя-съ; оно умно, прекрасно,
Но разумъ пропускать, ей Богу! намъ опасно.

Сочинитель.

Извольте напередъ съ вниманіемъ прочесть

Цензоръ.

Пожалуйте-съ *(беретъ рукопись)* вотъ здѣсь и карандашикъ есть,
Чтобъ замѣчать мѣста,—съ насъ взыскиваютъ строго.
(Читаетъ).
Позвольте-съ мнѣ у васъ здѣсь вымарать немного.

Невѣжда судія! За что-съ судей бранить?
Не льзя ли съ право какъ нибудь перемѣнить?
Подумайте-съ

Сочинитель.

Тутъ нѣтъ противнаго Уставу.

Цензоръ.

Конечно-съ, только мнѣ невѣжда не понраву.
Поставьте лучше вы *надмѣнный* судія.

Сочинитель.

Что́-жъ выдетъ изъ того? сумбуръ, галиматья!

Цензоръ.

Ну-съ! очень хорошо, покаместь я оставлю,
А только-съ черточку карандашемъ поставлю.
(*Читаетъ далѣе*).
Прекрасно пишете.... у васъ слогъ очень чистъ....
Что это? нѣтъ-съ нельзя! *безумный журналистъ*!
Тутъ-съ личность, пропустить не можно, воля ваша!

Сочинитель.

Помилуйте....

Цензоръ.

Да нѣтъ-съ, велитъ такъ должность наша.

Сочинитель.

Клянусь, что личности тутъ нѣту никакой.

Цензоръ.

Быть можетъ, журналистъ и сыщется такой.

Сочинитель.

Такъ что-жъ?

Цензоръ.

Такъ-съ очень можетъ статься,
Что право будетъ онъ имѣть симъ обижаться.

Сочинитель.

Пусть обижается, а мнѣ что до того.

Цензоръ.

Ей-Богу! обижать не должно никого.
Достанете вражду черезъ такую вольность,
А лучше сохранить во всемъ благопристойность.

Сочинитель.

Врагами дураковъ имѣть я не боюсь
И наставленій брать отъ васъ не соглашусь.

Цензоръ.

Я право съ такъ сказалъ, меня вы извините,
Я уважаю васъ.

Сочинитель.

И я.

Цензоръ.

Перемѣните
Изъ дружбы хоть ко мнѣ.

Сочинитель.

Вамъ хочется шутить?

Цензоръ.

Безъ этого никакъ не можно пропустить.

Сочинитель.

Скажите, почему?

Цензоръ.

Да пропустить опасно.

Сочинитель.

Я вижу, что писалъ я цѣлый годъ напрасно.
Пожалуйте мою мнѣ рукопись назадъ.

Цензоръ.

Я право пропустить ее охотно радъ,
Мнѣ очень нравится, но сами посудите...
Вы такъ упрямитесь, поправить не хотите...
Ну! что замѣчу я, такъ выкиньте то вы.

Сочинитель (*беретъ рукопись*).

Что-жъ будетъ за уродъ безъ рукъ и головы

Ценсоръ.

Есть новый у меня одинъ романъ фран-
цузской—
Жанлисъ, не то Радклифъ. Не худо бы на
русской
Перевести его. Я вамъ сейчасъ сыщу.

Сочинитель (*кланяется и уходитъ*).

Не безпокойтеся.

Ценсоръ (*въ слѣдъ ему*).

Я все тамъ пропущу.

=

ПОСЛАНІЯ.

I.

НА ОТЪѢЗДЪ ПРІЯТЕЛЯ ВЪ МОСКВУ

И такъ ты нынѣшней весною
Не ѣдешь къ Ревельскимъ Водамъ?
И хорошо! Что дѣлать тамъ?
Сравняться-ль Ревелю съ Москвою?
Чужой во Ревелѣ народъ;
Ѣдятъ сосиськи, буттербродъ,
Биръ-супъ, воздушные салаты...
Шесть блюдъ не стоютъ саламаты...
Все по-нѣмецки говорятъ
И цѣлый день табакъ курятъ!—
Въ Москвѣ же Русскіе прямые,
Все хлѣбосолы записные!
Какіе же тамъ калачи!
Ужъ нѣмцамъ такъ не испечи!
А бархатное черно пиво?
Уже не портеру чета!
Какая сладость, густота

И крѣпость!... не питье, а диво!
C'est á Moscou qu'on fait bombance:
Садись скорѣе въ дилижансъ;
Но не забудь ты взять въ дорогу
Съ собой бутылокъ шесть винца —
Въ дорогѣ надо пить, ей-Богу!—
Послушай толстаго пѣвца.
Въ Москву пріѣдешь—помолися
Угодникамъ святымъ за насъ;
Молись, но только не постися
И, не отъѣвшись, не женися;
А коль отъѣшься—въ добрый часъ!
Гуляй и веселись на волѣ,
Поболѣ пей и ѣшь поболь,
Чтобъ не болѣла голова;
Ходи обѣдать чаще въ гости
Да тукомъ облекутся кости,
И будешь соченъ какъ трава,
Иль злакъ на пажитяхъ весною.
Назадъ пріѣдешь—всѣ со мною
Тебѣ восклинутъ: *вотъ Москва!*
Ступай же съ Богомъ, отправляйся
И насъ въ Москвѣ не забывай;
Въ Москвѣ недолго заживайся
И въ Петербургъ къ намъ пріѣзжай
На новую свою квартиру,
Да привези по калачу.
А я, какъ должно ремачу,

Примусь тогда, примусь за лиру...
Какая лира, чортъ! шучу.
Играть на лирѣ не умѣю—
Перомъ—и то кой-какъ владѣю:
За то умѣю я любить
И уважать людей почтенныхъ;
За ихъ здоровье радъ я пить
И *добрыхъ* радъ въ стихахъ хвалить.
А для лукавыхъ и надмѣнныхъ,
Пока въ умѣ, пока дышу,
При случаѣ-жъ и укушу.
Ни крокодиловъ, ни лягушокъ
Надувшихся я не терплю,
Равно какъ хвастуновъ Павлушекъ;
А честныхъ, скромныхъ всѣхъ люблю!
Тебя люблю и уважаю
И отъ души тебѣ желаю
Здоровья, всякаго добра.
Ура, пріятель нашъ, ура!

=

II.

М. Ѳ. О.

НА ОТЪѢЗДЪ ЕГО ИЗЪ ТВЕРИ.

Прости, дивизія шестая!
Прости, добрѣйшій генералъ!
Прости, скажу еще вздыхая!
Какъ насъ въ Твери ты утѣшалъ!

Чтобъ безъ тебя былъ нашъ воксалъ? *)
Твои Орфеи-музыканты
Обворожали тамъ нашъ слухъ,
А офицеры, адъютанты
Тверь обращали въ Петербургъ.
При нихъ и нашъ воксалъ убогой
Вѣдь походилъ на Лѣтній Садъ,
Большой аллеей, иль дорогой,
Гдѣ по краямъ стояли въ рядъ
Купцы брадаты, величавы,
Смиренны дѣвы, златоглавы **),
Ихъ маменьки въ цвѣтныхъ платкахъ
Съ двумя концами на спинахъ.
Куда ни обратимъ мы взоры,
Гдѣ, гдѣ у насъ теперь танцоры?
Одинъ уланъ лишъ мазуристъ!
Теперь хоть не танцуйте, дамы!
Играйте всѣ въ бостонъ, да въ вистъ!
Изобрѣтатель гидрорамы

*) Воксалъ, или публичный садъ въ Твери, достопримѣчателенъ тѣмъ, что при устройствѣ онаго столько посажено деревьевъ, сколько было дворянъ при открытіи Тверскаго Намѣстничества. Преданіе увѣряетъ, будто каждый дворянинъ посадилъ по дереву.

**) Тверскія дѣвицы носятъ остроконечныя шапочки изъ золотой парчи, а замужнія повязываютъ на головы большіе платки, которые сзади распускаются двумя широкими концами.

Усатый Краузе мудрецъ *)
Когда-бъ въ стаканчикѣ съ водою
Представить могъ предъ тобою
Все, что у насъ внутри сердецъ:
То право бы ты удивился,
Какъ мы привязаны къ тебѣ.
Приворожилъ ты насъ къ себѣ.
Хоть ты давно съ двумя звѣздами
И заслуженный генералъ;
Но ты не важничалъ предъ нами
И носа вверхъ не поднималъ.
Не важничалъ и не гордился
Съ душой открытою, прямой
Въ Твери ты съ нами обходился.
Какъ жаль, что ѣдешь ты домой!
Дай Богъ тебѣ съ твоей подругой,
Съ твоею умницей супругой,
Всѣхъ радостей, всѣхъ благъ земныхъ
Прости!.. позволь себѣ сжать руку.
П..... въ поруку
Даю, что точно какъ родныхъ
Мы любимъ васъ и почитаемъ

*) Соперникъ знаменитаго Пинетти, бывшій во многихъ столицахъ Европы и даже въ Персіи. Гидрорама—ящикъ, въ который вставливается стаканъ воды. Въ немъ, посредствомъ оптики, представляются въ уменьшенномъ видѣ настоящіе предметы, животные, люди.

И вамъ всего добра желаемъ.
Ты истинный христіанинъ,
Или тотъ *Израильтянинъ*
Правдивый, *въ немъ же лести нѣту.*
Повѣрь нельстивому поэту.
Прости же, Богъ съ тобой, прощай!
И къ намъ опять въ Тверь пріѣзжай.

=

III.

КАШИНСКИМЪ и КАЛЯЗИНСКИМЪ РЕКРУТАМЪ

Здравствуйте, ребяты!
Бравые солдаты!
Полно, не тужите:
Царю послужите.
Царь у насъ правдивый,
Добротолюбивый.
Доброму насъ учитъ,
А солдатъ не мучитъ,
Бережетъ, покоитъ
И кормитъ и поитъ,
Тепло одѣваетъ,
Всѣ ихъ нужды знаетъ.
Грѣхъ Царю такому
Не служить всей правдой.
Братцы! одолжите:

Хорошо служите.
Постарайтесь, други,
Чтобъ васъ похвалили
И всѣмъ говорили:
„Кашинской округи
Славные ребяты
Рекруты солдаты.
Калязинцы тоже.
Дай этого, Боже!“
Ну, братцы, простите!
Въ Бѣжецкъ намъ пора!
Полно, не грустите.
Кликните-жъ *ура*!
Отцу-Государю
Царю Николаю.

=

IV.

Къ N. N. о САДѢ Г. ..

Бывали-ль вы когда у Г. . . . . въ саду?
Неужли не бывали?
Такъ ничего вы не видали!
Какой тамъ памятникъ чудесный на пруду! [1]
Нѣтъ, сходимте туда: хозяинъ мнѣ пріятель,
Предобрый человѣкъ, отличнѣйшій писатель,
Творецъ прекрасныхъ драмъ: *Любимъ* и *Валерьянъ*, [2]

Ельвира и *Иванъ*.

Есть у него въ саду фонтанъ,
Который бьетъ вверхъ три аршина; [3]
Есть и молочница [4] и ручка отъ кувшина;
Есть разныя статуи: Улиссъ, Аяксъ, Вольтеръ,
Діана, Пиѳагоръ, Румянцовъ и Гомеръ; [5]
Однѣ изъ мрамора, другіе же изъ глины;
Клоринда, въ шишакѣ, съ копьемъ, изъ чугуна.
Куда ни поглядишь—прелестныя картины!
Представьте: три горы—одна
Блеститъ цвѣтными изразцами;
Флагъ вѣетъ на другой; на третьей видѣнъ храмъ,
Сооруженный въ честь Парнасскихъ милыхъ дамъ. [6]
Весь прудъ заставленъ кораблями.
У пристани есть *ботъ*
Чтобы *перевозить народъ*. [7]
На крѣпостномъ валу стоитъ солдатъ въ мундирѣ;
Три пушки близь него, а чуть ли не четыре.
Внизу, въ стѣнѣ, сидитъ пасторъ
За крѣпкою рѣшеткою желѣзной.
Читаетъ Библію—похвальный трудъ, полезный!

А прямо черезъ прудъ мѣщанъ брадатыхъ [8]
хоръ;
Супруги, дѣтки ихъ вокругъ качель тол-
пятся;
Иныя вверхъ летятъ, другія же вертятся;
Тутъ слышишь смѣхъ, тамъ вопль и
стонъ.
На право павильонъ.
Чего нѣтъ въ этомъ павильонѣ?
Статуи, билліардъ и надпись на фронтонѣ:
Далеко не зачтемъ, коль хорошо и здѣсь. [9]
По воскресеньямъ вечеръ весь
Музыка громкая играетъ;
Хозяинъ пудреный, [10] какъ петушекъ гу-
ляетъ
А въ клѣткѣ попугай [11] кричитъ: *дуракъ!*
дуракъ!
Всѣ могутъ въ садъ ходить, [12] но только
безъ собакъ. [13]

=

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Первой его супругѣ, съ сею краткою и выразительною надписью: *Маріи, другу любви и вѣрности*. Памятникъ сдѣланъ изъ прочной глины и обсаженъ красивыми елками вмѣсто кипарисовъ.

[2] Есть у него еще двѣ драмы: *Ельвира*, или *Роза*, въ которой театръ представляетъ *молодую Турчанку*, стоящую на колѣняхъ, и *Джонъ*, *или Иванъ*. Въ сей послѣдней драмѣ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ находятся: *Городское правленіе*, *Прескотъ*, *Львица*, и проч. и проч. Дѣйствіе происходитъ на Антильскихъ островахъ неподалеку отъ морскаго берега, близъ возвышенной горы, на степи Сары.

[3] Не на три, а на четыре аршина. Такъ увѣряетъ Е. Ѳ. Г., всѣ его дѣти и служители.

[4] Сдѣланная на Охтѣ неизвѣстно изъ какого дерева, за 10 р.

[5] Есть еще Каракалла, Фридерикъ II, Юлій Цезарь, Павелъ I, и проч.

[6] Первая гора не имѣетъ, кажется, никакого названія, а можно назвать ее *муравленымъ царствомъ*; вторая именуется *Древлянкою*, а третія *Парнассомъ*.

[7] Сіи два стиха заимствованы изъ притчи Графа Д. И. Хвостова.

[8] Кромѣ мѣщанъ бываютъ тутъ и купцы 3-й и даже 2-й гильдіи, въ томъ числѣ нѣкоторые безъ бородъ. Другъ хозяина, толстый и неуклюжій издатель *Благонамереннаго*, качался однажды здѣсь на новыхъ *парижскихъ* качеляхъ и отъ тяжести его едва не оборвалась одна сидѣлка.

[9] *Не зачѣмъ далеко и здѣсь хорошо*.—Въ самомъ дѣ-очень, очень хорошо.

[10] Е. Ѳ. Г. пудрится и носитъ на шеѣ голубой платокъ. Онъ можетъ сказать о себѣ то же самое, что и В. Л. Пушкинъ:

„Я съ возвышенною хожу всегда главою.“

[11] Въ торжественные праздники ставится обыкновенно въ саду Е. Ѳ. Г. клѣтка съ попугаемъ у четырехъаршиннаго фонтана.

[12] Е. Ѳ Г. записываетъ своеручно на особомъ листѣ знаменитыхъ писателей, начиная съ 5 класса.

[13] На заднихъ воротахъ сада была прежде надпись: *для добрыхъ, честныхъ и безъ собакъ*. По сей причинѣ долго не рѣшался идти въ этотъ садъ извѣстный *патріотъ-писатель* П. П. С....

V.

ПРОЩАНІЕ СЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ.

Прости, Архангельскъ узкій длинный!
Прости, широкая Двина!
Простите берега картинны!
Спѣшу: ждутъ дѣти и жена.
Простите, съ *вышками* [1] хоромы!
Простите, маленькіе домы,
О коихъ увѣрялъ Свистинъ,
Что *съ вышкой* домъ такой одинъ
Обходится здѣсь не дороже,
Какъ въ 40, 50 рублей;
Прости ему, великій Боже!
Безъ умысла солгалъ злодѣй! [2]
Простите, длинные амбары,
Прости, большой Двинской обрубъ, [3]
Досчаты, гладки тротуары, [4]
И вы, кѣмъ красится такъ клубъ,
Голаночки и Англичанки,
И Нѣмочки и Россіянки,
Утѣха для души и глазъ!
Возможно ли забыть мнѣ васъ,
Особенно игралъ съ кѣмъ въ фанты?
Простите вы, негоціанты,
Почтенны мужи, старики!
Простите, хваты-моряки!
Какъ птицы прилетите съ хладомъ:
Потомъ опять на море стадомъ.

А слезки сколько разъ текли,
Какъ отъѣзжали корабли?
Простите, добрые граждане,
Чиновники, купцы, мѣщане,
И православные крестьяне! [5]
Спаси Господь васъ отъ бѣды,
Отъ бурь, огня и отъ воды,
Въ *Калинники*-жъ [6] отъ града, мраза,
Отъ гадовъ вредныхъ, отъ *кота*
Морскаго, [7] что страшнѣй кита,
Страшнѣй, *чѣмъ моръ*, или зараза.

=

VI.

САРАТОВСКОМУ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРУ *).

Имѣю честь
Препроводить при семъ бумаги десть,
Почтовой и простой, картузной и галандской,
Отборныхъ перьевъ, сургучу,
Иголокъ, ниточекъ, шолкъ лучшій шемоханскій.
За честь почту себѣ, когда я получу
Отъ васъ на это отношенье,
Квитанцію или увѣдомленье.
Свидѣтельствую вамъ отличное почтенье,
Казначей N. N.

*) „Р. С.“ 1875 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] *Вышка*—свѣтелка, теремъ, мезонинъ.

[2] Барка, достаточная на построеніе маленькаго домика, продается иногда въ Архангельскѣ отъ 40 до 50 р.; но весь домикъ, съ работою и необходимыми къ нему принадлежностями, обходится въ 300 и 400 руб.

[3] *Обруб.*—деревянное укрѣпленіе берега, набережная.

[4] Превосходные деревянные тротуары устроены въ Архангельскѣ при нынѣшнемъ Генералъ-Губернаторѣ, (1830) и не только лѣтомъ, но осенью и зимою содержатся всегда въ примѣрной чистотѣ и исправности.

[5] Вообще крестьяне въ Архангельской губерніи набожны, особенно въ Шенкурскомъ уѣздѣ. Въ немъ нѣтъ раскольниковъ или старовѣровъ. Каждый крестьянинъ дважды въ годъ служитъ обѣдни по *родителямъ*: въ день ихъ смерти и въ день именинъ.

[6] Въ Архангельской губерніи есть пословица: „проноси Господи *калинники*“ (29 Іюля бываетъ память мученика *Калинника*) *морокомъ*, т. е. туманомъ сыростью. Около этого времени бываютъ иногда морозы, которые истребляютъ поспѣвающій къ жатвѣ хлѣбъ. Есть тамъ и другая пословица, что *хлѣбъ въ восемь недѣль поспѣваетъ изъ закрома въ закромъ*.

[7] Есть повѣрье между простымъ народомъ, что изъ Сѣвернаго Океана выйдетъ въ Архангельскую губернію жадной *морской котъ*, который поѣстъ много народа, но послѣ и самъ молитвами Соловецкихъ чудотворцевъ погибнетъ. Подобно сему разсказываютъ будто въ окружающихъ Сійскій монастырь (Арх. уѣзда) семидесяти семи озерахъ, имѣющихъ между собою сообщеніе, водилась огромнѣйшая щука, которая таскала съ береговъ и глотала не только ребятъ но даже взрослыхъ людей, коровъ и лошадей. Въ монастырѣ, какъ я отъ многихъ слышалъ, показываютъ чрезмѣрной величины рыбью челюсть, или зубъ, едва ли не позвонокъ изъ хребтовой кости, на которомъ можно сидѣть какъ на стулѣ.

ЗАСТОЛЬНЫЕ.

—

I.

КУПЛЕТЫ ИМЯНИННИЦѢ.

Тебя всѣ любятъ, уважаютъ;
Отъ сердца и души желаютъ:
Чтобъ ты столь счастлива была,
Сколь ты умна, добра, мила.

Изчезнетъ юность съ красотою;
Но умъ, любезность съ добротою
Плѣняютъ насъ и въ зиму лѣтъ —
Безъ нихъ прямаго счастья нѣтъ.

Живи вѣкъ счастливо съ родными;
Ты искренно любима ими:
Родные—лучшіе друзья—
Тамъ рай, гдѣ добрая семья.

Тамъ рай, гдѣ умная супруга
Найти умѣетъ въ мужѣ друга —
И избранный тобой супругъ
Тебѣ, конечно, будетъ другъ.

Да Граціи усѣютъ сами
Путь жизни для тебя цвѣтами,
И чтобы всѣ сіи цвѣты
Прекрасны были такъ, какъ ты!

=

II.

ВНУЧКѢ-ИМЯНИННИЦѢ.

Любезная моя смуглянночка, Пашета!
Чего бы пожелать въ твои младыя лѣта?
Желаю... угадай... желаю... жениха!...
Но изумленіе на всѣхъ я вижу лицахъ!
Нѣтъ молода еще! ха! ха!
И можно посидѣть тебѣ лѣтъ пять ва дѣвицахъ.
Дѣвическая жизнь, ей-Богу! хороша;
Спроси у бабушки Натальи
Ефимовны, моя душа.
А нынче женихи—не всѣ, но есть канальи:
Иной не стоитъ и гроша
И жениться не изъ любви,
А изъ чего?... изъ барыша!
Худой мужъ хуже злой свекрови.
Не всѣ вѣдь таковы мужья
Какъ папенька да.... я:
Такихъ мужей, какъ мы, ей-Богу, очень мало!
Со свѣчкой поискать!

Ни въ Моховой, ниже въ Басейной не бывало!
Чего-жъ въ день имянинъ твоихъ мнѣ по-
желать? —
Желаю я тебѣ скорѣе доучиться
И на экзаменѣ предъ всѣми отличиться.
Желаю отъ души Пашеточкѣ добра
И мужа.... какъ придетъ пора.
У-ра!

=

III.

СЫНУ МОЕМУ, МИШѢ.

Отеческое поздравленіе и наставленіе въ день его имянинъ.

Тебя, тебя мы, поздравляемъ,
Студентъ Измайловъ, великанъ!
Быть докторомъ тебѣ желаемъ,
Чтобъ ты набилъ себѣ карманъ.
Старайся ты больныхъ лѣчить,
Чтобъ больше денегъ получить.

Вставай ты по утрамъ раненько
И въ Академію спѣши,
Сиди на лекціи чинненько,
Не спи—но слушай и пиши
Все, что съ каѳедры говорятъ,
Какъ правильно людей морятъ.

Когда-жъ дадутъ тебѣ ножъ въ руки,
Вотъ тутъ-то покажи себя:
Рѣжь мертвецовъ на мелки штуки,
Рука не дрогнетъ у тебя.
Рѣжь, Миша, будь же молодецъ:
Похвалитъ тетка, мать, отецъ.

Когда-жъ окончишь ты ученье,
Получишь полный аттестатъ:
Тогда примися за лѣченье;
Мори людей, какъ всѣ морятъ.
Мори, по правиламъ, мори
И денежки за то бери.

Умѣй продлить болѣзнь подолѣ,
Когда твой пацiентъ богатъ;
Получишь за труды поболѣ,
Да и аптекарь будетъ радъ.
Аптекарь—нужный человѣкъ!
Бери, бери оброкъ съ аптекъ!

Пускать всѣмъ пыль въ глаза старайся,
Глубокомысленнымъ кажись,
Хвали себя и наживайся;
Съ отцомъ и съ матерью дѣлись.
Дастъ Богъ тебѣ за то добра!
Ура, нашъ Михаилъ, ура!

IV.

В. И. ПАНАЕВУ.

Silence! silence! Шампанское готово!
Но чуръ еще не пить: хочу *имѣть* я *слово*.
Вѣдь именинникъ-то поэтъ
И жилъ въ Аркадіи съ пѣвцами-пастухами:
Такъ надобно его поздравить намъ стихами.
Что? Есть ли у кого куплеты, иль сонетъ?...
Нѣтъ!
Со мною есть стишки, но только, между нами,
Не слишкомъ хороши.
Аркадинъ! другъ мой, братъ, тебя я поздравляю.
Отъ всей моей души!
Такъ счастливо тебѣ съ Филлидой *) жить желаю,
Какъ въ золотой живали вѣкъ.
Живи подолѣе: ты добрый человѣкъ.
Кто добръ, тотъ и полезенъ,
А ты еще притомъ уменъ да и любезенъ—
Ну какъ не уважать тебя и не любить?
Соперниками были **)
(Мнѣ этого не позабыть)

---

*) Такъ называетъ онъ свою супругу.

**) Въ одномъ дружескомъ литературномъ обществѣ.

И тутъ другъ друга мы любили,
Другъ другу правду говорили.
Ты идиллистъ,
Я фабулистъ—
Поэты оба мы; во мнѣньяхъ, вкусахъ сродны.
Люблю тебя, люблю за сердце, умъ и нравъ,
За образъ мыслей благородный,
За твердый характеръ. — Порукой Владиславъ
Княжевичъ съ братьями, что я не лицемѣрю.
Гораздо-бъ лучше я и больше написалъ,
Но утромъ нынчѣ мнѣ Трещоткинъ помѣшалъ—
О честности своей часъ цѣлый толковалъ,
Да я ему не вѣрю.
Итакъ, любезный другъ и мой названный брать,
Вивать!

=

V.

П. Ѳ. ОСТОЛОПОВУ.

Въ день твоего, почтенный кумъ, рожденья
Нельзя не сдѣлать мнѣ стихами поздравленья;
И я поэтъ, и ты поэтъ,
И дружны мы съ тобой не много... тридцать лѣтъ.

Директоръ ты, а я—Начальникъ Отдѣленья...
Но что Директоры другіе предъ тобой?
Ихъ власть лишь только надъ дѣлами,
Надъ канцелярскими столами,
Секретарями и писцами;
А ты, ты избранъ, кумъ, всемощною Судьбой
Повелѣвать всѣмъ, всѣмъ и даже.... мертвецами,
Стихіями, богами! *)
Захочешь—и Зевесъ
На сцену низойдетъ съ небесъ;
Зимою явится лужокъ, Зефиръ и Флора,
А ночью Фебъ, или Аврора.
Захочешь—явится вдругъ домъ,
Иль храмъ на мѣстѣ сада.
Велишь—и грянетъ громъ
И грозны Фуріи вдругъ выскочатъ изъ ада,
И море закипитъ,
И выплыветъ огромный китъ
Съ разверстою, широкой пастью!
О, кумъ! своею властью
Ты превзошелъ всѣхъ колдуновъ.—
Не нахожу я словъ,
Чтобъ выразить тебѣ мое все изумленье....
Прими-жъ отъ кума поздравленье:
Дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ

*) Въ то время былъ онъ Директоромъ С.-Петербургскаго Театра.

И праздновалъ свое рожденье
Съ почтенной кумушкой еще разъ пятьдесятъ...
Нѣтъ, мало!.... шестьдесятъ.—
Дай Богъ отъ дѣтокъ вамъ большое утѣшенье...
Еще чтобъ въ заключенье?...
Хорошее.... имѣнье.
Услыши Господи, услышь мое моленье:
Пошли имъ всякаго добра!
Теперь и пить пора!
Ура!

=

VI.

Я. К. КАЙДАНОВУ.

Что, сколько?—Сорокъ семъ, племянничекъ тебѣ?
Благодареніе судьбѣ!...
И мнѣ чрезъ три недѣли
Тожъ стукнетъ!... Вотъ ужъ мы довольно посѣдѣли,
А любимъ все съ тобой красавицу одну
Не меньше, чѣмъ законную жену....
Да нечего краснѣть!... Сказать ли, кто такая?
Вѣдь сора изъ избы отсель не унесутъ.
Она, сударыня, уже не молодая,
Не модница, бѣдна, босая и нагая,
А благородная!... Что долго думать тутъ?

Ее всѣ *Истиной* зовутъ;
Ее-то любимъ мы сердечно
И наша къ ней любовь продлится вѣчно,
вѣчно!—
Вотъ я хоть и поэтъ
И изъ поэтовъ дамскихъ главныхъ—
Случалось мнѣ писать стишки для дамъ
тщеславныхъ:
Но льстилъ ли имъ когда въ стихахъ?—По
чести, нѣтъ!
Не дай Богъ нравиться посредствомъ низкой
лести:
Противно это чести!
И ты, племянничекъ, душею не кривишь:
Что чувствуешь, то говоришь,
А ежели чего въ глаза сказать не можно,
То дѣлать нечего—ужъ промолчать тутъ
должно ...
Но противъ совѣсти хвалить,
Избави Господи! Да лучше вѣкъ не пить!
Вотъ вышли дочки наши:
Большія двѣ—мои,
Двѣ маленькихъ—твои:
Лизета, Энинька—лишь нѣтъ одной Наташи.
Та съ шифромъ, такъ горда
И не пришла сюда,
А впрочемъ умная дѣвица!
Хоть ростомъ и мала,

Однако же, мила,
Да и смѣла!
Притомъ она читать большая мастерица.
Мы годика три погодимъ,
Да замужъ всѣхъ ихъ отдадимъ.
Дай Богъ, чтобъ замужемъ онѣ счастливы были
И чтобы ихъ мужья
А наши, какъ-бишь? да.... зятья
На насъ душой и нравомъ походили.
Придетъ и Олинькѣ такая-жъ череда!
Да гдѣ-жъ она? Давай ее сюда,
Давай сюда ее, плутовку.
Ну, Оля! поцѣлуй ты папеньку въ головку
И въ губки и въ глазокъ,
А тамъ и дѣдушку хотя одинъ разокъ.
Да здравствуетъ новорожденный!
Да здравствуетъ хозяинъ нашъ почтенный!
Дай Богъ ему и всей его семьѣ добра!
Ура!

=

VII.

НОВОБРАЧНЫМЪ N...

Примите вы мое сердечно поздравленье:
Да низпошлетъ Господь на васъ благословенье

Да низпошлетъ вамъ чадъ! —
Что? веселъ, новобрачный, радъ?
Совѣтую тебѣ, какъ другу,
Со всею нѣжностью любить свою супругу,
Примѣръ другимъ мужьямъ собою подавать
И ручки каждый день разъ по сту цѣловать,
Глядѣть ежеминутно въ глазки,
Заслуживать всѣ ласки
И такъ вести себя, какъ будто ты женихъ;
А на дѣвицъ и женъ чужихъ
Смотрѣть тебѣ совсѣмъ не должно...
Иль изрѣдка и осторожно.—
А вамъ позволите-ль дать маленькій совѣтъ?—
Вашъ мужъ не только что писатель,
Но и — сказать ли все? — Поэтъ!
Поэтъ — не то, чтобы простой стихослогатель,
И слѣдовательно — *мечтатель!*
Поэты лучшіе мужья....
А здѣсь, иль нѣтъ, жена моя?...
Любить они умѣютъ,
Но странности свои и слабости имѣютъ:
Ихъ надобно держать въ рукахъ.
Не обходитеся съ нимъ строго,
И воли не давайте много,
Отчета требуйте во всѣхъ его дѣлахъ
И аккуратно ревизуйте—

По временамъ штрафуйте;
Коль будетъ хорошо вести себя — цѣлуйте.—
И—поцѣлуйте-ка его теперь при насъ.

=

VIII.

КУМЪ-СТИХОТВОРИЦѢ. *М. Б. Д.*

Чего бы въ день рожденья
Почтенной кумушкѣ, чего-бъ ей пожелать?
Дано ей все отъ Провидѣнья,
Что можетъ счастіе въ сей жизни составлять:
Супругъ у ней и ласковый, и вѣрный,
Отецъ же — такъ примѣрный:
Любезенъ, добръ, уменъ, ученъ
И мастеръ въ вистъ играть, не только-что бостонъ.
А дѣтки умницы какія,
Особенно Людмила и Эрастъ—
Не всѣмъ такихъ Богъ дастъ!
Какъ милы Александръ, Викторушка, Софія!
Счастливица кума!
Надѣюсь, въ томъ она признается сама.
Счастлива кумушка родными и друзьями,
И если наказалъ ее Богъ за грѣхи,
Такъ это кумовьями,
Которыхъ прозвала насмѣшница звѣрями,

Которые ея стихи
Такъ строго критикуютъ,
И о теоріи, о правилахъ толкуютъ.
Сердитесь, такъ и быть.—
Мы будемъ все куму любить:
Не только любимъ мы ее и уважаемъ,
Почти что обожаемъ;
Отъ всей души желаемъ,
Чтобъ наша кумушка *туристкою* *) была,
Чтобъ стихотворицъ всѣхъ въ Россіи превзошла.
Грѣшно пренебрегать искусство
Тому, кто получилъ отъ Феба даръ и чувство.
Въ тѣснѣйшій съ Музами вступите-ка союзъ,
И право будете десятою изъ музъ.
Повѣрьте, съ Сафою сравнитесь;
Терпѣньемъ лишь вооружитесь
И не лѣнитесь.
Ахъ! труденъ путь въ блестящій храмъ
Безсмертія и Славы:
Идешь по терніямъ, а рѣдко по цвѣтамъ—
Да и въ цвѣтахъ змѣи!—Не игры, не Забавы
Ведутъ въ сей отдаленный Храмъ,
Но Мужество, Терпѣнье.
Скорѣе кумушкѣ желаю я быть тамъ—
Вотъ вамъ

*) Turiste. Какъ-бы сказать это по русски?

Желаніе мое и вмѣстѣ поздравленье!

Писатель для мужчинъ и дамъ—
Благонамѣренный.

=

IX.

КРЕСТНИКУ АПОЛЛОНУ.

Да здраствуетъ нашъ Аполлонъ!
Да будетъ стихотворцемъ онъ!
Но не романтикомъ—нѣтъ, нѣтъ, избави Боже!..
Да и не *баловнемъ*—одно почти и то же.
Да будетъ классикъ онъ, Поэтъ,
И славою своей наполнитъ цѣлый свѣтъ.
Да съ крестной матушкой онъ чувствомъ будетъ ровенъ
И нѣженъ какъ она
(А кумушка нѣжна!
Не мудрено: была Княжна).
Какъ батюшка родной, да будетъ ровенъ, плавенъ,
Простосердеченъ и забавенъ
Хоть какъ *божаточка* *), *писатель не для дамъ*,
И утѣшеніемъ на старости всѣмъ намъ.—
Довольно, кажется, желаній для Поэта?—

*) Такъ называютъ крестнаго отца въ Вологодской губерніи, отчизнѣ почтенныхъ родителей крестника Аполлона.

Рости-жъ для украшенья свѣта,
Рости, нашъ милый Аполлонъ!—
Какъ маменька—любезенъ будетъ онъ;
Какъ папенька—и скроменъ и уменъ,
И добръ—какъ тетушка его, Елисавета.

=

X.

А. Д. МЯКИНИНУ.

Чего тебѣ, о другъ почтенный,
Другъ вѣрный, искренній, безцѣнный,
Желать въ день именинъ твоихъ?
Тебя отъ сердца поздравляю
И отъ души тебѣ желаю
Всѣхъ, всѣхъ даровъ Небесъ благихъ:
Достоинъ ты, достоинъ ихъ!
Да наградитъ Богъ и примѣрно
Тебя за страсть твою къ добру!
Да исцѣлитъ онъ совершенно
Твою любезную сестру,
А жизнь родительницы нѣжной
Продлитъ еще на много лѣтъ
И ей пошлетъ покой душевной,
Забвенье претерпѣнныхъ бѣдъ.—
Здѣсь всѣмъ намъ *мѣсто испытанья;*
Любя, даетъ Богъ крестъ нести,
И мы должны несть безъ роптанья,

Чтобъ удостоилъ насъ спасти.
Тамъ будетъ добрымъ всѣмъ награда;
А *здѣсь* одна для насъ отрада:
Прямое лишь добро любить.
Полезными для ближнихъ быть—
И это утѣшать насъ должно.
Но быть добрѣй тебя не можно:
Какъ голубь кротокъ ты, смиренъ,
И такъ, какъ змѣй, мудръ и уменъ *).
Ко злу малѣйшему не сроденъ,
Во всѣхъ поступкахъ благороденъ
И деликатенъ и учтивъ,
Но прямъ душой, правдолюбивъ,
И хоть тебя кто обижаетъ,
Въ душѣ невольно уважаетъ.—
Вы рождены всѣ для добра:
Ты, матушка твоя, сестра—
Вы *истинные* Христіане,
Примѣрные у насъ дворяне;
За васъ всѣхъ молятся крестьяне.—
А сколько бѣдныхъ вдовъ, сиротъ!
Объ этомъ знаетъ только Тотъ,
Кто тамъ на небесахъ живетъ.
Къ несчастью, не всегда умѣю
Что чувствую, то изъяснить:

---

*) *Будьте мудры, яко зміи и цѣлы, яко голуби*, сказалъ Спаситель.

Горжуся дружбою твоею,
Потщусь ее вѣкъ сохранить.

=

XI.

НОВОБРАЧНЫМЪ К—МЪ.

Степанъ Ивановичъ! съ кѣмъ это вы сидите?
На насъ совсѣмъ и не глядите.
Хозяинъ нашъ не радъ гостямъ,
И вѣрно думаетъ: *скорый бы по домамъ.*
Уѣдемъ, какъ попьемъ, со бракомъ поздравляя.
Останется одна здѣсь гостья дорогая:
Не пустишь ты ее назадъ?
Что? Радъ!
Какой же ты нетерпѣливый!
Да и какой счастливый!
Нѣтъ, не жену послалъ тебѣ Господь, а кладъ!
Наружность милую имѣетъ,
Умна, воспитана, хозяйство разумѣетъ,
Добра, малюточкамъ твоимъ всѣмъ будетъ мать...
За это долженъ ты ее поцѣловать.
Вотъ хорошо! Спасибо, новобрачный!

Не такъ хоть молодъ онъ, но кавалеръ превзрачный.
Что за старикъ мужчина въ сорокъ лѣтъ?
Напротивъ, молодецъ! лишь вѣтренности нѣтъ.
Всѣ скажутъ про него: онъ человѣкъ солидный,
Нравъ у него хорошій и завидный;
Онъ кротокъ, не угрюмъ—
То подтвердитъ Антонъ Иванычъ кумъ.—
Любите же другъ друга, уважайте,
Другъ другу угождайте,
Въ согласіи, въ любви живите безъ затѣй—
Такъ Богъ благословитъ и васъ и всѣхъ дѣтей.

=

ВЪ АЛЬБОМЫ.

=

С. Д. П.

(На день ея рожденія).

Когда родились вы на свѣтъ,
Вамъ имя *радости*, *веселья* *) дали.
Такъ Грацію меньшую звали.
Вотъ боги собрали совѣтъ.
(Мнѣ это за секретъ
Сказали дщери Мнемозины).
Венера страхъ была разсержена,
„Что это?“ говоритъ она:
Теперь у насъ двѣ Евфрозины!
Мнѣ Евфрозина дочь—чужой я не хочу.
Нѣтъ, Господа, я не шучу—
Нѣтъ, *не хочу и не хочу* **).
Велите, папенька, дать имя ей другое.“
„Минерва!“ Зевсъ сказалъ: подумай, погодай.

---

*) Сначала назвали ее *Евфрозиною*, что на Греческомъ языкѣ значитъ *радость*, *веселіе*.

**) Любимая поговорка покойной и незабвенной *С. Д. П.*

И имя этой крошкѣ дай...“
Ну, какъ ты думаешь, какое?“—
„Да не угодно ли хоть Мудростью назвать?
Другаго имени я не могу прибрать:
Всѣ имена такія....“
— „Что-жъ? Мудрость?... Хорошо! прекрасно,“ Зевсъ сказалъ,
Приличнѣй имени я самъ бы не прибралъ.
Да будетъ *Мудрость*, иль *Софія!*
Хочу, чтобы она была
Умна, какъ дочь моя большая;
Любезна же и весела,
Какъ Грація меньшая.

=

II.

Н. Н. В.

Надежда лучшій даръ творца,
Жизнь безъ нея не жизнь – мученье.
Надеждой дышутъ всѣ сердца,
Надежда – смертнымъ утѣшенье.

=

III.

С. Н. Ш.

Безъ добродѣтели, безъ *Вѣры*
Живутъ одни лишь лицемѣры;
Безъ дружества и безъ *Любви*
Старухи злобныя, свекрови;
Безбожники же — безъ *Надежды*,
Безъ *Мудрости* *)—одни невѣжды.

=

IV.

С. Д. П.

Счастливецъ, Гекторъ! **) ты счастливецъ!
Первѣйшій ты любимецъ
Прелестнѣйшей изъ дамъ,
Которой въ древности воздвигнули бы храмъ:
Минуту каждую она тебя ласкаетъ,
Каплюшкой, *капелькой* и *крошкой* называетъ,
Цѣлуетъ... слѣдуешь за нею ты какъ тѣнь.
Не только съ нею ты бываешь цѣлый день,

*) Извѣстно, что Софія значитъ *Мудрость*.
**) Любимая ея собака.

И ночь, всю ночь при ней... спишь на ея
постелѣ,
Всегдашній стражъ ея небесной красоты.
Подумаешь, вотъ въ самомъ дѣлѣ,
Какъ счастливы бываютъ и скоты!

=

V.

Е. П. К.

Альбомъ вашъ съ полгода я у себя держалъ—
Не этотъ — прежній, что похожъ на поминанье
(Простите это мнѣ названье),
И ничего не написалъ.
Да какъ тамъ и писать?—Вотъ здѣсь другое дѣло:
Гекзаметрами можно смѣло.
Но что же напишу я вамъ?
Люблю всѣхъ *умныхъ дамъ*
И имъ всегда во всемъ готовъ повиноваться.
Я видѣлъ васъ семь, восемь разъ
(И не увидимся мы больше, можетъ статься!)
Но совершенно знаю васъ:
Вы дама умная, примѣрная супруга,
Семейства счастіе и украшенье круга *).

*) Всякаго: малаго, средняго и большаго.

Надѣюсь, подтвердить сей правый приговоръ.
Архангельскій Губернскій Прокуроръ,
Мой прежній сослуживецъ,
Супругъ вашъ — о, *счастливецъ!*
Стихи мои не хороши;
Но я отъ всей души
Всѣхъ благъ возможныхъ вамъ желаю.
Что-жъ написать еще?—Не знаю!
Въ холодной сѣверной Архангельской странѣ
Не вспомните-ль когда нибудь и обо мнѣ.

=

VI.

N. N....

1.

Нигдѣ, посмотришь, Дружбы нѣтъ:
Къ Двору ее не принимаютъ,
Въ Суды, въ Монастыри никакъ не пропускаютъ;
Съ Поэтомъ ссорится Поэтъ;
Купецъ гоняетъ прочь отъ лавки
(Вѣдь это не товаръ—какъ ею торговать?)
Кокетки рады промѣнять
Не только на любовь—на ленты, на булавки.
Не знаютъ Дружбы Доктора;

Въ аптекахъ нѣтъ пріюта Дружбѣ—
Остался ей пріютъ.... въ военной только
службѣ.
Ура, военные! ура!

2.

Ни время, ниже отдаленье
Не могутъ привести въ забвенье
Того, кого мы отъ души
Съ лѣтъ юношескихъ полюбили,
Съ кѣмъ вмѣстѣ жили и служили—
Не забывай меня—пиши.

=

VII.

А. Я. Е.

Къ картинѣ, на которой изображена дама, подающая шарфъ стоящему предъ нею на колѣняхъ Рыцарю. На картинѣ написаны слѣдующія слова: Sensible et généreux Bayard! sois heureux et n'oublie point celle qui est ton unique amie “).

Прощаніе Рыцаря съ дамою.

Рыцарь.

О радость! ты мнѣ шарфъ своихъ трудовъ
даришь!
Цѣлую землю ту, на коей ты стоишь.

“) Чувствительный и великодушный Баярдъ! будь счастливъ и не забывай ту, которая была единственнымъ твоимъ другомъ.

ДАМА.

Надѣюся, ты мнѣ, Баярдъ, не измѣнишь?

РЫЦАРЬ.

Клянуся вѣрнымъ быть тебѣ всю жизнь, до гроба!

ДАМА.

Прости!

РЫЦАРЬ.

Прощай!

ДАМА.

Прости!

(Заплакали тутъ оба).

—

ЕЙ ЖЕ.

Со днемъ рожденья васъ усердно поздравляю,
Здоровья, счастья вамъ и жениха желаю,
Желаю, чтобы онъ,
Какъ братецъ былъ пригожъ и столько же умёнъ;
Чтобъ соразмѣрныя имѣлъ онъ съ вами лѣты
И генеральскіе большіе эполеты;
Чтобы притомъ онъ былъ Поэтъ....
Ахъ, нѣтъ!

Негодные мужья Поэты:
Имъ только бы стихи читать....
Однако, женъ они умѣютъ почитать—
Умѣютъ и любить, какъ рыцари любили.
Вотъ люди славные-то были,
Такъ, всякой рыцарь встарину
Любилъ и почиталъ всегда свою жену
(Богата ли, бѣдна-ль—Графиня ли, Принцесса,
Или простая Баронесса),
Былъ добрый мужъ, отецъ и зять....
Но гдѣ теперь такого взять?

—

ЕЙ ЖЕ.

Къ розѣ, нарисованной покойною ея сестрицею А. Я. М.

(Экспромтъ).

Какъ роза, такъ она блистала красотою;
Плѣняла скромностью, сердечной добротою,
Умомъ, талантами.... и въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ
Оставила сію плачевную обитель.
Увы! Александрины нѣтъ!
И слезы льетъ объ ней родитель,
Въ отчаяньи супругъ.—
„О, милая сестра и другъ!

Разстались мы навсегда съ тобою!
Ужъ съ Ангелами ты теперь на небесахъ!
И даже не могла я оросить слезою
Твой драгоцѣнный прахъ!

=

VIII.

С. А. Ж.

Альбомъ вашъ точно цвѣтничокъ:
Какое множество цвѣточковъ—
И ландышей и василечковъ,
Лилей, фіалокъ, ноготочковъ,
А розоновъ!—А старичокъ
Поповъ—будь сказано межъ нами—
Не попъ на Пиндѣ, а дьячокъ—
Украсилъ вашъ Альбомъ стихами.
Стихи не такъ-то хороши,
Но хороши его совѣты,
И видно, что въ преклонны лѣты
Писалъ онъ ото всей души.
Я, я Поэтъ подъ сѣдинами
(Но не съ сѣдыми волосами),
Писатель для мужчинъ и дамъ,
Что напишу въ альбомчикъ вамъ?
Какъ жаль, что не имѣю чести
Васъ столько, какъ сестрицу, знать;

Однако же, скажу безъ лести,
И въ томъ порукою вашъ зять,
Пан . . . . , у кого мы въ домѣ:
Вы лучше всѣхъ цвѣтовъ въ альбомѣ.
Вы точно розанчикъ, bouton!
Не лгу: свидѣтель Аполлонъ!

=

IX.

Е. Н. К.

Внемли моленію Поэта,
Внемли, о Фебъ, о Аполлонъ!
Зубами мучится давно Елисавета!
Неужели ея не слышанъ въ небѣ стонъ?
Неужели съ небесъ не видишь ты повязки
На щечкѣ у нея, и какъ, прищуривъ глазки,
Подперши голову рукой,
Сидитъ и не промолвитъ слова:
Печали на лицѣ такой
Не наведетъ ей ей! и мадригалъ Вралёва.
Неуже-ль о сестрѣ почтеннѣйшей кумы
Тебя, о Фебъ жестокій и проклятый!
И съ кумомъ не умолимъ мы?
Ну, разсуди ты самъ: чѣмъ зубы виноваты?
Зубами никому не дѣлала вреда.—
Отъ глазокъ же ея была другимъ бѣда,
Да и бѣда большая!

Ахъ! сколько, сколько дней, ночей
Не ѣли, не спали все отъ ея очей!
Опаснѣе они всѣхъ, всѣхъ твоихъ лучей.
Зачѣмъ, зачѣмъ она родилась не слѣпая?
Не ослѣпляла бы тогда другихъ она.
А впрочемъ не ея вина,
Что многіе отъ глазъ ея болѣзнь терпѣли.
Зачѣмъ на нихъ смотрѣли?
О Аполлонъ, о Аполлонъ!
Въ печаляхъ, скорбяхъ утѣшитель,
Первѣйшаго врача родитель!
Пошли его съ небесъ, чтобъ онъ
На площадь, гдѣ театръ, спустился
И въ трехъ-этажный домъ явился,
Который на углу стоитъ,
Въ которомъ на верху живетъ *хитрякъ* Піитъ,
Россійской Сафы кумъ-учитель,
Боговъ, бѣсовъ всѣхъ повелитель *)
Явился бы и въ первый же визитъ,
Въ минуту-бъ исцѣлилъ отъ зубъ Елисавету.
Внемли-жъ, о добрый богъ, Поэту.
Молю въ стихахъ тебя, внемли:
Елисавету исцѣли!—
И будетъ радость на земли
Отъ Лиговки до устья Волги,
Гдѣ дни короткіе, а ночи очень долги.

*) Бывшій Директоръ здѣшнихъ Театровъ.

X.

Н. В. В.

Къ картинкѣ, изображающей Амура среди цвѣтовъ.

Прекрасенъ этотъ Купидонъ!
И глазки у него и крылья голубыя,
А кудри, какъ у васъ, такія
На васъ походитъ право онъ,
Особенно тогда, когда вы улыбнетесь.—
Какъ жаль, что съ нами вы надолго разстаетесь!

=

XI.

КНЯГИНѢ Е. С. Х.

Клянусь Вамъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье,
Что вашъ Нелединскій—Поэтъ
Не правъ, ей Богу нѣтъ!
Возможно-ль: то, что насъ приводитъ *въ удивленье*
И въ восхищенье,
О томъ ужъ намъ и не *судить*? *)

*) За день предъ симъ, когда получилъ я отъ Княгини ея альбомъ, услышалъ я отъ нея изреченіе незабвеннаго Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго: on ne juge pas ce qu'on aqmire.

Лишь дамамъ могутъ такъ Поэты говорить.
Хотя и я поэтъ, хоть дамамъ *удивляюсь*
И ими *восхищаюсь;* *)
Однако же, я ихъ сужу
И всѣ достоинства ихъ ясно докажу.
Вы, напримѣръ, Княгиня...
Богиня!
А почему?—
Да по всему:
По благородству, по уму;
Богиня красотою,
Богиня добротою,
Любезностью—у васъ богиня точно нравъ.
Вы насъ приводите не только въ удивленье
И восхищенье,
Но и въ невольное притомъ благоговѣнье.
Не правъ, поистинѣ, не правъ
Нелединскій, угодникъ дамамъ льстивый:
On vous admire, mais on vous juge,
Тожъ скажетъ и герой супругъ вашъ, или мужъ;
А всѣ—вы знаете—герои справедливы **).

=

*) Не многими: иныхъ, какъ язвы, удаляюсь.

**) По сему случаю покойный Ю. А. Нелединскій-Мелецкій написалъ къ Княгинѣ прозою, которая,

XII.

А. М. Л.

По случаю отъѣзда ея изъ Архангельска.

О горе! горе! горе!
Ударъ Бухарину! Измайлову ударъ!
Изъ *Соломболо* *) вскорѣ
Вы ѣдете на *Баръ*
Черезъ *сухое море* **)...
А тамъ.... а тамъ...
О вы, краса и честь архангельскихъ всѣхъ дамъ,
Вы сядете на *Кульмъ* ***) и въ Океанъ пространный,

несравненно лучше моихъ стиховъ. Выписываю въ подлинникѣ, чтобы не обезобразить переводомъ. „*On ne juge pas ce que l'on admire.* Je l'ai dit et je crois avoir bien dit. Pour juger, il faut être froid, et l'est on, lorsqu'on admire? Juger, c'est entrer dans les détails, tandis que l'admiration n'a pas le tems de les examiner: elle est toute captivée par l'ensemble de son objet. Au reste, comme cette discussion se fait à votre sujet, c'est aussi à vous de choisir ce que vous aimez mieux: d'être jugée ou bien admirée. Quant à moi, si j'etais une jolie femme, je voudrais n'etre jugée que par mon vieux confesseur."

*) Предмѣстіе Архангельска, гдѣ купеческая и военная гавань.

**) Такъ называется мелкое мѣсто.

***) Названіе корабля.

Изъ Океана въ Зундъ, извѣстнѣйшій проливъ,
Изъ Зунда въ Балтику, изъ Балтики въ за-
заливъ
Финляндіи.... потомъ.... потомъ въ Крон-
штадтъ желанный.—
Счастливаго пути!
Дай Богъ доѣхать вамъ туда благополучно.
А намъ безъ васъ какъ будетъ скучно!
Нѣтъ, дамы намъ такой, какъ вы, здѣсь не
найти
И некому ужъ дѣлать куры.
Наказываетъ Богъ насъ, видно, за грѣхи!
Кому прикажете читать теперь стихи?
Любительницъ литературы
Россійской здѣсь изъ Нѣмокъ *) нѣтъ;
Изъ Русскихъ также нѣту **).
Притомъ же по секрету
Скажу я вамъ:
Здѣсь много женщинъ — мало дамъ.
Какъ грустно будетъ намъ
Въ такомъ отъ васъ ужасномъ отда-
леньи.

---

*) Нѣмцами называютъ въ Архангельскѣ и Англичанъ и Голландцевъ и Швейцаръ. Замѣчу мимоходомъ, что о занятіяхъ моихъ въ Словесности тамошніе Нѣмцы знали прежде многихъ Русскихъ.

**) Виноватъ—есть и не одна, какъ узналъ послѣ.

Въ Палатѣ я, Бухаринъ же въ Правленьи.
Объ васъ все будемъ вспоминать,
Объ васъ все будемъ мы мечтать.
Сойдемся въ Комитетѣ,
Который по грѣхамъ бываетъ часто пустъ.
И гдѣ предметъ важнѣйшій *хрустъ* *).
Тутъ спросимъ мы другъ друга объ Анетѣ:
Здорова-лъ то она?
Не дай Богъ, чтобъ была больна.
Не видя на небѣ отъ облаковъ лазури,
Со вздохомъ скажемъ: *нѣтъ ли бури?*
И мужа вашего тутъ побранимъ вдвоемъ,
Что не отправилъ васъ отсель сухимъ путемъ,
Иль по-Архангельски: *горою*,
А взялъ на Океанъ съ собою. —
Велите сей листокъ въ альбомчикъ вашъ вклеить,
Чтобы не вовсе насъ забыть,
Насъ, бѣдныхъ, заключенныхъ,
Отъѣздомъ вашимъ огорченныхъ.

=

*) *Хрустъ* — песокъ.

XIII.

В. И. П. . . . .

О ты, котораго труды мнѣ такъ полезны,
Съ тѣхъ поръ, какъ издаю журналъ,
П....., мой сочленъ, товарищъ, другъ любезный,
Ты хочешь, чтобы я въ альбомъ твой написалъ!
Изволь — но только лишь стихами,
И вольными притомъ: я очень ихъ люблю;
Гексаметровъ же не терплю—
Однако, это между нами.
Что-жъ написать тебѣ въ альбомъ?
Вотъ, право, я и самъ не знаю,
А слишкомъ двадцать лѣтъ ужъ вирши сочиняю!
Бѣда и стыдъ съ моимъ нетворческимъ умомъ:
Я въ вымыслахъ совсѣмъ удачи не имѣю,
Творецъ *Двухъ Опытовъ* о мнѣ такъ говоритъ,
А вмѣстѣ съ нимъ мой фаворитъ Піитъ,
Котораго назвать по имени не смѣю.
И такъ онъ на меня сердитъ
За то, что я ему безсмертіе доставилъ.

Богъ съ нимъ! ужъ я его оставилъ.
Хотѣлъ бы похвалить тебя отъ всей души;
Но мнѣ хвалить въ стихахъ ни разу не случалось.
Идиліи твои, повѣрь, не хороши...
А сколько у тебя осталось?
Три, помнится, пришли ихъ мнѣ въ журналъ,
Пришли, *любезнѣйшій!* ты самъ вѣдь обѣщалъ.
Кто-жъ слову измѣнитъ, тому да будетъ стыдно!
Ты честный человѣкъ, и по стихамъ то видно.
Пиши и не скрывай таланта своего;
Пиши, пока писать есть время,
Пока не тяготитъ заботъ житейскихъ бремя.
Увы! пора есть для всего!
И заниматься здѣсь нельзя всегда стихами.
Бесѣдуй же теперь почаще съ пастухами,
Съ пастушками; укрась своими ихъ цвѣтами;
Не позабудь и Фавновъ и Дріадъ,
Особенно Наядъ;
А я имъ всѣмъ какъ буду радъ!
Люблю Поэзію, люблю Литературу;
Но, ахъ! отсталъ теперь отъ прозы и стиховъ:

Цвѣтникъ мой изъ чужихъ цвѣтовъ:
Судьба велитъ держать мнѣ только корректуру.

=

XIV.

К. П. Х.

Хотя писатель я для дамъ,
Хоть много я писалъ въ альбомы,
Не знаю написать что Вамъ:
Вѣдь мы другъ съ другомъ незнакомы.
О чемъ бы мнѣ въ стихахъ сказать
Разумной скромницѣ-дѣвицѣ,
Первѣйшей въ Тулѣ мастерицѣ
Различнымъ бисеромъ низать?
Не только въ осень, и въ морозы
Подъ Вашей хитрою рукой
Родятся васильки и розы,
Тюльпанъ, и астра, и левкой;
Отъ жара, времени не вянутъ.
Потомки имъ дивиться станутъ.
Волшебная у Васъ игла!
Хвала искустницѣ, хвала!
Зачѣмъ, какъ Вы иглой своею,
Зачѣмъ я кистью не владѣю?
Я братца Вашего портретъ

Нарисовалъ бы Вамъ въ альбомчикъ.
. . . . . .
Не живописецъ я—поэтъ.
А впрочемъ вѣдь и мы, поэты,
Рисуемъ иногда портреты
Безъ красокъ, съ помощію словъ
Созвучныхъ, именно—стиховъ.
Б..... П....., добрый малой,
Какъ красна дѣвица смиренъ;
Нѣтъ вѣтренности въ немъ удалой;
Онъ вѣжливъ, скроменъ, хоть уменъ;
Не зараженъ онъ атеизмомъ,
Ни пагубнымъ либерализмомъ;
Царей не судитъ и святыхъ,
Но почитаетъ много ихъ;
Онъ сердцемъ добръ и даже нѣженъ,
А къ должности весьма прилѣженъ:
Надъ счетами весь день сидитъ
И четверти не проглядитъ.
Пойдетъ по службѣ онъ далеко,
Но не подниметъ носъ высоко:
Б..... П..... не таковъ —
Изъ добрыхъ, умныхъ моряковъ.
Въ одномъ его лишь обвиняютъ,
Что нравомъ онъ хотя и тихъ,
Но будто спорить очень лихъ.
Смолою даже называютъ.
Добро бы это отъ чужихъ,

А то вѣдь отъ кузинъ своихъ.
За что-жъ зовутъ его *Смолою?*—
За правду онъ стоитъ горою;
Гдѣ должно, смѣло говорить,
Для угожденья не молчитъ.
Хвала тебѣ, о мужъ нельстивый!
Ты не лукавишь, какъ Пилатъ!
Нѣтъ, право, молодецъ Вашъ братъ.
Борисъ Хр . . . . . правдолюбивый.

=

СМѢСЬ.

=

I.

СМЕРТЬ.

(Изъ Мальгебра).

О смерть! кто, кто тебя свирѣпѣй можетъ быть?
Моленьямъ нашимъ не внимаешь,
Перстами слухъ себѣ отъ насъ ты заграждаешь
И заставляешь слезы лить!
Убогій, въ хижинѣ, соломой покровенной,
Дань тяжкую тебѣ со вздохомъ отдаетъ,
И на престолѣ Царь, стражами окруженной,
Отъ твоея косы, какъ сельный злакъ, падетъ.

=

II.

НА РОЖДЕНІЕ МЛАДЕНЦА.

(*Съ Арабскаго*).

Родясь, плакалъ ты, малютка, въ колыбели,
Съ улыбкой радостной мы на тебя смотрѣли.
Дай Богъ, чтобы ты жизнь съ улыбкой прекратилъ.
И слезы на своей могилѣ заслужилъ.

=

III.

УЧЕНІЕ СОКРАТА.

(*Изъ Демутье*).

Что Философія?—Наука быть счастливымъ,
Вести всегда войну противъ страстей своихъ,
Жить въ мирѣ со страстьми другихъ,
Быть добрымъ, то есть *справедливымъ*,
Безъ справедливости добра прямаго нѣтъ:
Кто справедливость нарушаетъ,
Тотъ подлъ, или жестокъ бываетъ.
Несправедливость есть источникъ золъ и бѣдъ.

Всѣ состоянія и должности почтенны:
Когда полезны мы, то нѣтъ для насъ стыда;
Одни лишь праздные, безпечные презрѣнны.
Нѣтъ удовольствій безъ труда.
Дары Фортуны намъ опасны;
Забавы роскоши, а не труды ужасны.
Трудитесь, бѣдные, чтобы безъ нужды жить;
А вы, богатые, чтобъ жизнь переносить.
Смерть добродѣтельныхъ завидна;
Порочныхъ жизнь всегда постыдна.
Постыдно въ рабствѣ жить. Противиться кто слабъ
Желаньямъ суетнымъ и тщетнымъ,
Тотъ вольность потерялъ, тотъ самый жалкій рабъ.
Но близокъ, близокъ тотъ къ безсмертнымъ,
Кто самого себя умѣетъ побѣдить
И можетъ въ бѣдности собой довольнымъ быть.
Отъ честолюбія, любови убѣгайте;
Любите добрыя дѣла одни:
Да въ нихъ проходятъ ваши дни,
Въ нихъ честолюбіе свое все полагайте.
Они для мудраго пріятнѣе всего.
Скрывать ихъ — слава для него.
Ученья нечего стыдиться;
Я старѣе гораздо васъ,
Но я желалъ бы всякій часъ
И въ старости моей полезному учиться.

Что́ знаю, сообщаю вамъ;
А вы что́ знаете, мнѣ также сообщите;
Я васъ учу—и вы меня учите,
Взаимно наставлять другъ друга должно намъ.

=

IV.

НА БОЛѢЗНЬ С. Д. П.

Софія не можетъ!
Софія больна!
Софія въ постелѣ
Четвертый ужъ день!
Всѣ Граціи плачутъ,
Амуры въ слезахъ,
И Игры и Смѣхи
Изчезли какъ сонъ!
И Гекторъ съ Мольвиной
Уныло визжатъ.

О боги, богини!
Взгляните съ небесъ,
Какъ въ спальнѣ Софія
Смиренько лежитъ.
Не видно румянца
На впалыхъ щекахъ;
Не видно улыбки

На алыхъ устахъ;
Лишь временемъ вздохи
Изъ груди летятъ:
У милой Софіи
Смертельно болятъ
И щечки и зубы!
Она простудилась:
Въ ней жаръ и ознобъ,
Совсѣмъ сна лишилась,
Пропалъ аппетитъ.

О боги! пошлите,
Пошлите скорѣй
Къ Софіи Гигею
Съ цѣлебнымъ питьемъ,
Да вмигъ исцѣлится,
Да встанетъ съ одра!
И къ намъ возвритится
Веселье опять.
И Игры и Смѣхи
Опять прилетятъ!
И Граціи, Музы
Ее посѣтятъ.
Софія ужъ будетъ
Здоровье беречь
И слушаться станетъ
Родныхъ и друзей,
Которые ей

Добра всѣ желаютъ,
Ее уважаютъ
И любятъ душой.

=

V.

Къ N. N. съ книжкою: ТАССОВЫ МЕЧТАНІЯ.

Вотъ вамъ обѣщанный мной Тассъ!
Его таланта не имѣю.
Но такъ же пламенно, какъ онъ, любить умѣю.
Люблю... люблю... кого? — Не Леонору — Васъ.

=

Къ N. N.

Завидую посланью моему:
Его ты къ сердцу своему
Подъ тоненькій батистъ съ улыбкой положила.
Ахъ! если бы волшебна сила
Меня въ бумагу превратила
И сердца твоего коснуться бы я могъ!
Амуръ! Амуръ, всесильный богъ!
Властитель надъ сердцами,

Дай къ сердцу.... дай прикоснуться мнѣ,
Но на яву, а не во снѣ
И не бездушными руки моей чертами,
А пламенными и безмолвными устами.

=

VI.

МОЛИТВА О ВЫЗДОРОВЛЕНІИ СЕЛЕСТЫ.

Селесту, боги исцѣлите
И возвратите вы ей здравіе скорѣй;
Коль нужно, жизнь мою возьмите:
Охотно жизнію пожертвую моей,
Охотно я приму смерь люту,
Лишь только-бъ могъ въ послѣднюю минуту
Я на нее взглянуть
И ей *люблю* шепнуть.

=

VII.

ЖЕНѢ МОЕЙ,

по случаю подаренной ею мнѣ табакерки съ ея портретомъ.

Что это?—Твой портретъ!
Какъ схожъ!... твои глаза, твой носъ, твои *ланиты*,

Румянцемъ розовымъ покрыты...
Живая будто здѣсь... но нѣтъ,
Ты лучше, нежели портретъ.
Мале *) самъ въ этомъ согласится.
Не вѣришь? Въ зеркало взгляни же на себя.
Благодарю, мой другъ, тебя
За даръ безцѣнный твой. Онъ мною сохранится,
Доколѣ жизнь моя продлится.
Теперь не разлучусь я ни на часъ съ тобой,
И буду брать тебя съ собой
И въ Департаментъ нашъ, и въ Общества учены,
И въ типографію, куда не ходятъ жены,
И въ лавки книжныя, въ цензурный Комитетъ,
И къ бѣднымъ въ хижины, гдѣ даже печекъ нѣтъ,
Вездѣ, вездѣ со мной ты будешь неразлучно.
Когда же безъ тебя мнѣ сдѣлается скучно —
На табакерку я взгляну—
И милую мою жену
Сквозь стеклышко разъ пять, иль десять поцѣлую
И прогоню тѣмъ скуку злую.

=

(*) Имя художника, писавшаго портретъ.

VIII.

ЗАВѢЩАНІЕ ДРУЗЬЯМЪ.

Друзья! когда умру—всѣ, всѣ ко мнѣ придите;
И на кладбище проводите;
А тамъ, ужъ какъ хотите,
Гробъ до могилы донесите,
(То, правда, будетъ тяжело,
Но, слава Богу! васъ довольное число)
И, бросивъ на меня по горсточкѣ землицы,
Скажите: „дружбою онъ очень счастливъ былъ
И всей душой друзей любилъ.“—
А вы, о дамы и дѣвицы,
Которымъ столько я въ альбомы написалъ,
Которымъ я не льстилъ, хотя и угождалъ!
Землею ручекъ не марайте,
Но киньте, каждая, въ могилу мнѣ цвѣтокъ;
А если жаль меня—букетъ, или вѣнокъ,
И лихомъ мертваго меня не поминайте.

IX.

ЛЮБИТЕЛЬНИЦѢ КОШЕКЪ.

(Съ гравированнымъ изображеніемъ кота).

Вотъ самый смирный котъ!
Прошу принять его: отъ васъ онъ не уйдетъ
И вамъ нисколько не наскучитъ;
Онъ не царапаетъ и даже не мяучитъ.
Кормить не надобно: не ѣстъ да и не пьетъ.
На стулъ, или подъ стулъ его вы положите,
И будетъ онъ лежать—не тронетъ ничего;
Лишь дальше отъ мышей держите—
А то онѣ съѣдятъ его.

=

X.

МОЯ МОЛИТВА.

Спаси, о Господи! меня, жену, дѣтей,
Сестру мою, родныхъ и искреннихъ друзей,
Для пользы и для славы
Пошли мнѣ болѣе враговъ,
Да съ честію пройду путь правый!
Дай средства жить мнѣ безъ долговъ;
Въ трудахъ, въ бѣдахъ пошли терпѣнье:

Пошли, пошли скорѣй большое мнѣ имѣнье!
Охотно съ бѣдными избыткомъ подѣлюсь,
А ежели я возгоржусь,
И совѣсть, ангела-хранителя, забуду:
То накажи меня какъ Каина, Іуду;
Пусть съ лицемѣрами въ гееннѣ вѣчно буду.

=

XI.

КЪ ЧИТАТЕЛЬНИЦАМЪ И ЧИТАТЕЛЯМЪ БЛАГОНАМѢРЕННАГО.

Читали-ль первую статью
Въ *Благонамѣренномъ* о нашихъ *меньшихъ братьяхъ?*
О тѣхъ, которые здѣсь ходятъ въ ветхихъ платьяхъ,
Постятся въ мясоѣдъ, и трапезу свою
Слезами часто растворяютъ.
Какъ, бѣдные, они страдаютъ!
Читали-ль Филарета рѣчь,
Рѣчь превосходную, которую и Гречъ,
Собратъ мой, помѣстилъ сначала
Еженедѣльнаго на этотъ годъ журнала.
Прочтите-жъ на *Страстной* статьи сіи хоть разъ,
Но только со вниманьемъ,
Чтобъ падетъ слеза изъ вашихъ глазъ,

И къ *меньшимъ братьямъ* состраданьемъ
Исполнится не втунѣ грудь,
То не оставьте ихъ посильнымъ подаяньемъ;
Пришлите къ празднику для нихъ хоть что-нибудь.
Ей-Богу не во что инымъ изъ нихъ одѣться
И даже нечѣмъ разговѣться.
Ахъ! правду говоритъ нашъ пастырь Филаретъ,
Что *нищеты изъ всѣхъ скорбей тяжеле нѣтъ.*
И философія сама тутъ не поможетъ,
Какъ нечего надѣть и пѣсть!
Иному корки хлѣба въ честь,
Да иногда и тѣхъ день цѣлый не погложетъ.
А каково еще больнымъ быть въ нищетѣ
Безъ всякаго призрѣнья!
Увѣчнымъ, иль лишеннымъ зрѣнья!
Ужаснѣй нищета еще при слѣпотѣ!
Но сколь достойны сожалѣнья
Семействъ несчастные отцы!
Терзаютъ ихъ сердца голодные птенцы.
Пришлите-жъ что нибудь друзьямъ моимъ сердечнымъ:
Больнымъ, слѣпымъ, увѣчнымъ,
Малюткамъ-сиротамъ, вдовамъ.

Что получу, все имъ немедленно раздамъ—
Къ инымъ же отнесу и самъ.
Писатель для мужчинъ и дамъ.

=

XII.

КУДРЯВОМУ АМУРУ.

Ты служишь тетенькѣ утѣхой и забавой
И прозвала она тебя: *Амуръ кудрявой.*
Амуръ хорошъ, какъ ты, но онъ такой лукавой!
Пройдетъ лѣтъ нѣсколько—и изъ твоихъ кудрей
Надѣлаетъ сѣтей,
Чтобы ловить сердца, и много ихъ поймаетъ.
О, онъ большой хитрецъ,
Преопытный ловецъ,
Искуснѣйшій стрѣлецъ,—
Прицѣлится въ кого и тотчасъ попадетъ.
Но что-жъ ты сдѣлаешь изъ этихъ всѣхъ сердецъ?
Ты ими поиграешь,
Да всѣ и растерзаешь.
Ахъ! исцѣли хотя одно,
Не будь безчеловѣчный,
И тотъ, кому принадлежитъ оно,

Тотъ будетъ другъ и рабъ твой
вѣчный.
При выборѣ не торопись
И сердце выбери себѣ ты понѣжнѣе,
А съ нимъ головку поумнѣе.
Коль станешь выбирать, у тетеньки спросись;
Сравняйся съ нею ты не только красотою,
Но и любезностью, умомъ и добротою.

=

XIII.

ДОЧЕРИ МОЕЙ, НАТАШѢ.

(Въ день ея именинъ, съ книжкою: *Fleurs poétiques*).

Наташа! вотъ тебѣ цвѣточки:
Лилеи, розы, василёчки,
Подснѣжники и ноготочки,
Нарциссы, маргаритки, макъ,
Фіялки, астры, *лавры-розы* *),
(Пускай по русски будетъ такъ),
Подсолнечники, скабіозы,
Серены; также fleur d'orange.—
Не пахнутъ только лишь, mon ange!
За то совсѣмъ онѣ не вянутъ
И вѣкъ цвѣсти не перестанутъ,
Отнюдь не требуютъ воды;
А если ихъ польешь—бѣды!

*) Laurier-rose.

Подобна ты, мой другъ, лилеѣ—
Но та поменьше, побѣлѣе:
А впрочемъ вѣдь и ты бѣла,
Пріятна взору и мила—
Какъ будто розовая почка.
Послушай, миленькая дочка!
Будь, какъ фіалочка скромна;
Не будь, какъ астра, горделива
И, какъ нарциссъ, самолюбива,
Или, какъ ноготокъ *), грустна.
Цвѣти, цвѣти и распускайся,
Весною жизни наслаждайся...
Однако же, не забывайся.

=

XIV.

КАВАЛЕРИСТАМЪ и АРТИЛЛЕРИСТАМЪ

1-й Уланской Дивизіи.

О, храбрые кавалеристы,
Уланы, хваты-молодцы!
И умницы артиллеристы,
Всѣмъ офицерамъ образцы.

Простите! Къ Вязьмѣ вы стремитесь!
Счастливый путь, герои, вамъ.

*) Le souci.

Предъ Государемъ отличитесь
И съ похвалой прибудьте къ намъ.

Скучаютъ дамы и дѣвицы:
Безъ васъ имъ не пріятна Тверь;
Весной — не осенью, какъ птицы —
Всѣ улетятъ отъ насъ теперь.

Простите, воины, простите!
Не поминайте лихомъ насъ.
Но князя, князя, берегите:
Не то мы въ Тверь не пустимъ васъ.

=

XV.

НАДПИСЬ ВЪ КОМНАТѢ И. С. П. *)

Превесело въ Кою
Хозяева даютъ веселыя пирушки!
Но въ этой келейкѣ я былъ какъ бы въ раю
У доброй маменьки старушки.
Что чувствовалъ я здѣсь, не лгу
И въ прозѣ изъяснить, по чести, не могу.
Да низпошлетъ Господь Свое благословенье

*) Въ этой комнатѣ у почтенной и богатой хозяйки стоитъ старинная и скромная мебель, въ томъ же самомъ видѣ и порядкѣ, какъ было еще при покойномъ супругѣ, въ молодыхъ ихъ лѣтахъ.

На домъ почтенный сей,
На мать добрѣйшую—услышетъ Богъ моленье
И на почтительныхъ примѣрныхъ сыновей.

XVI.

ЖЕНѢ МОЕЙ, КАТЕНЬКѢ,

въ день ея рожденія.

1.

Повѣрятъ ли, что сорокъ лѣтъ
Сегодня минуло тебѣ? — Ей-Богу, нѣтъ!
Не лгу, хоть я подъячій и поэтъ!
Клянусь богинями, не только-что богами,
Что съ дочками тебя считаютъ всѣ сестрами.
Хоть сорокъ лѣтъ, а какъ румяна и бѣла!
Мила. Когда-бъ потоньше ты была....
О Господи! услышь, услышь мое моленье!
Услышь меня, мою жену,
Возьми отъ насъ ты толщину,
А намъ пошли хорошее имѣнье.
Готовы съ нею мы поститься и говѣть,
Лишь только бы долговъ намъ не имѣть.
Пусть будемъ мы потоньше,
Да денегъ было-бъ больше...
Хоть столько бы рублей, Евреевъ сколько въ Польшѣ.

Ужъ то-то стали бы мы жить, да поживать!
Чего же бы еще супругѣ пожелать?
Дай Богъ, чтобъ съ нынѣшняго дня
рожденья
Не знала ты, мой другъ, ни бѣдъ, ни огор-
ченья;
Чтобъ ты всегда была
Здорова, весела...
Вицъгубернаторшей скорѣе быть желаю:
Я буду взятки брать,
А ты учись въ бостонъ играть.
Ну, поцѣлуй меня послаще,--Поздравляю;
Дай Богъ съ тобою намъ добра!
У—ра!

30 Сент. 1826.

—

2.

Вотъ, ангелъ мой, тебѣ
Хранитель-Ангелъ и съ нимъ *Сергій Чудотво-*
рецъ,
Который жизнь провелъ въ трудахъ, въ по-
стѣ, въ мольбѣ.
Въ обители его былъ мужъ твой стихотво-
рецъ.
И Павелъ *недоросль*, *поскребышъ* тамъ же былъ.
У раки, иль у гроба
Угодника молились оба.
Насъ старецъ *гробовой* на путь благословилъ;

Игуменъ образокъ мнѣ этотъ подарилъ
И *Ангелъ* насъ *Хранитель* сохранилъ
Въ Архангельскѣ, Шенкурскѣ и Мезени
Гдѣ *) люди хуже, чѣмъ—олени.
Иной, ей-Богу, людоѣдъ,
Страшнѣе дикихъ Самоѣдъ.
Вотъ даръ тебѣ въ день твоего рожденья!
Ни жалованья здѣсь, ни взятокъ не беру;
Чѣмъ подарить другимъ?—Зато, когда умру,
Не попаду къ бѣсамъ въ подземныя селенья:
Не дѣлалъ никому по службѣ притѣсненья,
А защищалъ крестьянъ, сколь могъ отъ разоренья.
За *правду* хоть теперь терплю,
А все ее такъ, какъ тебя, люблю.
Амвросій **) запретилъ мнѣ ревновать *лукавымъ*
И беззаконникамъ.—Изсохнутъ, какъ трава,
Прощаясь, мнѣ сказалъ.—Ахъ! что за голова!
Быть лучше бѣднымъ, лишь бы *правымъ*.
Архіерея я ослушаться не могъ.
За правду же заплатитъ Богъ.

30 Сентяб. 1829.

=

*) Не всѣ: безъ праведника не одинъ градъ не можетъ стоять.

**) Покойный Архіепископъ Тверскій и Кашинскій.

3.

Чѣмъ подарить тебя въ день твоего рожденья,
О добрая моя и милая жена,
Которая со мной страдать осуждена
И въ утѣшенье мнѣ дана отъ провидѣнья!
Вещицей?—Ни вещей, увы! ни денегъ нѣтъ!
Стишками?—я ужъ не поэтъ.
Плохой теперь я сочинитель:
Не только для стиховъ, для прозы не гожусь,
И безсловеснымъ сталъ Словесности учитель.
Такъ лучше о тебѣ я Богу помолюсь.
Богъ насъ не оставлялъ и вѣрно не оставитъ.
Довольно показалъ надъ нами Онъ чудесъ.
Хоть ногу мнѣ подставилъ бѣсъ,
Хоть я и упаду, но Богъ меня возставитъ.
Какъ христіанка, ты на Бога уповай,
Въ бѣдахъ со мной не унывай,
Своими ласками и чтеньемъ утѣшай,
Пока мои еще не укрѣпились глазки:
Лѣкарства всякаго твои нужнѣй мнѣ ласки.

30 Сентяб. 1830.

XVII.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ИЗДАТЕЛЮ

Журнала Сынъ Отечества.

„Приходитъ праздникъ годовой.
Кто празднику не радъ?“ сказалъ настав
никъ мой,
Хемницеръ простодушный.
Конечно, у кого есть хлѣбъ насущный,
Тѣ праздника съ весельемъ ждутъ,
И, можетъ быть, себѣ еще обновы шьютъ;
Кому же не во что теперь зимой одѣться
И даже не чѣмъ разговѣться —
Особенно съ дѣтьми—тѣ только слезы льютъ.
Я знаю два бѣднѣйшія семейства и т. д.

—

Любезный, *милый* Журналистъ?
Скорѣй тисненію предай мое посланье:
Отъ Феба за сіе получишь воздаянье —
Иль я не Фабулистъ.

=

XVIII.

НА ПРІѢЗДЪ Я. И. Г.

Радость наша
Докторъ Яша
Возвратился
Изъ вояжа;

Не женился
На чужбинѣ.
Ахъ, голубчикъ!
Ахъ, касатикъ!
Ахъ, лебедикъ!
Соколъ ясный!
Врачъ прекрасный!
Съ другомъ вѣрнымъ
Обнимися;
Къ сердцу, къ сердцу
Мнѣ прижмися.
Позабудемъ
Нашу ссору; *)
Не сердися,
Улыбнися
Что привезъ ли
Намъ гостинцу
Изъ дороги?—
Есть.... о боги!
О другъ милой!
Другъ сердечной!
Намъ не дорогъ
Твой подарокъ;
Дорога намъ
Дружба друга.
Какъ мы ради,
Что пріѣхалъ

* За стихи.—*Милые бранятся, лишь тѣшатся.*

Другъ нашъ добрый!
Не боимся
Лихорадокъ,
Ни горячекъ,
Ни хирагры,
Ни подагры,
Ни гангрены:
Докторъ Яша
За рецептикъ—
Всѣ болѣзни
Въ ретираду.
Заживемъ же
Снова дружно:
По субботамъ,
Также въ среду,
Будемъ вмѣстѣ;
Станемъ спорить,
Но безъ сердца,
Безъ сарказмовъ.—
Оставайся
Здѣсь въ столицѣ
И женися
На дѣвицѣ
На прекрасной,
На пѣвицѣ
Голосистой,
На танцоркѣ
Стройной, ловкой,

На комъ хочешь,
Не женись лишь,
Другъ сердечной,
На ученой,
На педанткѣ,
На злодѣйкѣ
Стихотворкѣ.

=

XIX.

А. Я. Н.

(Въ день ея рожденія, съ книжкою: Le jardin des fleurs).

Въ день вашего рожденья
Примите отъ меня растенья:
Неувядаемыхъ цвѣтовъ большой букетъ.
Хоть съ виду хороши, но запаха въ нихъ нѣтъ!—
А вашъ вѣрнѣйшій другъ Поэтъ
Отъ сердца молитъ всѣхъ боговъ, богинь стихами,
Чтобъ жизни вашей путь усыпанъ былъ цвѣтами
И чтобы вы опять скорѣе были съ нами.

=

XX.

ЗАВѢЩАНІЕ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ.

1.

Предчувствуя мою кончину,
Законнымъ королямъ я уступаю тронъ,
Чтобы изъ милости производили сыну
Хотя сиротскій пенсіонъ.

2.

Женамъ моимъ давать не нужно содержанье:
У первой деньги есть;
Послѣднюю-жъ на пропитанье
Возьметъ къ себѣ мой тесть.

3.

Отъ братьевъ не видалъ я никакой заслуги;
Пускай живутъ ихъ чѣмъ хотятъ,
Пускай изъ королей пойдутъ теперь хоть въ слуги;
Сестеръ же въ госпиталь подъ старость помѣстятъ.

4.

Остатки гвардіи и войско распускаю,
И благодарность имъ мою
За службу, раны ихъ и голодъ объявляю,
Но жалованья не даю.

Гдѣ взять его, когда я сдѣлался банкрутомъ?
Послѣдняя война была безъ барыша.
(Обманутъ жестоко я Коленкуромъ-плутомъ!)
Вся собственность моя теперь: *одна душа*,
Одинъ мой только Геній!
Отказываю я ихъ Князю Сатанѣ,
Который сочинялъ со мною бюллетени
И помогалъ во многомъ мнѣ.

5.

Предъ смертію своей прошу у всѣхъ прощенья;
Не требую себѣ богатыхъ похоронъ;
И даже обойтись могу безъ погребенья.
Прощайте! помните, что былъ Наполеонъ.
1814.

=

XXI.

ИНСТРУКЦІЯ

Зятю моему и женѣ его, а моей дочери.

Опора нѣжная дебелаго слѣпца,
Ты оставляешь мать и хвораго отца,
И только-что теперь изъ-подъ вѣнца!
Прими же ты мое сердечно поздравленье,
Благословенье;
Приданаго не дамъ тебѣ—причина: *нѣтъ!*
Не крючкотворецъ я, поэтъ —

А дамъ пожалуй... наставленье,
Инструкцію въ стихахъ:
Да врѣжутся мои слова у васъ въ сердцахъ.

1.

Коль счастливыми быть хотите,
Другъ друга искренно любите.
Любовь прямая не въ словахъ,
Не въ самомъ наслажденьи,
Но во взаимномъ угожденьи
Во всѣхъ поступкахъ и дѣлахъ.
Ничто безъ рвенія и дисциплины служба —
Ничто сама любовь, *коль мать* ея не дружба.
Любовь одна — огонь, или горячки жаръ;
Въ горячкѣ бѣшенство, а отъ огня пожаръ.
Огнемъ свѣтить, согрѣть, жечь и обжечься можно;
Такъ надо поступать съ нимъ очень осторожно.
Не опромѣтчиво, съ разсудкомъ и съ умомъ,
Не то сожжешь себя и, можетъ быть, весь домъ.

2.

Хозяйка и жена должна быть терпѣлива,
Кротка не прихотлива
И мужнинъ соблюдать покой.
. . . . . .

Не нравятся мнѣ женщины буянки:
Онѣ совсѣмъ не христіанки.
А мужъ, коль слишкомъ слабъ,
Коль безхарактеренъ и дастъ жену въ обиду,
То право хуже бабъ,
Пріятельницъ хромому инвалиду.

3.

Мужъ есть глава женѣ.
Она должна ему *повиноваться* [1])
И мужа своего бояться [2]).
Повѣрь не мнѣ,
Повѣрь ученику Христову,
Повѣрь Посланію Петрову, [3])
И Павла. Слушай ихъ, а не безбожныхъ дамъ:
Для Сарры господинъ всегда былъ Авраамъ [4]).
Зато и намъ, мужьямъ,
Такую велѣно имѣть любовь къ женамъ,
Какъ возлюбилъ Христосъ Свой Храмъ [5]).

[1]) Жены своимъ мужемъ повинуйтеся, яко-же Господу: зане мужъ глава жены есть, яко же Христосъ глава Церкви. Еф. V. 22, 23 и 24.

[2]) А жена да боится своего мужа. Тамъ-же 33.

[3]) Соборное посланіе Св. Апостола Петра. III. 1.

[4]) Яко-же Сарра послушаше Авраама, господина того зовущи.

[5]) Мужіе любите своя жены, яко-же и Христосъ возлюби Церковь и себе предаде за ню. Еф. V. 25.

Любить ужъ болѣ не возможно.
Не умничать, а вѣрить должно.

4.

О Богѣ думайте день каждый и всякъ часъ,
И бѣсъ ревнивости да не вселится въ васъ.
Когда жена и мужъ другъ друга уважаютъ,
То подозрѣніемъ пустымъ не обижаютъ.
Кто чести долгъ во всемъ умѣетъ сохранить,
Кто твердъ въ религіи—не можетъ измѣнить.

5.

Хорошее перенимайте,
Съ хорошими людьми бывайте
И убѣгайте
Не только отъ людей лукавыхъ, хитрыхъ, злыхъ
Но даже и пустыхъ.
Богъ съ ними!
Бѣда, ей-ей, съ людьми пустыми!
Коль скучно будетъ вамъ, то лучше почитайте,
На фортепіано поиграйте.
Ну, поцѣлуйтеся-жъ—меня облобызайте.

11 Мая 1830 г.

ИНСТРУКЦІЯ ЖЕНѢ МОЕЙ, ТВЕРСКОЙ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРШѢ *).

1.

Хоть ты и очень мнѣ мила,
Однако же, отнюдь не смѣй входить въ дѣла
Ни по которому палаты отдѣленью:
Не твоему, а моему вѣдь управленью
Палата здѣшняя поручена.
Вицъ-губернаторшѣ нѣтъ дѣла до вина,
Въ моемъ распоряженьи власти,
Вино и хлѣбъ, и соль,
И деньги, и контроль.
Я не вхожу въ дѣла по вашей дамской части,
И слушаться въ дѣлахъ казны не стану дамъ.
Не Евва ты, я—не Адамъ;
Не дамъ прельстить тебя изгибистому змѣю,—
Льстецовъ, наушниковъ и сплетниковъ всѣхъ
въ шею.
Смотри-жъ, пока живемъ въ Твери,
Ни съ кѣмъ не говори
Ни про уѣздныя правленья,
Ни про палатскія дѣла, опредѣленья;

*) Въ семействѣ нашемъ сохранилось преданіе, будто эта инструкція доведена была кѣмъ-то до свѣдѣнія покойнаго императора Николая Павловича и государь, при прочтеніи ея, много смѣялся.

П. А. Измайловъ.

Не говори о томъ ни съ кѣмъ, ниже со мной.
Не долженъ говорить мужъ о дѣлахъ съженой.
Противно это учрежденью
О управленіи губерній, наставленью
Палатамъ данному; въ уставѣ о винѣ
Не сказано, чтобъ мужъ давалъ отчетъ женѣ.

2.

Не будь, сударыня, болтлива,
Не будь горда, властолюбива,
А также и хвастлива.
Коль станешь говорить при комъ, то не спѣши,
Скороговоркою въ собраньяхъ не смѣши.
Не то, такъ прозовутъ насмѣшники чечоткой,
Сорокой иль трещоткой.
Съ торговокъ барынямъ примѣры стыдно брать:
Имъ должно говорить порядочно, не врать.
Кто старѣе тебя, тѣхъ выше не садися,
Всегда имъ мѣсто уступай,
Вицъ-губернаторствомъ пустымъ не возносися
И дамою себя второю не считай;
Учтиво, ласково со всѣми обходися.
Хоть первый я въ Тверской губерніи поэтъ
И въ храмъ безсмертія мной кончена дорога,—

Но я горжусь ли тѣмъ?—Нѣтъ, нѣтъ!
Притомъ таланты всѣ имѣемъ мы отъ Бога,
Чины-жъ даетъ сенатъ, не только государь.
По мнѣ, хорошій секретарь
И даже регистраторъ
Почтеннѣе, чѣмъ злой дуракъ вицъ-губернаторъ.

3.

Изъ сплетницъ ежели составишь штатъ себѣ,
Которыя придутъ къ тебѣ
Съ улыбкой цѣловать тебя не въ щечки—въ плечи,
И станутъ говорить тебѣ на счетъ другихъ
Нарочно злыя рѣчи,
Чтобъ попросила ты меня о чемъ для нихъ,
Дать мужу, напримѣръ, чинокъ иль награжденье,
Племянничка опредѣлить,
Для кума покривить душой въ опредѣленьи,
Иль какъ-нибудь кого по службѣ притѣснить,
То, не прогнѣвайся, взбѣшуся,
На старости съ тобою разведуся.
Серьёзно говорю.—
А сплетницъ кофеемъ горячимъ обварю,
Пусть жалуются хоть царю.

4.

Не странничай и не срамись:
У будки не садись;
Не останавливай идущихъ
Кухарокъ изъ мясныхъ рядовъ,
Кульки подъ мышкою, иль на плечахъ несущихъ—
Не ревизуй у нихъ кульковъ;
Не дѣлай имъ пустыхъ вопросовъ,
Особенно допросовъ
Пристрастныхъ: сколько въ годъ
Иль въ мѣсяцъ отъ казны хозяинъ получаетъ?
Почемъ квартиру нанимаетъ?
Кто у него бываетъ?
И какъ великъ его неокладный доходъ?
Отъ зависти отнюдь въ лицѣ не измѣняйся
И слезы скрыть старайся,
Коль гость ѣстъ много или пьетъ,
Иль скатерть невзначай виномъ какимъ зальетъ,
Хоть больно, лучше притворися,
Иль къ людямъ придерися
И пошуми на нихъ побольше за столомъ—
Такъ менѣе съѣдятъ и скажутъ: „вотъ и видно,
Вицъ-губернаторша въ порядкѣ держитъ домъ!

Хозяйка!“—Плакать же при постороннихъ
стыдно.

5.

Передъ гостями
Не осыпай меня смѣшными похвалами;
Не говори:
„Какъ мучится мой мужъ въ Твери!
Одышка сдѣлалась отъ дѣлъ, насилу дышетъ,
А бѣдненькой съ утра до полуночи пишетъ!
За дѣломъ онъ всегда.
Повѣрь другимъ—бѣда!
Способностью къ дѣламъ давно онъ всѣмъ извѣстенъ.
А какъ уменъ! какъ добръ! какъ честенъ!
Ужъ не возьметъ ни за что ни съ кого.
За то у насъ нѣтъ ничего...
Долги... А какъ берутъ другіе!
Такой-то, напримѣръ, купилъ недавно домъ,
Признаться, пополамъ съ грѣхомъ—
И строится теперь, да бревна-то какія!“
Подобныхъ пустяковъ отнюдь не говори.
Не должно увѣрять намъ о себѣ словами,
А, знаешь чѣмъ?—Дѣлами.
Ей-ей! не дураки въ Твери:
Хорошъ ли кто?—Всѣмъ это видно.
А дурень?—Ну, тому и стыдно,

А если золъ, такъ грѣхъ!
И будетъ тотъ у всѣхъ
Не только что въ презрѣньи,
Но въ омерзеньи.

(„Р. С.“ 1875 г.).

=

XXII.

КНЯГИНѢ Е. С. Х.

Родная мать моя мнѣ только жизнь дала,
И съ горя умерла.
Но мнѣ другую мать послало Провидѣнье:
Она сироточку отъ голода спасла *).
За христіанское сіе благотворенье
Богъ наградитъ мою вторую мать.
И чувствовать, увы! не все могу я нынѣ
Когда-жъ начну я лепетать.
То стану Богу все молиться о Княгинѣ.

Сирота Дмитрій Соболевъ, а за неумѣніемъ его грамотѣ, вмѣсто его писатель для мужчинъ и дамъ Александръ Измайловъ Благонамѣренный руку приложилъ.

=

*) Добрая княгиня наняла для бѣднаго сироты кормилицу.

XXIII.

ПРОШЕНІЕ СТЕРЛЯДЕЙ.

Его Превосходительству
Господину..... Гражданскому Губернатору
и Кавалеру.

1.

О другъ людей!
Не призри слезнаго прошенья
Карбанскихъ стерлядей
И удостой ты оное прочтенья!
Къ сему прошенію

2.

Намъ слава въ томъ и честь,
Когда друзья Карбанскаго владѣльца
Изволятъ у него насъ ѣсть:
Онъ ими потчуетъ отъ сердца.
вмѣсто означенныхъ

3.

И потому, когда нельзя Вамъ здѣсь обѣдать,
Нижайше просимъ Васъ
Отсрочить свой отъѣздъ на часъ:

Нельзя ли насъ хотя за завтракомъ отвѣдать,
Сегодня поутру?
Межъ тѣмъ, Вы въ шахматы сыграете игру.

стерлядей за неумѣнїемъ ихъ грамотѣ имержъ руку приложилъ.

=

НАДПИСИ.

1.

Къ бюсту Екатерины II.

Вторая именемъ, но первая умомъ.
Усовершила все, что начато Петромъ.

2.

Къ эстампу добродѣльной Римлянки, *которая кормила въ темницѣ грудью своего отца, осужденнаго на голодную смерть.*

Какъ глупы встарину бывали передъ нами!
У насъ и матери дѣтей не кормятъ сами.

3.

Къ изображенію Ѳемиды.

Одной рукой вѣсы, другою мечъ держу.
Давайте—свѣшу я; коль мало— поражу.

4.

Къ статуѣ Венеры.

Богиня красоты!! Ну что за удивленье!
И есть ли между цей съ хозяйкою сравненье?

5.

Къ портрету С. Д. П.

Всегда прелестна, весела;
Шутя кладетъ на сердце узы;
Какъ Грація она мила,
И образована какъ Музы.

6.

Къ пяльцамъ N. N.

Стоятъ три года эти пяльцы:
Не прикасаются хозяйкины къ нимъ пальцы.

7.

Къ пяльцамъ К. С. М.

Въ искусствѣ вышивать
Хозяйка здѣшняя соперница съ Минервой.
Но мудрено рѣшить, которую бы первой
Изъ нихъ двухъ должно называть.

8

Къ кеглямъ.

Когда на шаръ въ игрѣ я обращу свой
вворъ,
Всегда мнѣ въ мысль придетъ сердитый ре-
визоръ:
Шумитъ и катится, какъ тотъ — а прика-
тился—
Глядь, кто-нибудь и повалился.

9.

У густыхъ березъ надъ лавочкою въ саду
Е. Н. К.

Пріятно въ полдень ясной, жаркой
Здѣсь книжку умную читать,
А вечеръ съ трубкой, иль сигаркой
О суетѣ мірской мечтать.
Пріятно здѣсь сидѣть съ друзьями
(Не графами и не князьями),
Еще пріятнѣе двоимъ,
Иль только съ *нею*, или съ *нимъ*.

10

На дверяхъ бывшей моей пріемной.

Всегда и всѣхъ принять готовъ,
Опричь клеветниковъ

Подъ камнемъ симъ сокрытъ любимецъ Музъ
и Грацій,
Фелицы славныя пѣвецъ,
Державинъ, Пиндаръ нашъ, Анакреонъ, Горацій.

4.

В. А. Озерову.

Переломивъ кинжалъ, безсмертна Мельпомена
Надъ урной сей стоитъ въ безмолвіи, въ слезахъ:
Здѣсь скрытъ ея любимца прахъ.—
Эдипъ, Фингалъ, Димитрій, Поликсена
Въ потомствѣ позднемъ будутъ жить.
Но ихъ чувствительный творецъ, увы! жилъ мало:
Ехидна зависти въ него вонзила жало
И ядомъ дни его успѣла сократить.

5.

П. А. Никольскому.

Отличныя имѣлъ Никольскій дарованья,
Умъ зрѣлый въ цвѣтѣ лѣтъ,
Любовь къ изящному, обширны познанья,
И сердце... о, мой другъ! тебя ужъ больше нѣтъ.
Страдалъ въ молчаніи отъ скорби и недуга,

Страдалъ—и пересталъ, увы! теперь страдать!
Несчастные отецъ и мать!
Несчастная супруга!

6.

М. В. Милонову.

Любимъ былъ Музами отъ самыхъ юныхъ лѣтъ,
И жизнь его Судьба исполнила отравы.
Для счастья мало жилъ—довольно жилъ для славы.
Миръ праху твоему, о, *бѣдный* нашъ *поэтъ*!

7.

С. П. Власову.

Родясь въ невѣжествѣ, стремился къ просвѣщенью;
Былъ геній онъ при всей природной простотѣ;
Открытія свои привелъ къ усовершенью
На пользу общую—и умеръ въ нищетѣ.

8.

Дѣвицѣ Даниловой.

Надъ урной сей рыдаетъ Терпсихора
И Граціи стоятъ съ Амурами въ слезахъ:

Подруги юныя Дюпора
Даниловой сокрыть здѣсь прахъ.

9.

С. Д. Пономаревой.

Все скрыто здѣсь: и умъ и красота,
Любезность, дарованья,
Вкусъ тонкій, острота,
Пріятныя и рѣдкія познанья
И непритворная, прямая доброта.

10.

Ей же.

Нерѣдко въ тишинѣ ночной
Сей скромный памятникъ Камены окружаютъ
И съ Граціями здѣсь рыдаютъ
О милой ихъ сестрѣ родной.

11.

А. Ѳ. О.

Въ печали и въ слезахъ
Всю жизнь вела она.
Теперь на небесахъ
За скорбь награждена.

12.

А. Н. К.

Едва лишь роза распустилась,
Дохнулъ Борей—и розы нѣтъ.
Такъ и она во цвѣтѣ лѣтъ
Мгновенно въ вѣчность преселилась.

13

М. И. Г.

Во цвѣтѣ лѣтъ она увяла.
Добротою души своей
Не только что друзей, но и враговъ плѣняла.
Прохожій! пожалѣй супруга и дѣтей.

14.

О. С. Т.

Примѣрная мать и супруга!
Молись, молись на небесахъ
О мужѣ и шести несчастныхъ сиротахъ,
Лишившихся въ тебѣ первѣйшаго ихъ друга.

15.

К. И. Г.

Отъ самой юности до старости глубокой
Царю, отечеству съ усердіемъ служилъ;

Для блага общаго здоровья не щадилъ
И самъ собой достигъ до степени высокой.

16.

Д. А. Богданову.

Съ примѣрнымъ рвеніемъ свой исполняя долгъ,
Спасъ подчиненныхъ жизнь онъ при своей кончинѣ;
Но, ахъ! его спасти никто уже не могъ—
И онъ погибъ въ морской пучинѣ.

17.

Θ. В. К.

Для ближнихъ и друзей, къ несчастью, мало жилъ.
Всѣхъ привлекалъ къ себѣ сердечной добротою;
Въ бесѣдахъ дружескихъ плѣнялъ всѣхъ остротою
И кто ни зналъ его, любилъ.

18.

Н. Е. С.

Служилъ онъ вѣрою и правдой весь свой вѣкъ;
Отъ всѣхъ снискалъ себѣ любовь и уваженье

И втайнѣ ближнему являлъ благотворенье.
Миръ праху твоему, о добрый человѣкъ!

19.

Латинскому стихотворцу Галлу.

На стройной лирѣ я измѣнницу прославилъ,
Она меня безумцемъ прозвала —
Я ей безсмертіе доставилъ;
Она меня ко гробу привела.

20.

Младенцу.

Покойся, милый сердцу прахъ!
Покойся: души всѣхъ незлобныхъ
Младенцевъ, ангеламъ подобныхъ
Наслѣдятъ царство въ небесахъ

21.

Другому младенцу.

Супружеской любви плодъ первый здѣсь сокрытъ,
Отца и матери надежда, утѣшенье,
И слезы, коими сей памятникъ омытъ,
Въ ихъ горести теперь одно имъ услажденье.

МАДРИГАЛЫ.

1.

Ужъ Хлоя наконецъ моя!
Кто защитить могъ Хлою?
Мы были съ ней вчера въ лѣсу: она и я;
Еще Амуръ и за одно со мною.

(*Съ франц.*)

2.

Зачѣмъ меня къ себѣ. Прелеста, приглашаешь?
Нѣтъ, больше не могу съ тобою вмѣстѣ быть:
Увидѣвши тебя, нельзя не полюбить!
А ты сама любви не знаешь.

(*Съ франц.*)

3.

—звольте разсказать мой сонъ вчерашній вамъ—

Въ раю мы вмѣстѣ были:
Вы Ева, я Адамъ.
Не помню, въ чемъ мы согрѣшили;
Но знаю, что во снѣ
Нисколько не было раскаянья во мнѣ;
И я лишь пробудился,
То раю и лишился.

(*Съ франц.*)

4.

А. Я. Н.

Не можно ни съ одной богиней вамъ ровняться—
Но уподобить васъ кому?
Вы ангелъ—всѣ въ томъ согласятся—
По красотѣ, по нраву, по уму.

5.

Анжелике.

Когда я на небо въ прекрасный день гляжу,
Всегда на мысль себѣ васъ привожу:
Глаза у васъ, какъ небо голубые
И въ нихъ небесная примѣтна доброта.
Коль ангелы, какъ вы, такіе—
Сколь ихъ прелестна доброта!

6.

Вуаль.

Какъ только къ вамъ пристало
Сквозное бѣлое изъ дымки покрывало!
Совѣтую всегда въ вуалѣ вамъ ходить...
Однако, личико открыть.
Когда-бъ съ вуалемъ вы явилися къ Париду,
Затмили-бъ съ поясомъ прелестную Киприду.

7.

Когда здороваясь или прощаясь съ вами,
Цѣлую ручку я у васъ,
И вы, какъ ангелъ, разсмѣясь,
Своими алыми устами
Касаетесь щеки моей—
Не помню я себя отъ радости—ей, ей!
Что чувствую, того сказать вамъ не умѣю;
Но только всякой разъ жалѣю
Зачѣмъ я не уродъ?
Зачѣмъ не *на щекѣ* мой ротъ?...

8.

Съ Амуромъ красотой и нравомъ схожи вы:
Такое же и въ васъ прелестное лукавство,
И можетъ быть, увы!
Такое же непостоянство.

9.

С. Д. П.

въ день ея ангела, 17 сент. 1822.

И тотъ, кто Мудрость ненавидитъ,
Кому судьба глаза одни дала,
Лишь только васъ увидитъ,
То скажетъ „Мудрость какъ мила!“

10.

Ей же.

Премудрости вамъ имя дали.
И правду молвить вы отмѣнно *мудрены!*
Кого собой вы не плѣняли?
А не были еще ни разу влюблены.

11.

Кн Е. С. Х.

Въ Пагодѣ *) написалъ стишки въ альбомъ
Княгинѣ.
Во храмѣ почему-жъ не думать о богинѣ?

12.

К. С. М.

Иголкою себѣ вы пальчикъ укололи —
И сморщились отъ боли.

*) Индѣйскій храмъ, бесѣдка.

Иголка ваша очень зла.
Жаль васъ! Но какъ же быть? Бываетъ и больнѣе.
Остры вы сами, какъ игла,
А раните сто разъ сильнѣе.

13 *).

Ну, исполать Ѳадею!
Примѣръ прекрасный подаетъ!
Противъ Отечества давно-ль служилъ злодѣю,
А „Сынъ Отечества“ теперь онъ издаетъ.

НЕСЧАСТІЯ АНДРОМАХИ **).

О, какъ несчастна Андромаха!
Пирръ бѣдную вдову въ отчаянье привелъ;
Парнасскій же козелъ,
Риѳмачъ, палачъ Хвостовъ, неряха,
Расиновъ снялъ съ нея нарядъ,
Да въ сарафанъ одѣлъ китайчатый—и радъ.
Катенинъ, наконецъ, съ ней поступилъ тирански:
Заставилъ говорить безъ смысла по-славянски.

---

*) Появляется въ печати въ первый разъ. Заимствованы изъ „Р. С.“, 1875 г.

**) Печатается по рукописи автора. „Р. С.“, 1875 г.

ЭКСПРОМПТЫ.

=

1.

На русскую пляску г. Дюпора и Даниловой на Большомъ Театрѣ 9 Іюня 1809 г.

Что вижу?... кто крылами машетъ?
Амуръ!... Такъ, самъ Амуръ летитъ
И, зря Данилову, съ улыбкой говоритъ:
По-русски Душенька моя съ Зефиромъ пляшетъ.

2.

Въ альбомъ С. Д. П.

Могу сказать я про себя,
Что я отнюдь не льстецъ: лесть, право, не навижу —
Умнѣй, любезнѣе, прелестнѣе тебя
Изъ женщинъ не видалъ — и, вѣрно, не увижу.

3.

С. Д. П....ой.

(По случаю пробы Комедіи: *Провинціяльный Адонисъ*, въ которой она играла роль слуги *Ивана*).

Отпускной никогда я не далъ бы Ивану:
Будь баринъ я ему—его слугою стану.

4.

N. N. *на вопросъ: терпѣливъ ли я?*

Ахъ! я-ль терпѣнья не имѣю?
О, если-бъ знали вы, сколь много я терплю!
Давно уже, давно прелѣстную люблю—
И этого сказать я ей, увы! не смѣю.

5.

На чтеніе въ одномъ домашнемъ литературномъ обществѣ двухъ молодыхъ поэтовъ.

Одинъ, нахмурившись, гудитъ,
Какъ песъ рычитъ и воетъ;
Другой, согнувшись въ крюкъ, сидитъ,
Зубки оскаля, ноетъ.

6.

Въ классѣ одного благороднаго дѣвичьяго института.

Какъ въ клѣткѣ птицы,
Такъ въ классѣ дѣвицы
О волѣ мечтаютъ;
А того не знаютъ:
Воля хоть прекрасна,
Только и опасна.

7.

Дамѣ, которая сказала мнѣ шутя, что надобно бы поставить меня въ уголъ.

Въ углу, но въ вашемъ лишь покоѣ,
При томъ при васъ,
Готовъ я простоять не часъ,
Но сутки, даже двои.

8.

М. П. О.

Что вы въ собраніе къ намъ не приглашены,
Въ томъ виноваты старшины.
Для праздника простите имъ;
Украсьте вы нашъ балъ присутствіемъ своимъ.

=

ЭПИГРАММЫ.

1.

Ты другъ мнѣ? — „Другъ.“ — А чѣмъ докажешь?—
„Что̀ ни прикажешь,
Все сдѣлать радъ.“
— Дай денегъ мнѣ въ займы. — „Изволь... давай закладъ.“

2.

„Послушай, Секретарь,
Пиши теперь же представленье,
Чтобы Глупягину чинъ дали въ награжденье.“
— Позвольте доложить, сударь,
Есть многіе у насъ его гораздо старѣ:
И такъ ужъ говорятъ...
„Прошу не умничать, а дѣлать что велятъ:
Глупягинъ мастерски играетъ на гитарѣ.“

3.

Нашъ Мевій фабулистъ примѣрный:
Нѣтъ въ басняхъ у него искусства, пышныхъ словъ,
А сколько *простоты!* Вотъ въ нихъ-то совершенный
Языкъ скотовъ.

4.

„Что это? Въ новомъ ты кафтанѣ,
А шляпа какъ стара твоя!
Измята!... вмѣстѣ мы купили... вотъ моя,
Смотри, новехонька!“ —Да все вѣдь *на болванѣ* *).

5.

Напрасно Лизу свѣтъ поноситъ,
Что нѣтъ у ней волосъ своихъ.
Я знаю, Лизанька чужихъ волосъ не носитъ;
У ней свои: она при мнѣ купила ихъ.

6.

Смѣются Простину,
Что говорить онъ не умѣетъ
И *половиною* зоветъ свою жену.
Ну что же? Пополамъ онъ ею и владѣетъ.

*) Bon mot покойнего А. Л. Нарышкина.

7.

Лариса, въ чепчикѣ степенномъ и въ салопѣ,
Днемъ молится въ церквахъ, бѣжитъ отъ міра прочь.
А ночью?—О! она, подобно Пенелопѣ,
Что днемъ ни сдѣлаетъ, то перепортитъ въ ночь.

8.

Три сына у меня, всѣ разные лицомъ.—
Да, каждый схожъ съ отцомъ.

9.

Клитъ былъ плохой поэтъ,
Теперь сталъ критикъ рѣдкій.
Тутъ, впрочемъ, дива нѣтъ:
Изъ кислаго вина выходитъ уксусъ ѣдкій.

10.

О, ужасъ! о, досада!
Гомера перевелъ безграмотный Глупонъ.
Отъ лошади погибъ несчастный Иліонъ,
А отъ осла погибла Иліада.

11.

Климъ человѣкъ пустой. За то его сестрица
Прекрасная дѣвица!
Нуль значитъ, ежели при немъ есть единица.

12.

Лизета овдовѣла—
И плачетъ въ два ручья. Бѣдняжку очень
жаль:
Предъ смертью мужниной она купила шаль
И обновить ее, къ несчастью, не успѣла.

13.

На, столпъ дорожный Петръ, философъ нашъ,
походитъ:
Показываетъ путь, а самъ по немъ не ходитъ.

14.

„Что нашъ больной?“ —Сегодня пріобщался,
Лекарства больше не беретъ,
И докторъ отказался. –
„Ну, слава Богу, есть надежда, оживетъ.“

15.

„Что такъ ты похудѣлъ?“ — Не сплю вотъ
третью ночь!
Не мучился такой безсонницей я съ роду!
„Бездѣлица! могу помочь:
Сегодня же пришлю къ тебѣ Графова оду.

16.

Во всемъ счастливъ Филетъ:
Чинъ получилъ, хотя не дослужилъ двухъ
лѣтъ;

Три мѣсяца назадъ женился—
И сынъ ужъ у него родился.

17.

Всю проповѣдь отца-Тарасія хоть кинь;
Одно лишь слово въ ней понравилось: *аминь*.

18.

Весь свѣтъ сосѣда моего
Пустоголовымъ называетъ;
А всякій вечеръ у него
Какъ много въ головѣ бываетъ!

19.

Молва напрасно трубитъ,
Что мужа своего Кокеткина не любитъ.
Такъ можетъ говорить лишь клеветникъ одинъ:
Извѣстно, что она всѣхъ жалуетъ мужчинъ.

20.

Корнетъ нашъ Ипполитъ
Хоть молодъ, никогда безъ дѣла не бываетъ;
Онъ въ карты не играетъ,
А съ трубкой вечеръ весь за картами сидитъ.
— Какія-жъ книги онъ читаетъ?
Военныя?—Зачѣмъ? Вѣдь онъ еще корнетъ.
Романы?—не беретъ романа никакова.

— Моральныя?—О, нѣтъ!
Да что-жъ читаетъ онъ?—Грекура и Баркова.

21.

(*Разговоръ въ книжной лавкѣ*).

„Что, есть у васъ Кутузова портретъ?“
— Безъ рамки пять рублей.—„О деньгахъ слова нѣтъ....
Пожалуй кстати мнѣ Платова, Витгенштейна,
Да ихъ *дѣянія*.“—Прикажете связать?—
„Постой... *Записки*... какъ? *Мангитейна*,
Науку побѣждать
Суворова!... люблю его сердечно!...
Вотъ карту бы еще Италіи я взялъ.“
— Вамъ *генеральную*?—„Конечно:
Я не полковникъ, *Генералъ!*

22.

„Ты поблѣднѣлъ, какъ смерть, и слезы на глазахъ!
Что сдѣлалось съ тобою?“—Ахъ!
Не знаешь, на меня Господь какъ прогнѣвился!
Что сдѣлать! Потерялъ!...
„Жену?“—Да-я бъ перекрестился,
Ни слова-бъ не сказалъ, —

„Такъ, вѣрно, дочери, иль сына ты лишился?“
— Нѣтъ! видишь: у меня въ карманѣ здѣсь дара... —
„Ну что же?“ — Выпала полтина серебра. —

23.

Позорскій пересталъ ужъ пить.
Не вѣрите? Вчера велѣлъ вамъ долго жить.

24.

(Разговоръ при входѣ на обсерваторію).

„Швейцаръ! вотъ на! возьми билетъ,
Да сдѣлай, братецъ, одолженье,
Скажи куда идти?“ Ужъ кончилось затмѣнье. —
„И астрономъ ушелъ?“ — Онъ здѣсь. — „Такъ нужды нѣтъ!
Онъ по знакомству не откажетъ
И на просторѣ все мнѣ съизнова покажетъ.“

25.

„Я видѣлъ васъ вчера въ трагедіи моей.
Вамъ нравится она?“ — Нимало! —
„А что-жъ вы плакали?“ — Сказать ли? жаль мнѣ стало,
Что далъ за кресла пять рублей. —

26.

„Когда ты, папенька, играть въ банкъ перестанешь?“

— Когда ты, маменька, отъ всѣхъ интригъ
отстанешь?
Отстань, и больше картъ не буду въ руки
брать.—
„Ну, видно вѣкъ тебѣ, безсовѣстный, играть.“

27.

Какихъ лишились бы прекрасныхъ мы стиховъ,
Когда бы не писалъ Вралевъ!
Смѣетеся?—Тутъ нечему смѣяться:
Я правду говорю.—Вралевъ, конечно, глупъ,
Да и полезенъ намъ: оселокъ хоть и тупъ,
Но объ него ножи острятся.

28.

Не вѣрятъ, что Глупонъ
Имѣетъ мѣсто на Парнассѣ.—
Тамъ нѣтъ козла; такъ Аполлонъ
Глупона держитъ при Пегасѣ.

29.

„Не знаешь ты моей печали:
Пять лѣтъ копилъ, берегъ, а у меня украли....“
Жалѣю, подлинно печаль! —
„Всѣ, всѣ мои стихи.“—Жаль вора, очень жаль! —

30.

Бывало въ старину дадутъ судьѣ и правы,
А нынчѣ, напримѣръ, Вралеву, дать-то дай,
Да слушай у него стихи и не зѣвай.
О времена! о нравы!

31.

„Не знаю, какъ отмстить мнѣ моему злодѣю,
Зоилу, демону!“ — Изволь, отъ всей души
Подамъ тебѣ совѣтъ: подъ притчею своею
Его ты имя подпиши.—

32.

Верзилинъ истинно великъ!
Едва не въ три аршина!
Ужасная машина!
Въ немъ вѣсу десять пудъ, а мозгу золотникъ.

33.

„Вѣтрана по уши въ тебя, братъ, влюблена;
Женись-ка ты на ней: богата вѣдь она—
Пятьсотъ душъ:“ — Развѣ я взбѣсился!—
„А что? небось стара? Ей, правда, пятьдесятъ“.
— Напротивъ, молода: когда бы шестьдесятъ
Ей было, право бы женился.

34.

„Ну, милая, прощай: пора, ужъ я спѣшу.“
— Когда-жъ опять къ намъ въ городъ будешь?
Уѣдешь ты отсель, совсѣмъ меня забудешь!—
„Нѣтъ, имя я твое на память запишу.“

35.

Всѣ бьютъ у насъ челомъ передъ судьей Ѳомой;
А онъ гордѣе право Папы:
Ни передъ кѣмъ не скинетъ шляпы
И не поклонится.—Вотъ *Судія прямой!*

36.

Сказали, будто бы Глупонъ
Писать ужъ вовсе не умѣетъ. —
Кто такъ безсовѣстно лгать смѣетъ?
Я видѣлъ: *вензеля ногами* пишетъ онъ.

37.

Конечно, золъ Филонъ
И въ злости не уступитъ звѣрю,
Эхиднѣ, аспиду,—однако же, не вѣрю,
Что ближняго не любитъ онъ:
Племянниковъ къ чинамъ представилъ самъ Филонъ.

38.

„Все только съ книгами! Не посидитъ съ женою!
Хотѣла-бъ книгой быть—тогда бы вы, сударь,
Надѣюсь, всякой день ужъ занимались мною.“
— Ахъ, если-бъ, душенька, была ты календарь.—

39.

„Я слышалъ, не живешь ты болѣе съ женой?“
— Терпѣлъ ужъ я, терпѣлъ, но наконецъ взбѣсила!
Прогналъ негодную. — „Конечно, измѣнила?“
— О, нѣтъ, совсѣмъ не то! — „Такъ, вѣрно, нравъ дурной?
Что не уступчива она, или бранчива?“
— Ну, грѣхъ сказать: глупа, за то ужъ молчалива....
Да страсть проклятая!.... — „Ужъ ли она пила?“
— Пила по утру чай, да и дѣтей поила,
И чашку съ блюдечкомъ разбила,
А чашка въ пять рублей была!—

40.

„Вотъ на, возьми опредѣленье:
Я ни за что его не подпишу,
А ужъ тебя, братъ, попрошу
Мнѣ написать—ну знаешь—голосъ, мнѣнье."
— Что-жъ въ этомъ мнѣніи, сударь,
Прикажете сказать? — „Изъ дѣла это видно!
Какъ спрашивать тебѣ не стыдно?
Самъ долженъ знать: ты Секретарь!"

41.

„Теперь вы замужемъ!.... ну, поздравляю васъ!
Теперь ужъ вы на насъ
Не смотрите и не глядите,
Прошло то время, какъ..." — Что вы сказать хотите?
Я одинаково всегда себя вела
И такъ же въ дѣвушкахъ, какъ замужемъ, жила. —

42.

(*Подражаніе князю Кантемиру* *).

Послушаешь однихъ, такъ очень глупъ Дамонъ;

---

*) Вотъ эпиграмма князя Кантемира:
Уменъ ты, Брутe; порукъ тому счесть устанешь;

Другіе говорятъ: умёнъ—
Кому же вѣрить должно?
Не лжетъ ли кто нибудь?—Никакъ!
Когда молчитъ Дамонъ, его счесть умнымъ можно;
Заговоритъ — дуракъ!

43.

„Сейчасъ же выходи со мною:
Иль я убью тебя, иль ты меня убей!“
— Да отвяжись ты, Богъ съ тобою:
Я право не мясникъ и не бивалъ свиней.—

44.

„Что такъ ты пасмуренъ?“ — Не спрашивай... жена...
Уже-ль ты не слыхалъ?—„Скончалась, что-ль, она?“
— Да лучше бъ умерла, тогда, бъ не осрамила!—
„Что слышу? измѣнила?“
— Нѣтъ, братецъ, драму сочинила.—

45.

У Лицемѣрина жена
Ряба, черна, скверна—

Да и ты же, Бруте, глупъ, какъ то можетъ статься?
Изрядно, и какъ я мню, могу догадаться:
Уменъ ты молча; а глупъ, какъ говорить станешь.

Медуза, вѣрьте мнѣ, красавица предъ нею.
Не потому-лѣ, что такъ она гнусна,—
Супругъ зоветъ ее всегда *душей своею?*

46.

„О, цензоръ! о, злодѣй!
Не пропустилъ элегіи моей!“
— Какъ? почему? — Да говоритъ, что въ ней
Находитъ смыслъ двоякой.
Ну ты читалъ ее; ты, братецъ, самъ поэтъ;
Скажи: двусмысленна-ль?“ — Вотъ вздоръ! да скажетъ всякой,
Что въ ней и вовсе смысла нѣтъ.

47.

„Смотри, будь остороженъ, братъ!
Поколотить тебя хотятъ.“
— А кто?—„Смѣловъ.“—Дай Богъ! заплатитъ—онъ богатъ.

48.

Баярдъ нашъ Генералъ, *Баярдъ!*
Не рыцарь славный тотъ *безъ страха и упрека;*
Но рѣзвоногій конь, безъ всякаго порока,
Котораго имѣлъ Ренальдъ.

49.

Отставленъ ты—хвала судьбѣ!
Отъ насъ скорѣе удалися;
А коль уменъ, то отравися.
Да есть ли *ядъ-то по тебѣ?*

50.

Безчестенъ нашъ Змѣядъ, однако любитъ *честь*
И хочется ему повыше прочихъ сѣсть.
Ну чтожъ? его потѣшить можно
И на колъ посадить давно бы, право, должно.

51.

„Какъ у тебя, братъ, красенъ носъ!
— А вотъ-съ
Пью *бѣлое* вино-съ.

52.

Твои портреты очень схожи:
На лица пишешь все! – „Нѣтъ, я пишу на рожи."

53.

Чудакъ ты, Климъ, изъ чудаковъ:
Не хочешь видѣть дураковъ!
Но если ты уже таковъ,
То отъ людей, братъ, удаляйся,
Одинъ быть въ комнатѣ старайся
И къ зеркалу не приближайся.

54.

„Коль *теплое* дадутъ мѣстечко мнѣ, пойду.“
— Ты заслужилъ давно *претеплое*... въ аду. —

55.

„Отдѣлали-жъ меня въ Палатѣ!
Прислали мнѣ оттуда *носъ!*“
— Ну, поздравляю: очень кстати. —
„Какъ кстати? — Да вѣдь ты курносъ?
Такъ нуженъ для тебя былъ *носъ*. —

56.

„Вотъ говорятъ, что я навѣрное играю!“
— Не только, братъ,
Всѣ говорятъ,
Но вѣрятъ этому, тебя я увѣряю.

=

ЭПИТАФІИ.

—

1.

Остановися, гражданинъ!
Подъ камнемъ симъ лежитъ россійскій дворянинъ:
Его прапрадѣдъ жизнь окончилъ подъ Полтавой.
Дѣдъ подъ Кистриномъ палъ со славой,
А подъ Бендерами отецъ убитъ ядромъ.
Его-жъ убилъ... ямайскій ромъ.

2.

Подъ камнимъ симъ лежитъ Губернскій Предводитель.
Онъ былъ собакъ борзыхъ и гончихъ покровитель.

3.

Здѣсь *Людоморова* могила.
Онъ практикой своей кладбища удивилъ.
И смерть *его* сразила.

4.

Я русскій дворянинъ; родился я въ Малмыжѣ; *)
Воспитанъ былъ въ чужихъ краяхъ,
И, ахъ!
Въ Россіи кончилъ дни!—Но здѣсь мой только прахъ:
Душа моя—въ Парижѣ.

5.

Здѣсь Пустельгинъ лежитъ—не такъ-то былъ уменъ,
А нечего сказать ученъ!
Все зналъ, всему учился,
Проекты сочинялъ, и день и ночь трудился...
Но только къ дѣлу не годился.

6.

Ласточкѣ.

Здѣсь, въ маломъ гробикѣ, скрытъ ласточкинъ птенецъ
Несчастный былъ его конецъ:
Изъ гнѣздышка свалился,

---

1) Заштатный городъ въ Вятской губерніи. Ирн. годился для риемы къ Парижу.

Упалъ... куда же? на балконъ!
У ногъ дѣвичьихъ умеръ онъ;
Слезами Грацій прахъ малютки оросилося.

7.

Зайчику.

Съ вечерней, утренней росой
Здѣсь Настя *) слезы проливаетъ:
Здѣсь зайчикъ сѣренькій, косой,
Сномъ безпробуднымъ почиваетъ.
Несчастный выпрыгнулъ въ окно
Для соблазнительной свободы,
Но смерть внизу ждала давно—
И Стиксовы онъ преплылъ воды.
Ахъ! не одинъ, о' зайчикъ! ты
Погибъ, упавши съ высоты.

---

*) Имя дочери сочинителя.

ШАРАДЫ.

1.

Танцуя, *первое* мое употребляютъ:
Съ водой *второе* попиваютъ,
А иногда и безъ воды,
И много отъ него бываетъ здѣсь бѣды;
На *цѣломъ* же переѣзжаютъ
Черезъ рѣку, черезъ каналъ—
Ужъ ли, читатель, ты еще не угадалъ?

2.

Читатель! *первое* мое предлогъ
И имя—это лишь въ однѣхъ печахъ бываетъ;
Второе всякому далъ Богъ.
Бѣда и стыдъ тому, его кто потеряетъ!—
На *цѣломъ* подаютъ
То, что ѣдятъ и пьютъ.

3.

Слогъ *первый* у меня то мѣсто означаетъ,
Куда приходятъ корабли;

Вторый—спасителя животныхъ на земли;
А *цѣлое* того, кто всѣхъ насъ одѣваетъ.

4.

Отъ *перваго* въ лѣсу придешь въ оцѣпенѣнье;
Второе же мѣстоименье,
Которое у насъ теперь въ употребленьи
Въ бумагахъ дѣловыхъ, еще въ проповѣдяхъ,
И иногда въ стихахъ;
А *цѣлое*—цвѣтокъ красивый, но прелестный,
Душистый и весьма извѣстный.

5.

Слогъ *первый* у меня есть буква, или знакъ;
Вторый—цвѣтокъ, зерно; а *цѣлое* козакъ.

6.

Слогъ *первый* литера, *вторый* же слогъ рѣка;
Но такъ уже никто ее не называетъ.
Рѣка сія у насъ далеко протекаетъ,
Сердита очень, широка,
И *цѣлыми* всю почти Россію снабдѣваетъ.

7.

И *первый* и *второй* одинъ все тотъ же слогъ,
А *цѣлаго*—избави Богъ.

8.

Читатель! *первое* мое мѣстоименье;
Второе человѣкъ, котораго умѣнье
Чужое прибирать имѣнье
А цѣлое—растенье.

9.

Какъ *первая* моя, такъ и *вторая* часть
Всегда изъ дерева бываютъ.
Не дай Богъ и врагу на *первое* попасть!
Второе жидкимъ наливаютъ
И вещи разныя туда же можно класть.
А въ *цѣломъ* древнее оружіе хранится,
Которое теперь въ сраженьи не годится.

10.

Въ водѣ есть *первое*, а также и *второе*;
Но *цѣлое* съ водой *втораго* лучше втрое.
Какъ втрое? вчетверо, въ пять разъ!
Да много отъ него быть можетъ и проказъ.

11.

Читатель! *первое* мое ты, вѣрно, ѣлъ:
Вещь эту всякій здѣсь имѣетъ огородникъ;
Въ *послѣднемъ* нѣкогда одинъ пророкъ сидѣлъ;
А цѣлое актеръ... еще поэтъ-покойникъ.

12.

По *первому* мы ходимъ,
И это есть во всѣхъ домахъ;
Второе въ азбукѣ находимъ;
А *цѣлое*—въ шкапахъ.

13.

Слогъ *первый* состоитъ изъ буквы только гласной;
Второй же изъ согласной:
Отъ первой въ азбукѣ она не далека.
А цѣлое—рѣка.

14.

Когда за *цѣлое* мое дѣтей сажаютъ,
То *первое* всегда сперва покажутъ имъ;
Напротивъ же того, *вторымъ*
Нерѣдко ихъ стращаютъ.

15.

Два слога первые—растенье.
Хоть горько, мочи нѣтъ, оно,
Но многіе у насъ кладутъ его въ вино.
Послѣдній слогъ мѣстоименье;
А въ *цѣломъ* утонуть зимой не мудрено.

16.

Слогъ *первый*—имя старика
Плѣшиваго, безъ парика,
Но съ длинною косой, съ часами.
Второй слогъ, на Руси у насъ
Почти все то же, что указъ,
Но только съ цифрами, графами;
Летятъ отвсюду корабли
Весною къ *цѣлому*, какъ птицы;
Оно средь моря на земли
И очень близко отъ столицы.

=

Объясненіе шарадъ.

1. Па-ромъ. . . . . Паромъ.
2. Под-носъ . . . . . Подносъ.
3. Порт-ной . . . . . Портной.
4. Лев-кой . . . . . Левкой.
5. Ер-макъ . . . . . Ермакъ.
6. Ик-ра . . . . . Икра.
7. По-жаръ. . . . . Пожаръ
8. Я-воръ . . . . . Яворъ.
9. Кол-чанъ . . . . . Колчанъ.
10. А-ракъ. . . . . Аракъ.
11. Боб-ровъ. . . . . Бобровъ.
12. Пол-ка. . . . . Полка.
13. О-ка . . . . . Ока.
14. Аз-бука. . . . . Азбука.
15. Полынь-я . . . . . Полынья.
16. Крон-штатъ . . . . . Кронштатъ

Конецъ перваго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ

къ сочиненіямъ

ИЗМАЙЛОВА.

Томъ I.

—

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Басни.

		Стран.
	Біографія.	3
I.	Происхожденіе и польза басни . .	13
II.	Умирающая собака	14
III.	Кошка, превращенная въ женщину.	16
IV.	Два Пѣтуха.	18
V.	Оселъ и Конь	19
VI.	Совѣтъ Мышей.	—
VII.	Дряхлый Левъ.	21
VIII.	Козелъ и Лисица.	23
IX.	Кукушка.	24
X.	Филинъ и Чижъ	25
XI.	Лебедь, Гусь, Утка и Журавль .	26
XII.	Волкъ и Журавль.	27
XIII.	Безхвостая Лисица	28
XIV.	Горлица и Малиновка.	30
XV.	Летучая Мышь и двѣ Ласточки. .	32
XVI.	Павлинъ, два Гуся и Нырокъ. .	33

Стран.

XVII. Котъ и Крысы 34
XVIII. Попугай 36
XIX. Насѣдка 38
XX. Ягненокъ и Поросенокъ 39
XXI. Львица и Свинья 40
XXII. Два Осла. 41
XXIII. Гора въ родахъ 42
XXIV. Воробьи и Овсянка 43
XXV. Лѣстница. 44
XXVI. Два кота. 45
XXVII. Мартышка и Котъ. 46
XXVIII. Поединокъ. 48
XXIX. Волчья хитрость 50
XXX. Вишня и Птицы 51
XXXI. Два рака 52
XXXII. Волкъ и Лисица. 53
XXXIII. Ворона и кувшинъ . . . . . —
XXXIV. Левъ и Лисица. 54
XXXV. Дѣвушка и Чижъ 56
XXXVI. Павлинъ, Щегленокъ и Воробьи . 57
XXXVII. Устрица и двое Прохожихъ. . . 59
XXXVIII. Дитя и семь нянекъ 60
XXXIX. Учитель и Ученикъ 63
XL. Два крестьянина и Облако . . . 64
XLI. Яшка поваръ 65
XLII. Соловей и Воронъ 67
XLIII. Кошки въ погребѣ 69
XLIV. Водопадъ и Рѣка 70
XLV. Крестьянинъ и Кляча 71
XLVI. Роза и Репейникъ 73

Стран.

XLVII. Мачиха и Пасынокъ 73
XLVIII. Макарьевнина Уха 74
XLIX Блины 75
L. Куликъ астрономъ 77
LI. Черный Котъ 78
LII. Собака и Секретарь. 83
LIII. Бѣгунъ и Кляча 86
LIV. Собака на сѣнѣ 88
LV. Двѣ Козы 89
LVI. Два Попугая 91
LVII. Змѣя и Свинья 94
LVIII. Фортуна и Достоинство 95
LIX. Слонъ и Собаки. . . . . —
LX. Собачья зависть 98
LXI. Орелъ и Сорока 100
LXII. Скотское правосудіе. 101
LXIII. Канарейка и Соловей 103
LXIV. Чижъ и Стрижъ 105
LXV. Волкъ и Овца 107
LXVI. Скотининъ и Свинья 109
LXVII. Золотая Струна 111
LXVIII. Олень и Овца 112

Сказки.

I. Нѣжная жена 115
II. Медвѣдь и два Охотника 116
III. Утопленница 117
IV. Стихотворецъ и Чортъ. 118
V. Молодая Вдова 121
VI. Обманъ за обманъ 123

Стран.

VII. Кащей и его Сосѣдъ 124
VIII. Снѣжный Ребенокъ 126
IX. Два человѣка и Кладъ. 128
X. Купецъ Мошнинъ 130
XI. Священникъ и Крестьянинъ . . . 132
XII. Страсть къ стихотворству 135
XIII. Исправленіе. 138
XIV. Два красавца 139
XV. Дуракъ Филатка 141
XVI. Карета и Лошади. 143
XVII. Слезы Кащея 146
XVIII. Отчаяніе матери . . . . . —
XIX. Пьяница. 147
XX. Догадливая жена 150
XXI. Возраженіе пьяницы 151
XXII. Пьяница и Судьба. . . . . —
XXIII. Капризъ госпожи. 152
XXIV. Совѣсть разбойника 153
XXV. Простодушная. 154
XXVI Два друга 157
XXVII. Кащей и Лѣкарь. 160
XXVIII. Купецъ Брюхановъ. 163
XXIX. Несчастный любовникъ. 167
XXX. Служанка 169
XXXI. Клятва Пьяницы 170
XXXII. Встрѣча двухъ подругъ 171
XXXIII. Собака и Воръ 175
XXXIV. Смѣтливый Экономъ 179
XXXV. Лгунъ 180
XXXVI. Приказные синонимы 183

Стран.

XXXVII. Дура Пахомовна 185
XXXVIII. Такъ да не такъ 187
XXXIX. Стрѣлки 189
XL. Свекровь и Невѣстка 190
XLI. Пѣвчіе 192
XLII. Ѳадей съ фонаремъ 195
XLIII. Помѣщикъ и управители 196
XLIV. Павлушка книгопродавецъ 201
XLV. Бабушка и Внучка 205
XLVI. Кулачные бойцы 207
XLVII. Скупой и Окулистъ 209
XLVIII. Тьмака 211
XLIX. Завѣтное пиво 212
L. Выставка мануфактуръ 215
LI. Фонарь 216
LII. Буфетчикъ и Дворецкій 217
LIII. Клеветникъ 220
LIV. Обманчивая наружность 223
LV. Шутъ въ парикѣ 225
LVI. Смерть и Стихотворецъ 227
LVII. Дворянка бурнка 230
LVIII. Шутъ 231
LIX. Судья Ѳадей (сказка) 234
LX. Сленина лавка 236

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Лирическія и Элегическія.

I. На отъѣздъ и на день тезоименитства Императрицы Елисаветы Алексѣевны 241

Стран.

II. На коронованіе Его Величества Государя Императора Николая Павловича 242
III. На день рожденія Государя Императора Николая Павловича . . . 244
IV. На день коронованія Его Величества Государя Императора Николая Павловича 1826—22 Авг. . . . 245
V. На кончину Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны 246
VI. На кончину Генералъ-Фельдмаршала Князя М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго 247
VII. Кантата на кончину С. Д. П. . . 249
VIII. Молитва Благонамѣреннаго . . . 250

Анакреонтическія и Вакхическія.

I. Пріятная смерть 252
II. Новый Нарциссъ. 253
III. Воззваніе къ Фебу . . . . . —

П ѣ с н и.

I. Таврическій садъ 256
II. Опасности отъ воды 257
III. Пусть дурачатся глупцы 260
IV. На новый 1824 годъ 262
V. Люблю тебя за нравъ твой кроткій . 264
VI. Все бы, все бы подлѣ милой я сидѣлъ. 265
VII. На отъѣздъ въ Тверь . . . . . —
VIII. Тетушкина пѣсня 267
IX. Бѣжецкая вице-губернаторская пѣсня 268

Стран.

X. Шенкурская рекрутская пѣсня . . 270
XI. Пѣсня 272
XII. Я. В. Виллiе. . . . . —

Разговоры.

I. N. N. N. 275
II. Мать и Дочь 276
III. Графъ N. и его Секретарь 278
IV. Дядя и Племянникъ Славянофилы . 279
V. Богатый и Бѣдный 283
VI. Цензоръ и Сочинитель 284

Посланія.

I. На отъѣздъ пріятеля въ Москву. . 289
II. М. Ѳ. О. на отъѣздъ его изъ Твери. 291
III. Кашинскимъ и Калязинскимъ рекрутамъ 294
IV. Къ N. N. о садѣ Г. 295
V. Прощаніе съ Архангельскомъ . . 300
VI. Саратовскому Вице-губернатору . . 301

Застольные.

I. Куплеты имяинницѣ 303
II. Внучкѣ имяинницѣ 304
III. Сыну моему, Мишѣ 305
IV. В. И. Панаеву 307
V. Н Ѳ. Остолопову 308
VI. Я. К. Кайданову. 310
VII. Новобрачнымъ N... 312
VIII. Кумѣ стихотворицѣ 314

Стран.

IX. Крестнику Аполлону 316
X. А. Д. Мякинину 317
XI. Новобрачнымъ К—мъ 319
Въ Альбомы. 321

Смѣсь.

I. Смерть (изъ Мальгебра). 342
II. На рожденіе младенца 343
III. Ученіе Сократа (изъ Демутье) . . —
IV. На болѣзнь С. Д. П. 345
V. N. N. съ книжкою „Тассовы мечтанія" 347
VI. Молитва о выздоровленіи Селесты . 348
VII. Женѣ моей, по случаю подаренной ею мнѣ табакерки. . . . . —
VIII. Завѣщаніе друзьямъ. 350
IX. Любительницѣ кошекъ 351
X. Моя молитва . . . . . —
XI. Къ Читателямъ и Читательницамъ Благонамѣреннаго 352
XII. Кудрявому Амуру. 354
XIII. Дочери моей Наташѣ 355
XIV. Кавалеристамъ и артеллеристамъ 1-й Уланской дивизіи 356
XV. Надпись въ комнатѣ И. С. П. . . 357
XVI. Женѣ моей Катенькѣ въ день рожденія 358
XVII. Изъ письма къ издателю журнала Сына Отечества. 362
XVIII. На пріѣздъ Я. И. Г. . . . . —
XIX. А. Я. Н. 365

Стран.

XX. Завѣщаніе Наполеона Бонапарта. . 366
XXI. Инструкція зятю моему и женѣ его, а моей дочери 371
XXII. Княгинѣ Е. С. Х. 376
XXIII. Прошеніе стерлядей 377
XXIV. Надписи. 379
XXV. Надгробныя. 383
XXVI. Мадригалы 390
XXVII. Экспромпты. 395
XXVIII. Эпиграммы 398
XXIX. Эпитафіи 414
XXX. Шарады. 417
XXXI. Объясненіе шарадъ 420

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

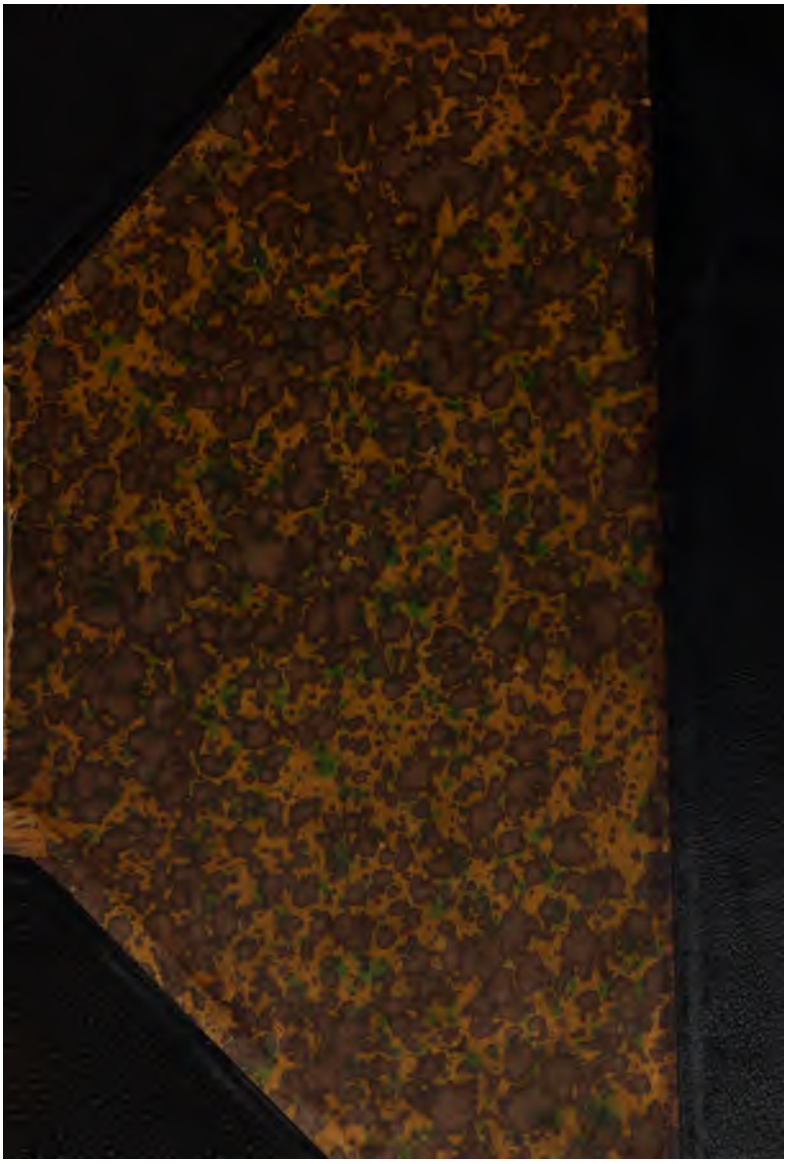
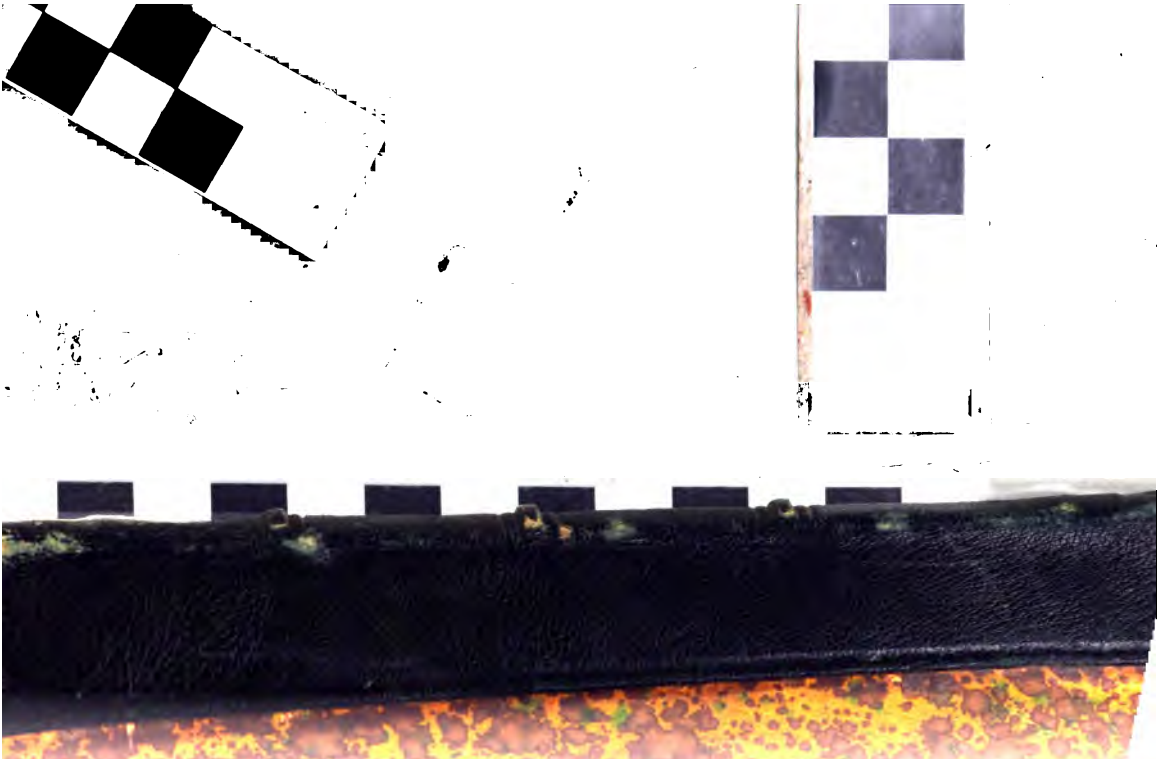
DOC MAY 03 1995

APR 21 1995

Stanford University Libraries
3 6105 005 724 740

PC
3337
I85
1890
V.1

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

JUN 1986